

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Дальневосточный федеральный университет»

На правах рукописи

Субачев Алексей Константинович

**ИНСТИТУТ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ
В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Специальность 12.00.08 – уголовное право и криминология;
уголовно-исполнительное право

**Диссертация на соискание учёной степени
кандидата юридических наук**

Научный руководитель:
доктор юридических наук, профессор
Басова Татьяна Борисовна

Владивосток – 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Признаки соучастия в преступлении. Природа и основание ответственности соучастников преступления	16
§ 1.1. Объективные признаки соучастия в преступлении	17
§ 1.2. Субъективные признаки соучастия в преступлении	30
§ 1.3. Природа и основание ответственности соучастников преступления.....	43
Глава 2. Отдельные виды соучастия в преступлении: проблемы правопонимания.....	67
§ 2.1. Проблемные аспекты понимания подстрекательства	67
§ 2.2. Проблемные аспекты понимания пособничества.....	85
Глава 3. Криминализация отдельных видов деятельности соучастников в нормах Особенной части УК РФ	105
§ 3.1 Содействие террористической деятельности как проявление института соучастия в преступлении в нормах Особенной части УК РФ	105
§ 3.2. Финансирование преступлений как отображение пособничества в нормах Особенной части УК РФ.....	125
§ 3.3. Посредничество в совершении преступлений как выражение пособничества в нормах Особенной части УК РФ	152
Заключение.....	186
Библиографический список.....	192

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Соучастие в преступлении заслуженно считается одним из самых сложных институтов уголовного права, что в немалой степени обусловлено спецификой конструирования норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ): составы преступлений, за некоторыми исключениями, описывают индивидуальную преступную деятельность. По указанной причине в случае совершения преступления усилиями двух и более лиц, не все из которых участвовали в выполнении объективной стороны соответствующего состава преступления (так называемое соучастие с распределением ролей), для правильной квалификации содеянного правоприменителю необходимо прибегать к нормам Общей части УК РФ, регламентирующим деятельность организатора, подстрекателя и пособника. Также и при совершении преступления совместными усилиями нескольких лиц, действия каждого из которых содержат лишь часть объективной стороны соответствующего состава преступления, для надлежащей уголовно-правовой оценки совершенного преступления следует руководствоваться нормами института соучастия в преступлении, регламентирующими соисполнительство и групповую преступную деятельность. Однако нормы Общей части уголовного закона по причине их обобщающего содержания и меньшей по сравнению с нормами Особенной части УК РФ казуистичности в описании являются более сложными для применения в практической деятельности.

В первоначальной редакции уголовного закона 1996 года регламентация института соучастия в преступлении по общему правилу осуществлялась посредством норм Общей части. Незначительные исключения образовывали составы преступлений, объективная сторона которых заключается в организаторских действиях по созданию преступных групп и (или) руководству ими (ст. 208, 209, 210 УК РФ). Несмотря на определенную степень дублирования в указанных составах преступлений действий организатора преступления, установление уголовной ответственности за соучастие в преступлении в подобной форме не входило в про-

тиворечие с принципами уголовного права, а было обусловлено повышенной степенью опасности приготовительных к преступлению действий в виде создания преступных групп и руководства их деятельностью. Более того, ответственность за указанные действия в большей степени имеет характер ответственности за приготовление к преступлению, нежели за соучастие в его совершении. Данный тезис подтверждается ч. 5 ст. 35 УК РФ, предусматривающей ответственность организатора не только за создание и руководство преступной группой, но и за все совершенные такой группой преступления, если они охватывались его умыслом. Следовательно, ответственность таких организаторов по отношению к совершаемым группой преступлениям носит субсидиарный характер, что не даёт нам поводов говорить о тождественности содержания указанных статей Особенной части УК РФ нормам института соучастия в преступлении.

Другим исключением из указанного правила на момент принятия уголовного закона являлся состав преступления, предусмотренный ч. 1 ст. 359 УК РФ (вербовка, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наемника).

Со временем в отечественной уголовно-правовой политике наметился поворот в сторону криминализации деяний, соответствующих тому или иному виду соучастия, указанному в ст. 33 УК РФ, в качестве самостоятельных составов преступлений, который к настоящему времени нашел отражение в уголовно-правовых нормах, предусмотренных статьями 204¹ (посредничество в коммерческом подкупе), 205¹ (содействие террористической деятельности), ч. 1 ст. 208 (финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом), 282³ (финансирование экстремистской деятельности), 291¹ (посредничество во взяточничестве), ч. 1 ст. 359 (финансирование или иное материальное обеспечение наемника), ч. 3 ст. 361 (финансирование акта международного терроризма) УК РФ¹ и др.

¹ Далее по тексту обозначенные статьи будут упоминаться без указания на именование преступления как: 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ.

Ввиду того, что отечественная уголовно-правовая доктрина традиционно придерживалась представления о соучастии в преступлении именно как об институте Общей части уголовного закона, упомянутое нормотворчество нуждается в подробнейшем исследовании на предмет его соответствия правилам конструирования уголовно-правовых норм, а также принципам уголовного права и уголовно-правовой политики.

Изложенное и определяет актуальность темы настоящего диссертационного исследования.

Степень разработанности научной проблемы. Проблемы института соучастия в преступлении поднимались еще в дореволюционной литературе такими авторами, как Л.С. Белогриц-Котляревский, А.С. Жиряев, Г.Е. Колоколов, С.В. Познышев, П.П. Пусторослев, Н.Д. Сергеевский, В.Д. Спасович, Н.С. Таганцев, И.Я. Фойницкий, И.Я. Хейфец.

Среди ученых советского периода существенный вклад в решение проблем соучастия в преступлении внесли Ф.Г. Бурчак, Р.Р. Галиакбаров, П.И. Гришаев, А.Ф. Зелинский, Н.Г. Иванов, М.И. Ковалев, Г.А. Кригер, А.А. Пионтковский, П.Ф. Тельнов, А.Н. Трайнин, М.Д. Шаргородский, М.А. Шнейдер.

В настоящее время вопросами соучастия в преступлении как института Общей части УК РФ занимаются такие криминалисты, как С.С. Аветисян, Д.А. Безбородов, Е.В. Благов, Н.В. Димченко, А.С. Дрепелев, Д.С. Дядькин, Ю.А. Клименко, А.П. Козлов, Т.И. Косарева, Л.Л. Кругликов, А.Н. Мондохонов, С.Н. Наумов, А.И. Плотников, А.В. Плужников, Р.С. Рыжов, Р.Д. Шарапов, А.В. Шеслер и др.

Отдельные аспекты регламентации уголовной ответственности за совершение деяний, фактически представляющих деятельность соучастников преступления, указанных в ст. 33 УК РФ, в Особенной части уголовного закона освещены в работах З.А. Абакарова, П.В. Агапова, В.П. Алехина, А.А. Аникина, Е.Ю. Антоновой, А.А. Арутюнова, Н.А. Бабий, В.Н. Боркова, А.В. Бриллиантова, В.В. Васюкова, Д.А. Гарбатовича, В.И. Гладких, С.В. Иванцова, Л.В. Иногамовой-Хегай, О.С. Капинус, М.А. Кауфмана, А.Г. Кибальника, В.Л. Кудрявцева,

К.В. Михайлова, Д.М. Молчанова, С.В. Мурадяна, Т.И. Нагаевой, А.И. Рарога, А.В. Серебрякова, В.И. Ткачева, П.С. Яни и др.

Необходимо выделить диссертационные исследования С.А. Ершова, В.В. Кустовой, В.В. Ульяновой, В.Ю. Шубиной, предметом которых в той или иной мере выступали проблемы соотношения регламентации уголовной ответственности за соучастие в преступлении в Общей и Особенной частях УК РФ.

В частности, исследование С.А. Ершова² посвящено пособничеству как явлению Общей части УК РФ и пособничеству, криминализированному в качестве самостоятельных составов преступлений.

В работе В.Ю. Шубиной³ уделено внимание проблемам регламентации пособнической деятельности в целом, однако автором также рассмотрен вопрос соотношения уголовно-правового регулирования ответственности за пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ на примере статей 205¹ и 291¹ уголовного закона.

В.В. Ульянова в своей диссертации⁴ сфокусировала внимание на проблеме финансирования терроризма, частично затронув вопрос о соотношении финансирования терроризма и пособничества террористической деятельности.

Исследование В.В. Кустовой⁵ включает комплексное изучение проблем финансирования как преступной деятельности, в том числе и его соотношения с пособнической деятельностью.

В то же время, несмотря на наличие современных работ, посвященных проблемам института соучастия в преступлении, комплексные исследования по вопросам криминализации соисполнительской, организаторской, подстрекательской и пособнической деятельности в качестве самостоятельных составов преступлений не проводились.

² Ершов С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. 226 с.

³ Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. 182 с.

⁴ Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. 184 с.

⁵ Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. 206 с.

В настоящем исследовании предпринята попытка комплексного изучения проблемы дублирования норм института соучастия в преступлении в статьях Особенной части уголовного закона, учитывающая ключевые составы преступлений, существенные признаки которых совпадают со столь же существенными признаками деятельности соучастников преступления.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие:

- при совершении преступлений в соучастии с распределением ролей;
- при совершении преступлений, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ.

Предмет исследования составляют:

- уголовно-правовые нормы, описывающие деятельность соисполнителей, подстрекателя и пособника;
- уголовно-правовые нормы, предусмотренные ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ;
- акты высших судебных органов и судебная практика по делам о преступлениях, совершенных в соучастии, а также по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹ УК РФ;
- научные работы по исследуемым в диссертации вопросам.

Цель диссертационного исследования – на основе существующих взглядов на проблему уголовно-правового регулирования соучастия в преступлении, в том числе в аспекте теории его отражения в нормах Особенной части УК России, анализа действующего уголовного законодательства и практики его применения, дать правовую оценку обоснованности установления ответственности за отдельные виды деятельности соучастников, криминализация которых представлена в качестве самостоятельных составов преступлений, предусмотренных статьями 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 уголовного закона России; определить основные направления его совершенствования в аспекте задач, стоящих перед уголовным правом на современном этапе.

Задачами диссертационного исследования определено:

- провести анализ понятия соучастия в преступлении для определения образующих его признаков;
- выявить природу и основания ответственности соучастников преступления, проанализировать приемлемость регламентации института соучастия в преступлении на уровне Общей и Особенной частей УК РФ и определить наиболее предпочтительный способ уголовно-правового регулирования ответственности за соучастие в преступлении;
- исследовать отдельные аспекты подстрекательской и пособнической деятельности для выявления проблем их понимания;
- провести уголовно-правовой анализ отдельных признаков составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, 282³, 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ, и сопоставить их с существенными признаками деятельности соисполнителя, подстрекателя и пособника;
- определить характер последствий для правоприменения, вызванных включением указанных статей в Особенную часть УК РФ;
- выработать основные направления совершенствования действующего УК РФ в аспекте задач, стоящих перед уголовным правом на современном этапе.

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы познания, в том числе общефилософский, системно-структурный, структурно-функциональный, метод комплексного и системного анализа, метод моделирования и другие, а также специальные юридические: формально-юридический, технико-юридический, сравнительно-правовой и др.

Теоретическую основу исследования составляют научные труды российских учёных-правоведов отраслевого характера, в которых изложены достижения правовой доктрины в области института соучастия в преступлении.

Нормативную базу диссертационного исследования составляют международные правовые акты, нормы уголовного закона, регулирующие отношения, возникающие при совершении преступлений в соучастии, а также преступлений, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3

ст. 361 УК РФ, уголовное законодательство советского периода, разъяснения Пленумов Верховных Судов СССР, РСФСР, Российской Федерации по вопросам квалификации указанных преступлений.

Эмпирическую базу исследования составляют материалы судебной практики по делам о преступлениях, совершенных в соучастии, а также по делам о преступлениях, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ст. 291¹ УК РФ, изученные за период 2004-2018 гг. в объеме 686 судебных актов, в том числе: определения судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, постановления Президиума Верховного Суда Российской Федерации; определения, постановления и приговоры судов различных субъектов Российской Федерации и городов федерального значения.

Из общего числа обобщенных материалов судебной практики пятьдесят судебных актов различных судебных инстанций: судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, Президиума Верховного Суда Российской Федерации, судов Кабардино-Балкарской Республики, Карачаево-Черкесской Республики, Республики Мордовия, Республики Саха (Якутия), Республики Хакасия, Краснодарского края, Приморского края, Хабаровского края, Амурской, Брянской, Иркутской, Калининградской, Московской, Нижегородской, Омской, Свердловской, Томской, Ярославской областей, городов федерального значения Москва и Севастополь непосредственно использованы автором для обоснования результатов и выводов диссертационного исследования.

Научная новизна диссертационной работы заключается в том, что существующая в теории и на практике проблема соотношения уголовно-правовых норм, представленных в Общей части и Особенной части уголовного закона России, которые регламентируют ответственность за соучастие в преступлении, рассматривается на монографическом уровне комплексно и системно. В ракурсе обозначенной проблемы исследовано понятие соучастия в преступлении на предмет раскрытия его признаков, выявлены природа и основания уголовной ответственности соучастников преступления, установлены существенные признаки и особенности подстрекательской и пособнической деятельности.

Доктринальный анализ отдельных признаков составов преступлений, предусмотренных ст.ст. 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, 282³, 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361 УК РФ, показал, что нормы обозначенных статей полностью либо частично дублируют положения норм, предусмотренных частями 2-5 статьи 33 уголовного закона России. Выявленные недочеты позволили диссертанту внести конкретные предложения по совершенствованию действующего уголовного закона России в аспекте задач, стоящих перед уголовным правом на современном этапе.

В результате проведенного исследования на защиту выносятся следующие новые или содержащие элементы новизны положения:

1. Анализ характеристики объективных признаков соучастия в преступлении позволил обосновать выводы:

– невзирая на оценочный характер такого объективного признака соучастия в преступлении, как «совместность деяния», считаем, что он складывается из следующих элементов: наличие функциональных связей между соучастниками, единый для них преступный результат, причинно-следственная связь между действиями каждого из соучастников и наступившим преступным результатом;

– формула «соучастие в преступлении образуют действия двух и более лиц» подразумевает, что каждое из совместно действующих лиц должно обладать признаками субъекта преступления. Указанное требование в равной мере распространяется на все виды совместной преступной деятельности, что вызывает необходимость уточнить редакцию статьи 32 УК РФ следующим образом: «Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более вменяемых и достигших возраста уголовной ответственности лиц в совершении умышленного преступления»;

2. В результате исследования субъективных характеристик соучастия в преступлении доказано:

– умышленность участия как признак соучастия в преступлении требует наличия двусторонней субъективной связи как минимум между исполнителем (исполнителями) и иными соучастниками, которая проявляется во взаимной осве-

домленности между соучастниками об их действиях (бездействии), а также в наличии желания причинить преступный результат совместными усилиями;

– соучастие возможно лишь в умышленных преступлениях. При этом умысел может быть как прямым, так и косвенным. В преступлениях со смешанной формой вины квалифицирующие последствия, причиненные по неосторожности, могут вменяться в вину лишь непосредственным причинителям вреда.

3. Дополнительно аргументируются положения:

– соучастие в преступлении представляет собой систему, обладающую качественно иными свойствами и возможностями, нежели простая совокупность составляющих ее элементов;

– основанием уголовной ответственности соучастников выступает совершение системой соучастия деяния, содержащего все признаки состава преступления;

– природа ответственности соучастников преступления в российском уголовном законе реализована в виде акцессорного принципа и принципа самостоятельной ответственности, которые дополняют друг друга. При этом центральное место в реализации уголовной ответственности соучастников преступления занимает именно акцессорный принцип, в то время как принцип самостоятельной ответственности играет вспомогательную роль.

4. На основе анализа уяснения природы и основания ответственности соучастников преступления делается вывод о том, что для эффективного противодействия совместной преступной деятельности нормы института соучастия должны носить универсальный характер, а это предполагает необходимость их закрепления исключительно в нормах Общей части УК РФ.

5. Утверждается, что:

– подстрекательство представляет собой осуществляемую любыми способами активную деятельность, направленную на возникновение у строго определенного (-ых) лица (лиц) намерения совершить преступление, юридический момент окончания которой приходится на момент начала выполнения склоненным лицом хотя бы приготовления к совершению преступления;

– обязательным требованием для признания склонения к совершению преступления подстрекательством является факт доведения до сознания подстрекаемого всех признаков соответствующего состава преступления, а также индивидуализация подстрекателем непосредственного объекта посягательства в объективной действительности;

– подстрекательство возможно в отношении любых соучастников преступления;

– пособническая деятельность представляет собой существенное содействие преступной деятельности любого из соучастников способами, перечень которых является исчерпывающим.

6. Установлено, что преступления, размещенные в ст.ст. 204¹ (посредничество в коммерческом подкупе), 205¹ (содействие террористической деятельности), ч. 1 ст. 208 (финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом), ст.ст. 282³ (финансирование экстремистской деятельности), 291¹ (посредничество во взяточничестве), ч. 1 ст. 359 (финансирование или иное материальное обеспечение наемника), ч. 3 ст. 361 (финансирование акта международного терроризма) УК РФ, предусматривают ответственность за отдельные виды деятельности соучастников, криминализация которых представлена в качестве самостоятельных составов преступлений.

В результате критической оценки отражения института соучастия в преступлении в нормах Особенной части УК РФ аргументированы выводы:

– криминализация общественно опасных деяний в обозначенных статьях Особенной части уголовного закона России в форме самостоятельных составов преступлений не имеет под собой уголовно-политических оснований, поскольку в полном объеме сохраняются возможность и целесообразность привлечения к ответственности виновных посредством применения норм Общей части УК России, в которых регламентирована ответственность за приготовление к преступлению и соучастие в преступлении;

– интенсивность криминализации уголовного закона в части регламентации ответственности за отдельные виды деятельности соучастников свидетельствует о неоптимальном развитии тенденций современной уголовно-правовой политики России, когда криминализация в рамках Особенной части УК РФ путем введения в ее текст новых составов преступлений влечёт грубое нарушение принципа справедливости в части пенализации преступлений, а также исключает возможность соблюдения принципа дифференциации уголовной ответственности.

7. В целях устранения избыточности законодательного регулирования, а также выявленных в процессе исследования нарушений принципов уголовного права и уголовно-правовой политики диссертант обосновывает предложения, направленные на отказ от самостоятельной криминализации деяний, предусмотренных:

- ст. 204¹ (посредничество в коммерческом подкупе);
- ст. 205¹ (содействие террористической деятельности);
- ч. 1 ст. 208 (финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом);
- ст. 282³ (финансирование экстремистской деятельности);
- ст. 291¹ (посредничество во взяточничестве);
- ч. 1 ст. 359 (финансирование или иное материальное обеспечение наемника);
- ч. 3 ст. 361 (финансирование акта международного терроризма),
и исключить указанные нормы из Особенной части УК РФ.

Степень достоверности результатов диссертационного исследования базируется на использовании проверенных методов исследования, солидной базы нормативных источников в виде международно-правовых актов, уголовного и иных федеральных законов России.

Достаточная степень достоверности выводов диссертации, соответствующая формату работы, обеспечена всесторонним анализом солидного объёма эмпирического материала (обобщена практика отечественных судебных органов различного уровня – с указанием в диссертации сносок на конкретные изученные

судебные акты), а также значительного количества теоретических источников, представленных научными работами российских учёных, исследовавших различные проблемные аспекты института соучастия в преступлении в разрезе его отражения как в нормах Общей части, так и в нормах Особенной части УК России.

Апробация результатов исследования. Диссертационное исследование подготовлено и обсуждено на кафедре уголовного права и криминологии Юридической школы Дальневосточного федерального университета.

Сформулированные в диссертации научные положения и выводы отражены в девяти публикациях. Пять из них – в журналах, включённых в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, рекомендованных ВАК России для опубликования основных положений диссертационных исследований.

Кроме этого, отдельные научные положения и выводы диссертации представлены и в опубликованном в открытой печати Научно-техническом отчете по научно-исследовательской работе в рамках проектной части государственного задания № 29.763.2014/К в сфере научной деятельности за 2015 г. по теме: «Угрозы криминального характера в сфере общественной безопасности Российской Федерации: мониторинг эффективности уголовного законодательства и правоприменительной практики; меры по противодействию и нейтрализации», в котором соискателем единолично подготовлен отдельный параграф.

Основные положения, выводы и практические рекомендации диссертационного исследования докладывались автором на различных региональных и международных научно-практических конференциях (2014-2018 гг.): на Молодежном симпозиуме Владивостокского филиала Российской таможенной академии (г. Владивосток, 2014 г.), на молодёжной научной конференции «Дагелевские чтения. Актуальные проблемы науки и практики» (г. Владивосток, 2015-2017 гг.), на международной конференции «Проблемы противодействия терроризму и экстремизму в России и странах Азиатско-Тихоокеанского региона», состоявшейся в рамках IV Тихоокеанского юридического форума «Перспективы развития юридической науки, практики и образования в Азиатско-Тихоокеанском регионе» (г. Владивосток, Дальневосточный федеральный университет, 2-3 октября 2018 г.).

Структура диссертации определена поставленными автором целью и задачами исследования, логикой последовательного изложения изучаемой проблематики. В связи с этим работа состоит из введения, трёх глав, включающих восемь параграфов, заключения, списка использованных нормативных правовых актов и научной литературы (библиографии). Объём диссертации соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению такого рода исследований.

Глава 1.

ПРИЗНАКИ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ. ПРИРОДА И ОСНОВАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ СОУЧАСТНИКОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Как отмечалось нами ранее, правильное понимание признаков соучастия в преступлении имеет фундаментальное значение для решения ряда важных проблем данного института. Так, привлечение к уголовной ответственности лиц в качестве соучастников невозможно без установления в содеянном характеристик, присущих совместной преступной деятельности. Помимо этого, четкое уяснение характеристик совместной преступной деятельности способствует правильному применению всех норм, регулирующих соучастие в преступлении.

Первую группу признаков исследуемого понятия составляют совместность деяния и участие двух и более лиц. Характеризуя внешнее взаимодействие соучастников, первая из названных характеристик предъявляет дополнительные требования к объективной стороне деяния каждого из них, которые не являются обязательными для признания наличия состава преступления в случае совершения преступления лицом индивидуально. Помимо указания законодателем на количественный минимум совместно действующих лиц (два и более), деятельность которых порождает соучастие в преступлении, нельзя забывать об их качественной характеристике, правильное понимание которой позволяет отграничивать совместную преступную деятельность от посредственного причинения вреда, а также группу лиц как уголовно-правовую категорию от группы лиц в криминологическом понимании.

Соучастие в преступлении как особая форма взаимодействия людей характеризуется не только объективными, т.е. проявляющимися в материальном мире, но также и субъективными признаками, отражающими психические процессы в сознании соучастников. Акцентируя внимание на важности установления субъективных признаков соучастия в преступлении, В.А. Владимиров в свое время пи-

сал, что «соучастие – не простое механическое объединение действий нескольких человек»⁶, тем самым подчеркивая недостаточность выявления лишь внешнего взаимодействия совместно действующих лиц. Исходя из законодательного определения соучастия, можно условно выделить следующие субъективные характеристики соучастия в преступлении: умышленный характер совместного участия и умышленная форма вины совершаемого в соучастии преступления. Данные характеристики являются основанием для отграничения соучастия в преступлении от таких явлений, как неосторожное сопричинение вреда, а также от иных случаев совершения преступления двумя и более лицами без признаков соучастия. Более того, правильно квалифицировать деяния лиц, совершивших преступление со смешанной формой вины, представляется невозможным без учета специфики содержания субъективной стороны действий каждого из соучастников, которая находит выражение в упомянутых признаках.

Ввиду существования различных теоретических точек зрения на содержательную характеристику данных признаков, полагаем необходимым произвести их подробный анализ в целях выработки правильного подхода к их пониманию.

§ 1.1. Объективные признаки соучастия в преступлении

В научной литературе наиболее распространенной является точка зрения, в соответствии с которой совместность деяния является объективным признаком соучастия⁷. Несмотря на это, отдельные авторы рассматривают ее в объективно-субъективной плоскости, поскольку включают в нее также наличие психической связи между соучастниками⁸. По нашему мнению, объективные и субъективные начала имеют различную среду существования, так что рассматривать их синтезировано кажется нам неправильным. В связи с этим мы поддерживаем тех авто-

⁶ Владимиров В.А. Преступление совершено соучастниками. М., 1961. С. 24.

⁷ См., например: Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по уголовному праву. М., 1959. С. 14; Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 34; Тельнов П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении. М., 1974. С. 17.

⁸ См., например: Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев: Вища школа, 1986. С. 106.

ров, которые совместность деяния относят к группе объективных признаков соучастия в преступлении.

Рассматриваемый признак в научной литературе раскрывается по-разному. Так, П.И. Гришаев и Г.А. Кригер выделяют следующие элементы данного понятия: совершение преступления общими усилиями, наличие единого для всех соучастников преступного результата, взаимообусловленность между действиями соучастников и причинно-следственная связь между преступным результатом и действиями каждого из соучастников⁹. Не отрицает такое понимание структуры совместности и Л.М. Прокументов¹⁰. В то же время отдельные авторы не выделяют в качестве самостоятельного элемента совместности деяния совершение преступления общими усилиями¹¹. По нашему мнению, общность усилий при совершении преступления есть не что иное, как совокупность единого преступного результата, функциональной связи между действиями соучастников и причинно-следственной связи между действиями соучастников и преступным результатом. Иными словами, совершение преступления общими усилиями как раз и представляет собой совместность деяния как объективный признак соучастия, в связи с чем выделение данного элемента кажется нам неверным с точки зрения логики.

Рассматривая совместность деяния как неотъемлемый признак соучастия, нельзя не охарактеризовать составляющие его элементы, которые были перечислены выше.

1. Наличие единого для всех соучастников преступного результата означает, что конкретный преступный результат достигается деяниями каждого из совместно действующих лиц, взятыми в совокупности. Наиболее точно, на наш взгляд, преступный результат определил А.П. Козлов, который понимал его как тот социальный феномен, ради которого несколько человек объединяются в нечто целое. В качестве такового, по его мнению, может выступать и совершение необходимых для каждого из них и для всех вместе общественно опасных действий (изнасилование, нападение при разбое и т. д.), и причинение того или иного обще-

⁹ Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 15-16.

¹⁰ Прокументов Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики. Томск, 2010. С. 24.

¹¹ См., например: Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 34; Козлов А.П. Указ. соч. С. 34.

ственно опасного вреда¹². В связи с этим нельзя признать верной позицию С.Н. Наумова, рассматривающего преступный результат с позиции конструкции состава преступления и, как следствие, понимающего его как общественно опасные последствия, присутствующие в материальных составах. По его мнению, в преступлениях с формальным составом присутствует лишь преступное деяние, а результат отсутствует¹³.

Совместные деяния направлены на один и тот же охраняемый уголовным законом объект. В то же время существует мнение, в соответствии с которым для констатации наличия единого преступного результата совсем не обязательно, чтобы действия каждого из соучастников были направлены на один и тот же охраняемый объект. Так, П.Ф. Тельнов отмечал: «Совместность деяний и общность преступного результата в смысле ст. 17 УК (УК РФСФР – прим. А.С.) означают их фактическую принадлежность к одному и тому же событию. Юридическая же оценка действий соучастников при расхождении в объекте посягательства может оказаться различной»¹⁴.

Полагаем, что указанный подход не учитывает следующего. Соучастие есть не простая принадлежность деяний соучастников к одному и тому же событию. Соучастие, как отмечалось ранее, является совместным участием в совершении преступления. При этом понятие преступления для уяснения рассматриваемого элемента совместности является ключевым. В частности, совершая одно и то же преступление, соучастники априори не могут посягать на разные объекты. Обратное означало бы совершение соучастниками разных преступлений, что исключало бы наличие в их действиях соучастия в преступлении как уголовно-правовой конструкции.

Следует отметить, что судами по-разному отражается данный элемент в приговорах. Так, П. и И. были осуждены за разбой, совершенный группой лиц по предварительному сговору. Устанавливая групповую форму соучастия в преступ-

¹² Козлов А.П. Указ. соч. С. 39-40.

¹³ Наумов С.Н. Совместность участия как оценочный признак соучастия в преступлении // Общество и право. 2009. № 3. С. 127.

¹⁴ Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 26.

лении, суд, помимо прочего, указал, что преступный результат для подсудимых был един¹⁵. В большинстве же из изученных нами случаев в приговорах либо описываются действия подсудимых с указанием на наступивший вследствие этого результат (характерно для соисполнительства)¹⁶, либо указывается форма содействия исполнителю (характерно для соучастия с распределением ролей)¹⁷.

2. Функциональная связь между действиями соучастников представляет собой внешнюю форму их взаимодействия. Каждый из соучастников совершает действия, необходимые и достаточные для того, чтобы свою функцию смогли выполнить иные соучастники. Наиболее полно, на наш взгляд, функциональную связь исследовал А.П. Козлов. Во-первых, он выделил и раскрыл два ее элемента¹⁸:

– отдельные акты поведения соучастников («участие» в законодательном значении). Под ними автор понимает специфическую деятельность двух или более лиц, которая определяется особенностями поведения каждого соучастника;

– объединение функций, выполняемых соучастниками, в единое целое.

Во-вторых, он разграничил функциональную связь на следующие уровни:

– создание условий для совершения преступления. К этому уровню следует относить действия соучастников, совершаемые до начала выполнения объективной стороны состава преступления исполнителем (соисполнителями). В связи с этим сам исполнитель на данной стадии бездействует, в то время как остальные соучастники создают необходимые условия для его деятельности своими совокупными усилиями;

– исполнение преступления. Здесь на первый план выходит исполнитель, так как именно он претворяет преступные намерения соучастников в жизнь. В то

¹⁵ Приговор Бурейского районного суда Амурской области от 21.06.2011 по делу № 1-139/2011 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/Oc8fD> (дата обращения 05.08.2018).

¹⁶ См., например: Приговор Шкотовского районного суда Приморского края от 24.05.2013 по делу № 1-11/2013 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/y3lhP> (дата обращения 05.08.2018).

¹⁷ См. например: приговор Приморского краевого суда от 29.11.2010 по делу № 2-21/2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/1Nioz> (дата обращения 05.08.2018).

¹⁸ Козлов А.П. Указ. соч. С. 34.

же время это совсем не исключает возможность участия на данной стадии таких соучастников, как пособник и организатор¹⁹.

Во всех случаях соучастия с распределением ролей функциональная связь представляет собой цепочки взаимодействия различной длины (подстрекатель – исполнитель; организатор – пособник – исполнитель; и т.д.). Причем, как пишет А.П. Козлов, чем сложнее данные взаимосвязи на каждом из уровней, тем объединение опаснее²⁰.

3. В научной литературе разногласий по поводу наличия связи между действиями каждого из соучастников и наступившим преступным результатом не имеется. Тем не менее существуют различные точки зрения о характере этой связи. Большая часть авторов придерживается мнения, согласно которому данная связь имеет причинно-следственный характер²¹. Несмотря на это отдельные ученые данную точку зрения не разделяют. Так, А.П. Козлов говорит об *объективном* характере исследуемой связи²². По его мнению, она проявляется в двух формах:

– обуславливающе-опосредованная связь с преступным результатом. В данном случае действия соучастников являются лишь условием наступления преступного результата, а не его причиной. Данная форма полностью охватывает деяния организатора, подстрекателя и пособника;

– причинно-следственная связь между действиями исполнителя (соисполнителей) и преступным результатом. Данный вопрос разрешается на основе общего учения об объективной стороне состава преступления, так что не требует конкретного обоснования с точки зрения института соучастия²³.

Наличие двух противоположных точек зрения, возможно, вызвано различным пониманием природы соучастия в преступлении. Авторы, придерживающиеся первой позиции, рассматривали соучастие с точки зрения системного подхода,

¹⁹ Там же. С. 36.

²⁰ Там же. С. 37.

²¹ См., например: Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 16; Прокументов Л.М. Указ. соч. С. 22-23; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 30; Церетели Т.В. Причинная связь в уголовном праве. М., 1963. С. 345.

²² Козлов А.П. Указ. соч. С. 44.

²³ Там же. С. 48.

о котором, в частности, говорит А.А. Арутюнов²⁴. И действительно, если воспринимать соучастие не просто как совокупность составляющих его элементов, а как единую целостную систему, представляющую нечто большее, чем просто сумму его элементов, то причинителями вреда следует именовать всех соучастников сразу. Именно их действия в совокупности и являются причиной наступления преступного результата. Позиция же А.П. Козлова зиждется на диалектическом учении о причине. В соответствии с ним причина представляет собой такое явление материального мира, которое по своим объективным свойствам способно породить и закономерно порождает иное явление материального мира, которое именуется следствием данной причины. В свете данного учения действия каждого из соучастников, взятые в отдельности, действительно неспособны породить преступный результат. Следовательно, они являются не причиной следствия, а условием причины следствия. Тем не менее согласиться с указанной точкой зрения мы не можем. Это вызвано прежде всего тем, что автор рассматривает данную проблему применительно к отдельно взятому соучастнику, не учитывая, что соучастие – это целостная система. Ввиду этого наличие методологической ошибки в его исследовании приводит к неправильному пониманию характера исследуемой связи. Более того, как справедливо отмечала Т.В. Церетели, в случае отсутствия причинной связи соучастника с преступным результатом его в принципе невозможно привлечь к ответственности²⁵. Данная аргументация кажется нам приемлемой, так как в соответствии со ст. 8 УК РФ, основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления. При констатации отсутствия именно причинно-следственной связи между наступлением преступного результата и действиями какого-либо из соучастников необходимо будет признать и отсутствие оснований для привлечения его к уголовной ответственности, что категорически неприемлемо. По этой причине мы стоим на позиции, согласно которой между действиями соучастников и наступившим преступным результатом существует причинно-следственная связь. Дан-

²⁴ Арутюнов А.А. Системный подход к общей теории соучастия в преступлении // Право и политика. 2001. № 10. С. 69.

²⁵ Церетели Т.В. Указ. соч. С. 344.

ный тезис в редких случаях находит свое подтверждение и на практике. Так, Омский областной суд в одном из своих приговоров указал, что действия виновных (среди которых присутствовали подстрекатели и пособники) находятся в прямой причинной связи с наступившими последствиями²⁶.

Тем не менее в большинстве случаев суды не отражают в приговорах все элементы рассмотренного признака. Более того, указание на совместность присутствует по большей части лишь при характеристике действий соисполнителей. При этом совместный с исполнителями характер действий иных соучастников судами не устанавливается. В частности, Приморский краевой суд в приговоре от 30.08.2011 по делу № 2-52/2011 указал, что в результате умышленных преступных действий подсудимого К., склонившего подсудимых С. и М. к совершению убийства А.Ф., *последние, действуя совместно и согласованно*, причинили ему умышленные телесные повреждения различного характера и степени²⁷.

Далее. Статья 32 УК РФ определяет соучастие в преступлении как умышленное участие *двух или более лиц* в совершении умышленного преступления. Несмотря на содержащееся в указанном определении требование к количественному минимуму лиц, способных образовывать соучастие в преступлении, в литературе существует точка зрения, в соответствии с которой установленный уголовным законом численный минимум соучастников не одинаков для всех форм соучастия, перечисленных в ст. 35 УК РФ. Так, по мнению А.Г. Мондохонова, преступное сообщество (преступную организацию) могут образовывать лица в количестве не менее четырех²⁸. Обосновывается данная точка зрения тем, что признак структурированности, являющийся обязательным для данной формы соучастия, предполагает наличие как минимум двух структурных подразделений, каждое из которых содержит не менее двух лиц. Несмотря на критику подобной позиции со сто-

²⁶ Приговор Омского областного суда от 29.09.2011 по делу № 2-32/2011 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/Pu2rW> (дата обращения 05.08.2018).

²⁷ Приговор Приморского краевого суда от 30.08.2011 по делу № 2-52/2011 [Электронный ресурс] URL: <http://qps.ru/HdiTI> (дата обращения 05.08.2018).

²⁸ Мондохонов А.Г. Вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) // Уголовное право. 2010. № 2. С. 53.

роны отдельных ученых²⁹, аргументы против её состоятельности основываются лишь на общей норме о соучастии, в то время как ч. 4 ст. 35 УК РФ выступает специальной по отношению к ней и, соответственно, имеет примат, в связи с чем они нам кажутся не вполне убедительными.

Если рассматривать проблему качественной характеристики лиц, которые могут признаваться соучастниками преступления, то посредством логического толкования УК РФ можно сделать вывод, что речь идет именно о лицах, являющихся субъектами преступления. Применительно к соучастию с распределением ролей понимание данного признака не вызывает вопросов. В то же время в специальной литературе очень остро стоит вопрос о юридической оценке действий лица, совершившего преступление в составе «группы лиц» в тех случаях, когда остальные участники группы не были привлечены к уголовной ответственности в силу возраста или невменяемости. Мы солидарны с теми авторами, которые отвергают возможность квалификации подобных действий как совершенных группой лиц, группой лиц по предварительному сговору³⁰. Обоснованием подобного подхода выступает прежде всего законодательная характеристика субъекта преступления, которым может быть признано вменяемое физическое лицо, достигшее возраста уголовной ответственности, а также более главенствующее положение ст. 19 УК РФ перед ст. 32 УК РФ. Данное требование в равной мере распространяется и на содержащиеся в ст. 35 УК РФ положения.

В свою очередь, в литературе существует кардинально отличающийся подход к исследуемой проблеме. Так, отдельные ученые считают, что в случае совершения преступления лицом, являющимся субъектом, совместно с лицами, таковыми не являющимися в силу невменяемости или недостижения возраста уго-

²⁹ См., например: Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 8; Козлов А.П. Указ. соч. С. 55.

³⁰ См., например: Безверхов А.Г. О некоторых вопросах квалификации насильственных преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 21; Благов Е.В. О признаках соучастия в преступлении // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2017. № 3. С. 7; Кибальник А.Г. Судебные подходы к квалификации сексуальных преступлений // Уголовное право. 2014. № 5. С. 59; Кругликов Л.Л. Исполнение преступления совместно с несовершеннолетними: вопросы квалификации // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 3 (15). С. 7; Нуркаева Т.Н. О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности // Уголовное право. 2014. № 5. С. 84; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 18; Шеслер А.В., Шеслер С.С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия // Вестник Сургутского государственного университета. 2018. № 3 (21). С. 59.

ловной ответственности, действия первого надлежит квалифицировать как групповое преступление, если это предусмотрено соответствующей статьей УК РФ³¹. Подобная точка зрения сложилась в литературе прежде всего благодаря руководящим разъяснениям Верховного суда СССР и РФ. В своем первоначальном виде она нашла отражение в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. № 2 «О судебной практике по делам об изнасиловании»: «Действия лиц, организовавших изнасилование группой, следует квалифицировать по ч. 3 ст. 117 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик независимо от того, что другие участники в соответствии со ст. 10 Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик не были привлечены к уголовной ответственности»³². В данном акте Пленума говорится об организаторе, а не об исполнителе, как о лице, являющимся субъектом преступления. Более того, он указывает лишь на не достижение возраста как основание для освобождения от уголовной ответственности, не учитывая при этом состояние невменяемости. Постановлениями Пленума Верховного Суда РФ от 22 марта 1966 г. № 31 «О судебной практике по делам о грабеже и разбое» (далее по тексту – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.03.1966 № 31)³³ и от 22 апреля 1992 г. № 4 «О судебной практике по делам об изнасиловании»³⁴ завершается формирование рассматриваемой точки зрения. Так, в соответствии с п. 19 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.03.1966 № 31, действия участника разбойного нападения или грабежа, совершенные по предварительному сговору группой лиц, подлежат квалификации соответственно по ч. 2 ст. 145, п. «а» ч. 2 ст. 146 УК РСФСР независимо от того, что остальные участники преступления в силу ст. 10

³¹ См., например: Бохан А.П. Вопросы квалификации изнасилований (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) // Уголовное право. 2014. № 5. С. 34; Галиакбаров Р.Р. Квалификация групповых преступлений / отв. ред. В.И. Артемов. М., 1980. С. 32; Рарог А.И., Есаков Г.А. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости // Российская юстиция. 2002. № 1. С. 53.

³² О судебной практике по делам об изнасиловании: Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. № 2. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (ныне утратило силу).

³³ О судебной практике по делам о грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 марта 1966 г. № 31. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (ныне утратило силу).

³⁴ О судебной практике по делам об изнасиловании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (ныне утратило силу).

УК РСФСР или по другим предусмотренным законом основаниям не были привлечены к уголовной ответственности³⁵.

Нельзя не отметить, что в первоначальной редакции Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «По делам о краже, грабеже и разбое» (далее по тексту – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29) говорилось, что группу лиц по предварительному сговору следует вменять лишь в том случае, если как минимум двое из исполнителей были привлечены к уголовной ответственности³⁶. К сожалению, в дальнейшем высшая судебная инстанция сменила позицию на прямо противоположную. Так, Президиум Верховного Суда РФ своим Постановлением от 06.10.2004 № 604п2004пр оставил надзорное представление заместителя Генерального прокурора Российской Федерации Кехлерова С.Г. по делу об убийстве без удовлетворения, указав при этом, что доводы в пользу переквалификации деяния П. с п. «ж» ч. 2 ст. 105 на ч. 1 ст. 105 УК РФ по тому основанию, что Б.О., совместно с которым было совершено убийство, был признан невменяемым, не основаны на законе³⁷. В определении от 01.06.2010 № 81-д10-11 Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ также подтвердила законность квалификации действий В. как совершенных группой лиц несмотря на то, что совместно действовавший с ним И. был освобожден от уголовной ответственности в связи с невменяемостью³⁸.

Впоследствии, в целях формирования единообразной судебной практики по рассматриваемой проблеме, Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления от 23 декабря 2010 г. № 31 «Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам» исклю-

³⁵ О судебной практике по делам о грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 марта 1966 г. № 31. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (ныне утратило силу).

³⁶ О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 / Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2003. № 2.

³⁷ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 06.10.2004 № 604п2004пр. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁸ Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2010 № 81-д10-11. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

чил п. 12 упомянутого выше Постановления от 27.12.2002 № 29³⁹, что породило новые дискуссии и почву для ошибок правоприменителя. В частности, С. был осужден за убийство, совершенное группой лиц, несмотря на то, что совместно действовавший с ним С.М. был признан невменяемым⁴⁰. Однако нельзя не отметить, что позиция Верховного суда РФ разделяется не всеми судами. Так, в приговоре от 31.08.2011 по делу № 1-239/2011 Ленинский районный суд города Владивостока аргументировал квалификацию действий подсудимого как совершенных группой лиц по предварительному сговору тем, что «потерпевшими указывалось на участие в совершении хищения имущества двух исполнителей, *обладающих признаками субъекта преступления*, которые действовали сообща»⁴¹.

Несмотря на кажущуюся целостность данной теории, среди ученых-криминалистов существуют два различных варианта обоснования подобной квалификации деяний, совершенных совместно с лицами, не являющимися субъектами преступления. Так, отдельные авторы считают, что в данном случае имеет место соучастие в преступлении⁴². По мнению Г.А. Есакова, все признаки, присущие институту соучастия, имеют место быть в подобной ситуации. Так, качественную характеристику лиц он обосновывает отсутствием в ст. 32 УК РФ прямого указания на субъект преступления. Очевидно, что совместность также имеет место быть. Признак умышленного участия тоже соблюдается, однако лишь на стороне «годного» субъекта. Причем автор мотивирует свое мнение тем, что вина в соучастии является индивидуальной, а ответственность соучастников в соответствии с ч. 1 ст. 34 УК РФ определяется характером и степенью участия каждого из них в совершении преступления, хотя говорить о вине можно лишь применительно ко второму субъективному признаку соучастия – участию в умышленных пре-

³⁹ Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 / Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 2.

⁴⁰ Приговор Приморского краевого суда от 22.07.2011 по делу № 2-34/2011 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/S9jdF> (дата обращения 05.08.2018).

⁴¹ Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока от 31.08.2011 по делу № 1-239/2011 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/ItFD3> (дата обращения 05.08.2018).

⁴² См., например: Есаков Г.А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике // Уголовное право. 2011. № 2. С. 14; Трухин А.М. Соучастник преступления // Уголовное право. 2006. № 3. С. 48.

ступлениях, так как вина есть ни что иное как отношение субъекта к содеянному преступлению и к последствиям. Позиция проф. Г.А. Есакова также основывается на критикуемой рядом авторов концепции «односторонней» субъективной связи. Вина в форме умысла, по мнению автора, должна присутствовать лишь на стороне «годного» субъекта⁴³. Данное обоснование кажется нам неубедительным, а также не соответствующим закону в его логическом и системном толковании, помимо аргументов, приведенных выше, по следующим причинам:

- буквальное толкование не должно иметь преимущество перед системным;
- «односторонняя» субъективная связь не образует соучастия, так как лицо, не сознающее факта совместного причинения вреда с другими лицами, даже если оно обладает признаками субъекта преступления, не может являться соучастником;
- для констатации факта соучастия необходимо установление вины на стороне каждого из соучастников. Если же виновно действует только одно лицо, то отсутствует и соучастие в преступлении.

Более того, А.В. Бриллиантов и Н.В. Димченко отмечают, что ввиду указания в ст. 32 УК РФ на умышленную форму вины совершаемого преступления, лица, не являющиеся субъектами, никоим образом не могут быть признаны соучастниками, так как в силу ст. 21 УК РФ они могут участвовать в совершении лишь общественно опасных деяний, но никак не преступлений⁴⁴.

Продолжая рассматривать позицию проф. Г.А. Есакова, мы не можем не остановиться на таком «неловком» вопросе, как группа лиц по предварительному сговору. Вот что по этому поводу пишет А.П. Козлов: «Выглядит абсурдно возможность предварительного сговора с малолетним, но особенно пикантен предварительный сговор с невменяемым»⁴⁵. Действительно, помимо чисто субъективных критериев невозможности соучастия с данными категориями лиц, вопрос о предварительном сговоре, на наш взгляд, ставит жирную точку в этом споре.

⁴³ Есаков Г.А. Указ. соч. С. 12.

⁴⁴ Бриллиантов А.В., Димченко Н.В. Квалификации преступлений по признаку их совершения группой лиц, из которых лишь одно обладает признаками субъекта преступления // Российский судья. 2005. № 3. С. 18.

⁴⁵ Козлов А.П. Указ. соч. С. 65

Также необходимо затронуть вопрос квалификации деяния лица-субъекта при наличии фактической ошибки с его стороны. Если в случае совершения им преступления совместно с малолетними или невменяемыми лицами при осознании им этих фактов в его действиях будет отсутствовать квалифицирующий признак, то при незнании этих обстоятельств квалификация должна осуществляться по направленности умысла, то есть как покушение на совершение преступления в одной из форм соучастия. Данная позиция нашла свое отражение в соответствующей литературе⁴⁶.

В свою очередь Р.Р. Галиакбаров предлагает качественно новое обоснование квалификации преступления как совершенного группой лиц. По его мнению, с которым солидарны отдельные авторы, при совершении преступления лицами, из которых лишь одно обладает признаками субъекта преступления, действия лица, привлекаемого к уголовной ответственности, следует рассматривать за пределами плоскости соучастия, так как отсутствуют определенные его признаки⁴⁷. Автор полагает, что в подобных случаях имеет место группа лиц не как форма соучастия, а как способ совершения преступления. Он считает необходимым относить данное уголовно-правовое явление к институту множественности лиц в одном преступлении⁴⁸. На наш взгляд, подобная позиция, несмотря на ее «новизну» и способность обосновать существующую судебную практику, не является точной. Наличие группового совершения преступления как квалифицирующего признака в соответствующих статьях УК РФ необходимо рассматривать лишь с позиции соучастия, а не с позиции учения об объективной стороне состава преступления, так как в ст. 35 УК РФ законодатель четко дает понять, что группа лиц является одним из проявлений соучастия в преступлении. Попытка же обоснования данной точки зрения посредством раздвоения в подходе к группе лиц как к спосо-

⁴⁶ См., например: Белокуров О.В. К вопросу об уголовно-правовой оценке содеянного с участием лиц, не подлежащих привлечению к уголовной ответственности // Уголовное судопроизводство. 2009. № 2. С. 41; Шеслер А.В. Исполнитель преступления // Lex russica. 2016. № 11. С. 76.

⁴⁷ Галиакбаров Р.Р. Указ. соч. С. 32. См. также: Галиакбаров Р.Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом // Российская юстиция. 2000. № 10. С. 40; Власов Ю.А. Квалификация деяния, совершенного с лицом, не обладающим признаками субъекта // Уголовное право. 2007. № 2. С. 33.

⁴⁸ Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск, 1987. С. 62.

бу совершения преступления и как к форме соучастия есть не что иное, как создание очередной уголовно-правовой фикции, не основанной на законе.

Таким образом, вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы:

совместность деяния как объективный признак соучастия является оценочным, на что указывает наличие различных мнений в научной литературе. Несмотря на это, по нашему мнению, данный признак складывается из таких элементов, как наличие функциональных связей между действиями соучастников, единого для них преступного результата и причинно-следственной связи между действиями каждого из соучастников и наступившим преступным результатом.

– соучастие в преступлении образуют действия двух или более лиц, каждое из которых должно обладать признаками субъекта преступления. Данное требование в равной мере распространяются на все виды совместной преступной деятельности;

Современная судебная практика идет по ошибочному пути, в связи с чем считаем необходимым предложить следующую редакцию статьи 32 УК РФ:

Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более вменяемых и достигших возраста уголовной ответственности лиц в совершении умышленного преступления.

§ 1.2. Субъективные признаки соучастия в преступлении

Одним из обязательных субъективных признаков соучастия в преступлении в соответствии со ст. 32 УК РФ является умышленный характер совместного участия в совершении преступления. Рассматриваемый признак, исходя из грамматического толкования легальной дефиниции соучастия в преступлении, а также единства объективного и субъективного в человеческой деятельности, требует надлежащего отражения совместности участия как внешней формы взаимодействия соучастников в их сознании, что в свою очередь создает определенную степень психической общности между ними, наличие которой имеет принципиальное значение для уголовного права. Как отмечал А.Н. Трайнин, «...отказ в требо-

вании определенной субъективной связи между соучастниками неизбежно приводит к построению уголовной ответственности на одном объективном стечении разрозненных действий нескольких лиц, т. е. к объективному вменению наступившего результата»⁴⁹. Действительно, усложненный механизм преступления, совершаемого в соучастии, по справедливому замечанию Л.Д. Гаухмана, предполагает наличие особенностей психической деятельности каждого из соучастников⁵⁰. Эти особенности проявляются в специфическом содержании вины совместно действующих лиц. Несмотря на то, что закрепленные в УК РФ дефиниции умышленной и неосторожной форм вины относятся к индивидуальной преступной деятельности, применительно к соучастию данные положения кодекса необходимо толковать с учетом требований ст. 32 УК РФ. Как отмечал П.Ф. Тельнов, умысел соучастника включает в себя сознание общественной опасности не только собственного деяния, но и общественно опасного характера деяния других соучастников, а также предвидение наступления *совместного* (выделено мною – А.С.) преступного результата, а волевой момент – желание *совместного* (выделено мною – А.С.) достижения преступного результата или сознательное допущение его наступления⁵¹. Следует, однако, учитывать, что умысел индивидуально действующего лица предполагает также предвидение развития причинно-следственной связи содеянного с наступившими общественно опасными последствиями. Применительно к соучастию в преступлении данное суждение означает соответствующее отражение в сознании соучастников причинно-следственной связи между их действиями и наступившим преступным результатом. В связи со сказанным вполне уместно мнение А.В. Шеслера о том, что соучастие в преступлении предполагает совместность умысла соучастников, то есть наличие между ними определенной субъективной связи⁵². Подтверждение этого тезиса встречается и в судебной практике. В частности, Приморский краевой суд в приговоре от 28.11.2012 по делу № 2-69/2012 указал, что умысел *всех* соучастников был

⁴⁹ Трайнин А.Н. Избранные труды / Составление, вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой. СПб., 2004. С. 257.

⁵⁰ Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2001. С. 197.

⁵¹ Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 38.

⁵² Шеслер А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью. Красноярск, 1999. С. 12.

направлен на лишение жизни потерпевшего⁵³. Однако чаще всего в приговорах встречается формулировка «совместный умысел»⁵⁴.

Указанная субъективная связь проявляется в отдельных элементах вины совместно действующих лиц. Взаимная осведомленность, соответствующая интеллектуальному моменту умысла, подразумевает отражение в сознании лица общественно опасного характера действий иных соучастников, предвидение возможности или неизбежности наступления общественно опасного результата и причинной связи между действиями соучастников и общественно опасным результатом. На необходимость установления указанного элемента вины соучастников указывает и судебная практика. Так, президиум Томского областного суда в постановлении от 25.12.2013 по делу № 44у-285/2013 отметил, что «По смыслу ст. 32 УК осведомленность соучастников о совместной деятельности должна быть двусторонней». В связи с этим судом было исключено из приговора указание на совершение Д.И. преступления совместно с иным лицом 06.05.2010⁵⁵.

Однако наличие данного признака еще недостаточно для признания совместно действующих лиц соучастниками. Как верно отмечает А.И. Плотников: «...сознание одного соучастника, что он действует с другим, и понимание последним, что действует с первым, еще не может свидетельствовать о наличии соучастия, поскольку первый правонарушитель хотя и представляет, что с ним действует второй, но может и не считать его сознательно действующим с ним заодно»⁵⁶. По этой причине существует необходимость единения не только интеллектуального, но и волевого моментов умысла. Последнее проявляется в наличии желания причинить преступный результат совместными усилиями, что в свою очередь требует наличия соглашения между соучастниками, которое, как точно подмечено отдельными авторами, может состояться в любой форме (устной,

⁵³ Приговор Приморского краевого суда от 28.11.2012 по делу № 2-69/2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/EsM0B> (дата обращения 05.08.2018).

⁵⁴ См., например: приговор Приморского краевого суда от 13.08.2010 по делу № 2-18/2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/wLxyY> (дата обращения 05.08.2018).

⁵⁵ Постановление Президиума Томского областного суда от 25.12.2013 по делу № 44у-285/2013. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵⁶ Плотников А.И. Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 85.

письменной, посредством конклюдентных действий) и на любой стадии осуществления преступных действий до момента юридического окончания преступления⁵⁷. Подобный подход к пониманию субъективных признаков соучастия в преступлении соответствует *концепции двусторонней субъективной (виновной) связи*. При этом следует отметить, что наличие двусторонней виновной связи достаточно лишь между подстрекателем, пособником и организатором с одной стороны, и исполнителем (соисполнителями) – с другой, а также между соисполнителями⁵⁸. Однако в любом случае двусторонняя субъективная связь должна быть между функционально взаимодействующими между собой соучастниками. А.А. Пионтковский справедливо допускал, что субъективная связь между иными соучастниками (подстрекателем, пособником, организатором – прим. А.С.) может полностью отсутствовать⁵⁹. Аргументом в пользу подобного подхода выступает главенствующая роль исполнителя, являющегося основным причинителем вреда. В свою очередь деятельность иных соучастников причиняет преступный результат лишь опосредованно. По этой причине взаимодействовать между собой им не обязательно. Следовательно, наличие одной лишь «вертикальной» двусторонней виновной связи не исключает соучастия в преступлении.

Помимо упомянутой концепции, отдельными авторами отстаивается теория *односторонней субъективной связи* в соучастии в преступлении. Сторонники данной позиции полагают, что знание о деятельности иных соучастников при достижении преступного результата не является обязательным для исполнителя преступления⁶⁰. Как следствие, рассматриваемая концепция приводит к отрицанию необходимости наличия соглашения о совместном совершении преступле-

⁵⁷ См., например: Алексеев С.В. Структура субъективных признаков группового преступления // Российский юридический журнал. 2010. № 6. С. 108; Зелинский А.Ф. Соучастие в преступлении. Лекция. Волгоград, 1971. С. 12; Шнейдер М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву / Отв. ред. Васильев А.Н. М., 1958. С. 20;

⁵⁸ См. также: Благов Е.В. Указ. соч. С. 9.

⁵⁹ См., например: Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М., 1961. С. 556.

⁶⁰ См., например: Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Отв. ред.: Лановенко И.П. Киев: Наук. думка, 1969. С. 44; Галиакбаров Р.Р. Указ. соч. С. 19; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 36; Зелинский А.Ф. Указ. соч. С. 13; Козлов А.П. Указ. соч. С. 71; Кругликов Л.Л. Объективные и субъективные признаки соучастия // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2009. № 1 (7). С. 29; Шаргородский М.Д. Избранные труды / Сост. и предисловие докт. юрид. наук, проф. Б.В. Волженкина. СПб., 2004. С. 530.

ния. Учитывая изложенное, нам кажется крайне противоречивым мнение А.Ф. Зелинского, допускающего существование согласованности действий соучастников посредством односторонней субъективной связи⁶¹. Не совсем понятно, каким образом возможно согласовать действия при отсутствии определенного соглашения. Мы полагаем, что согласованность действий в общем виде представляет собой совместность деяния с одной стороны и ее отражение в сознании совместно действующих лиц – с другой. По этой причине действия исполнителя, не осознающего оказываемого (оказанного) содействия, и иных соучастников могут быть связаны лишь с объективной стороны, то есть быть совместными, но никак не согласованными. В связи с этим, нельзя не поддержать А.А. Пионтковского, который писал следующее: «где отсутствует сознание, что лицо действует совместно с другим для осуществления общего преступного намерения, там отсутствует и соучастие в преступлении»⁶².

Основной предпосылкой существования теории односторонней субъективной связи, как мы полагаем, является представление об объективной общественной опасности действий подстрекателя и пособника, оказывающих содействие исполнителю без ведома последнего. В частности, А.П. Козлов в обоснование своей позиции использует следующий пример: А., зная о готовности Б. убить свою жену, если найдет оружие, подбрасывает тайно ему пистолет, которым законно владел; убийство совершается. Автор отмечает, что Б., в отличие от А., не осознает совместности поведения и общности последствий. Далее ученый констатирует: «действия Б. мы будем рассматривать как умышленное убийство, тогда как поведение А. остается вне рамок уголовно-правовой квалификации, что едва ли приемлемо в силу его высокой общественной опасности»⁶³. Действительно, в указанном примере действия «пособника» представляют собой определенную степень общественной опасности, которой, однако, явно недостаточно для того, чтобы считать действия А. преступными. Более того, расширение сферы уголовной ответственности за соучастие в преступлении в подобных случаях, по нашему мне-

⁶¹ Зелинский А.Ф. Указ. соч. С. 13.

⁶² Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 549.

⁶³ Козлов А.П. Указ. соч. С. 71.

нию, является нарушением принципа законности, поскольку игнорируется умышленный характер совместного участия, прямо закрепленный в уголовном законе.

Крайне интересной по исследуемому вопросу выглядит точка зрения А.И. Плотникова. В целом признавая в своих работах двустороннюю субъективную связь обязательной для соучастия в преступлении, автор делает исключение для подстрекателя. По его мнению, «подстрекательство выпадает из рамок соучастия, обозначенных в действующем УК РФ (ст. 32), в силу отсутствия взаимодействия»⁶⁴. Аргументом в пользу занимаемой автором позиции служит отсутствие со стороны подстрекателя физического содействия достижению преступного результата. Вследствие этого исполнитель не осознает взаимодействия с ним подстрекателя в процессе совершения преступления, «подстрекателю представляется, что преступление совершает он один»⁶⁵. Довод, безусловно, заслуживающий внимания. Действительно, при формировании умысла под психическим воздействием подстрекателя самостоятельно решается совершить преступления. Ему кажется, что решение совершить преступление – продукт исключительно его свободной воли. По этой причине исполнитель может не осознавать факта содействия преступному результату. В то же время его сознанием должно охватываться желание подстрекателя наступления общественно опасных последствий, причиненных его действиями, что будет свидетельствовать о существовании совместности их участия в совершении единого для них преступления и субъективной связи между ними даже несмотря на то, что физически в совершении преступления подстрекатель участия не принимает. Соглашение в этом случае достигается посредством изъявления подстрекателю лицу желания совершить преступление. Осведомленность исполнителя о преступном характере совершаемых подстрекателем действий проявляется в осознании того обстоятельства, что последний в той или иной форме подталкивает его к совершению преступления. Нельзя не заострить внимание и на том, что А.И. Плотников ставит под сомнение также

⁶⁴ Плотников А.И. Указ. соч. С. 87. См. также: Плотников А.И. Соучастие в преступлении: спорные вопросы // LexRussica. Научные труды МГЮА. 2007. № 3. С. 513.

⁶⁵ Плотников А.И. Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении // Вестник Оренбургского государственного университета. 2004. № 3. С. 87.

возможность двусторонней субъективной связи между иными соучастниками и исполнителем. В частности, он полагает, что физический пособник в убийстве едва ли рассматривает себя в качестве участника убийства. В свою очередь исполнитель также не считает себя действующим с кем-то⁶⁶. Аналогичные доводы криминалист приводит и в обоснование возможности отсутствия психической общности между членами преступной группы и организатором. Аргументы автора кажутся нам недостаточно убедительными. В сущности, они сводятся к тому, что субъективная связь возможна лишь между исполнителями, что, как указывалось нами ранее, нельзя признать верным.

Соучастие возможно лишь в умышленных преступлениях, и на это прямо указывает уголовный закон. Существовавшие до вступления в силу УК РФ 1996 г. Основы уголовного законодательства ССР и союзных республик 1958 г. определяли соучастие в преступлении как умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении преступления⁶⁷. Это послужило одной из причин признания отдельными советскими криминалистами возможности соучастия в неосторожных преступлениях. В частности, М.Д. Шаргородский утверждал, что, поскольку преступный результат может быть причинен умышленной преступной деятельностью, постольку и неосторожная преступная деятельность способна причинить вред объекту посягательства. Указанные тезисы криминалист рассматривал в качестве предпосылки, определяющей возможность соучастия в неосторожном преступлении⁶⁸. В то же время невозможность соучастия в неосторожных преступлениях вытекает из требования об умышленном характере совместных действий. Неслучайно поэтому большинство ученых в советский период допускали соучастие лишь в умышленных преступлениях, несмотря на отсутствие соответствующего указания в законодательстве⁶⁹. Дело в том, что установить присущую соучастию двустороннюю субъективную связь невозможно при неосторожной форме

⁶⁶ Плотников А.И. Указ. соч. С. 87.

⁶⁷ Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: закон СССР от 25.12.1958 [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (утратил силу).

⁶⁸ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 533, 535.

⁶⁹ См., например: Бурчак Ф.Г. Указ. соч. С. 51; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 24; Зелинский А.Ф. Указ. соч. С. 8; Иванов Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве. Саратов. 1991. С. 94; Тельнов А.Ф. Указ. соч. С. 51; Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 555-556; Шнейдер М.А. Указ. соч. С. 28 и др.

вины. Преступное легкомыслие, применительно к соучастию в преступлении, означало бы, что, предвидя общественно опасный характер действий исполнителя и наступление общественно опасных последствий, подстрекатель, пособник или организатор легкомысленно рассчитывали бы на их предотвращение исполнителем (соисполнителями). Мы полагаем, что подобная постановка вопроса о вине не согласуется с принципом субъективного вменения. Коль скоро иные соучастники не имеют намерений причинить действиями исполнителя преступный результат, отвечать за его непредотвращение последним они не могут. Помимо этого, достаточно убедительной нам кажется аргументация о недопустимости соучастия в неосторожных преступлениях, приведенная М.А. Шнейдером. Автор отмечает, что при неосторожности невозможно сознание относительно соучастия в преступлении ни со стороны «подстрекателя» или «пособника», ни со стороны исполнителя. «Лицо, которому оказывается «содействие», само не только не желает совершить преступление и поэтому не нуждается в подобном содействии, но в случае преступной небрежности даже не предвидит его возможности»⁷⁰. Учитывая законодательную дефиницию соучастия в преступлении, а также представленные ранее доводы, недостаточно убедительной кажется и позиция А.П. Козлова, допускающего соучастие в неосторожных преступлениях. Автор с уверенностью отмечает, что «согласившись на соучастие с косвенным умыслом, теория уголовного права сделала незаметный для себя шаг в направлении решения проблемы неосторожного соучастия»⁷¹. Сравнивая косвенный умысел и легкомыслие, криминалист констатирует, что механизм совершения преступления в обоих случаях схож: целенаправленность на иной результат, предвидение общественно опасных последствий, а также побочный характер наступивших последствий относительно цели. Не отрицая разумность данного тезиса, мы тем не менее полагаем, что подобного аргумента явно недостаточно. Как отмечалось нами ранее, вина соучастника характеризуется дополнительными признаками, указанными в легальном определении соучастия в преступлении, в связи с чем обоснование критикуемой позиций ис-

⁷⁰ Шнейдер М.А. Указ. соч. С. 28.

⁷¹ Козлов А.П. Указ. соч. С. 68.

ключительно посредством применения норм о вине индивидуально действующего лица не следует признавать верным.

Недостаточно исследованным в специальной литературе, по нашему мнению, является вопрос о видах умысла, возможных при совместной преступной деятельности. На этот счет существуют две точки зрения. Сторонники первого подхода допускают возможность соучастия только с прямым умыслом⁷². По мнению А.И. Рарога, «вид умысла соучастника должен определяться волевым отношением к факту объединения преступных действий, то есть к факту, выражающему юридическую сущность соучастия»⁷³. Как следствие, автор отмечает, что присоединиться к преступной деятельности других лиц возможно только по собственному желанию, то есть с прямым умыслом. По нашему мнению, подобный подход нельзя считать приемлемым. Критикуя сторонников возможности косвенного умысла в соучастии, А.И. Рарог указывает на специфическое содержание субъективной стороны совместно действующих лиц. В то же время, хотя действия каждого соучастника являются общественно опасными, действуют они через исполнителя, и деятельность их связана с совершаемыми им действиями. В связи с этим умысел необходимо рассматривать лишь применительно к результату действий непосредственного причинителя вреда. Нельзя отождествлять психическое отношение лица к факту совместности участия и к причиненному преступному результату⁷⁴. Еще менее убедительной кажется нам аргументация авторов Энциклопедии уголовного права. Описывая субъективную сторону индивидуально действующего лица, они совершенно верно указывают, что в цепи причинно-следственной связи между действиями соучастников и причиненным вредом имеется промежуточное звено в лице исполнителя. Однако из указанных рассуждений ими делается не совсем корректный вывод: «факт совершения преступления исполнителем и будет преступным результатом их действий»⁷⁵. В то же время в

⁷² См., например: Рарог А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М., С. 174; Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. / С.С. Аветисян [и др.]. 2-е изд. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. С. 114.

⁷³ Рарог А.И. Указ. соч. С. 174.

⁷⁴ См. также: Зелинский А.Ф. Указ. соч. С. 9.

⁷⁵ Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. / С.С. Аветисян [и др.]. 2-е изд. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. С. 111.

первом параграфе настоящей главы нами отмечалось, что преступный результат есть не что иное, как причинение вреда объекту преступного посягательства. По этой причине возведение действий отдельных соучастников в статус преступного результата мы не можем считать правильным. В свою очередь исследователи, допускающие косвенный умысел в соучастии, в отличие от своих оппонентов, подходят к обозначенной проблеме с другой стороны. Исходным пунктом их рассуждений является рассмотрение психического отношения соучастников не к факту совместности, а к наступившим общественно опасным последствиям⁷⁶. Отдельные сторонники данного подхода совершенно верно отмечают, что в подавляющем большинстве случаев соучастники действуют с прямым умыслом, что, однако, не исключает возможность косвенного умысла. Одним из их аргументов выступает законодательная конструкция соучастия в преступлении, допускающая оба вида умышленной формы вины. Помимо этого, согласно некоторым исследованиям, косвенный умысел, хотя и в крайне небольшом количестве, все же имеет место быть на практике⁷⁷. По нашему мнению, косвенный умысел действительно возможен в соучастии, однако только применительно к деятельности исполнителя и пособника. Специфика деятельности организатора и подстрекателя не допускает безразличного отношения к наступившим последствиям ввиду наличия специальной цели. В свою очередь исполнитель и пособник, совершая общественно опасные деяния, могут преследовать иную цель, лежащую за рамками субъективной стороны состава преступления. Возможность совершения пособничества с косвенным умыслом подтверждена и высшей судебной инстанцией страны. Так, в определении от 11.10.2007 по делу № 30-007-18 Верховный Суд РФ, отклоняя доводы кассационной жалобы осужденных и их защитников, указал, что «...По смыслу уголовного закона при признании пособничества в убийстве следует исходить из общего понятия соучастия, которое в ст. 32 УК РФ определено как «умышленное совместное участие двух или более лиц в совершенном преступле-

⁷⁶ См., например: Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 37; Дядькин Д.С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: дис. ...канд. юрид. наук. М., 2002. С. 32; Зелинский А.Ф. Указ. соч. С. 9; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 41.

⁷⁷ См., например: Дядькин Д.С. Указ. соч. С. 31; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 43.

нии» и предусматривает наличие у виновных умысла, как прямого, так и косвенного видов...»⁷⁸. Однако приходится констатировать, что высший судебный орган признает, что и организаторская деятельность возможна с косвенным умыслом. В частности, в кассационном определении от 17.12.2008 № 37-008-25 Верховный Суд РФ отклонил доводы осужденных и их защитников о невозможности совершения организации убийства и пособничества его совершению с косвенным умыслом по причине отсутствия соответствующего требования в ст. 32 УК РФ⁷⁹

Нельзя обойти вопрос и о соучастии в преступлениях со смешанной формой вины, то есть в таких преступлениях, где имеется умысел в отношении основного последствия и неосторожность в отношении квалифицирующего. Мы солидарны с теми авторами, которые не признают возможность соучастия в подобных преступлениях⁸⁰. Достаточно подробно и обстоятельно к обозначенной проблеме подходит А.И. Рарог. Не признавая соучастия с распределением ролей в преступлениях с двумя формами вины, автор совершенно верно указывает, что «квалифицирующие последствия связаны только с действиями исполнителя...», в связи с чем умыслом иных соучастников при воздействии на непосредственного причинителя вреда они не охватываются, поэтому могут вменяться в вину только последнему⁸¹.

Указанная позиция нашла подтверждение и в судебной практике. Так, в кассационном определении от 20.02.2009 по делу № 22-675 Нижегородский областной суд отметил, что «...предусмотренные ст. 32 УК РФ принципы соучастия как способа взаимодействия преступников при реализации преступного замысла не могут распространяться на последствия преступных деяний с двойной формой вины, наступающие по неосторожности, если соучастник, являясь пособником исполнителя, своими действиями не выполнял объективную сторону данного преступления, характеризваемую умыслом...». По этой причине судом были перекавалифицированы пособнические действия Ш. без вменения ему в вину смерти по-

⁷⁸ Определение Верховного суда РФ от 11.10.2007 по делу № 30-007-18. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷⁹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.12.2008 № 37-008-25. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸⁰ См., например: Благов Е.В. Указ. соч. С. 9; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 58; Рарог А.И. Указ. соч. С. 187-188.

⁸¹ Рарог А.И. Указ. соч. С. 187.

терпевшей, наступившей вследствие совершения Ч. насильственных действия сексуального характера⁸². Приговором Ленинского районного суда Нижнего Тагила Свердловской области от 07.05.2013 по делу № 1-144/2012 К. был осужден за организацию умышленного причинения тяжкого вреда здоровью по найму, группой лиц по предварительному сговору, а Н. – за подстрекательство и пособничество в совершении данного преступления, в то время как действия А. и И., действовавших в качестве исполнителей, были квалифицированы с учетом последствий в виде смерти потерпевшего, в отношении которой у них имелась неосторожная форма вины⁸³.

А.И. Рарог также справедливо отмечает, что соисполнители не могут отвечать за последствия, причиненные одним из них по неосторожности. Справедливо его мнение и о том, что в случае причинения всеми соисполнителями вреда по неосторожности, а также в случаях соисполнительства в преступлениях, где основной состав является формальным, квалификации их действий отражает не соучастие в преступлении, а неосторожное сопричинение вреда⁸⁴.

Несмотря на приведенные аргументы, отдельными авторами отстаивается позиция возможности соучастия в преступлениях с двумя формами вины⁸⁵. В частности, М.И. Клебанов в качестве одного из аргументов выдвигает наличие причинно-следственной связи между действиями не только исполнителя (исполнителей), но и иных соучастников и наступившим по неосторожности результатом. Подобный тезис не вызывает у нас сомнений. В то же время для вменения в вину последствий, зависящих сугубо от исполнителя, иным соучастникам, данного обоснования явно недостаточно по указанным выше причинам. Другим аргументом, лежащим в основе точки зрения криминалиста, является ссылка на ст. 27 УК РФ, в соответствии с которой преступления с двойной формой вины следует

⁸² Кассационное определение Нижегородского областного суда от 20.02.2009 по делу № 22-675. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸³ Приговор Ленинского районного суда Нижнего Тагила Свердловской области от 07.05.2013 по делу № 1-144/2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/QzUoy1> (дата обращения 05.08.2018).

⁸⁴ Рарог А.И. Указ. соч. С. 188.

⁸⁵ См., например: Зелинский А.Ф. Указ. соч. 12; Клебанов М.И. К вопросу о возможности соучастия с двумя формами вины // Актуальные проблемы российского права. 2008. № 2 (7). С. 179-185; Шарапов Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex Russica. 2016. № 10 (119). С. 111.

признавать в целом умышленными. В продолжение автор отмечает, что привлечение к ответственности за квалифицирующие последствия одного лишь исполнителя ставит его в неравное положение с иными соучастниками, тем самым нарушая принцип справедливости⁸⁶. Очевидно, что ученый не учитывает специфику субъективной стороны и причинно-следственной связи в соучастии в преступлении. Как отмечалось нами ранее, действия соучастников направлены на содействие совершению преступления, которое охватывалось их умыслом. Поскольку объективная сторона состава содержится только в действиях исполнителя, пособник, подстрекатель и организатор влияют на процесс причинение вреда опосредованно. В связи с этим отвечать за последствия, наступление которых не зависит от совершаемых ими действий, они не могут. В противном случае, по нашему мнению, будет иметь место нарушение принципа субъективного вменения. К сожалению, следует признать, что в судебной практике встречаются случаи критикуемого варианта квалификации. Так, приговором Иркутского областного суда от 06.12.2010 по делу № 2-4/2010 П. был признан виновным (помимо прочего) в подстрекательстве к умышленному причинению тяжкого вреда здоровью, повлекшему по неосторожности смерть потерпевшего⁸⁷. На практике можно встретить и иные примеры необоснованного осуждения по ч. 4 ст. 111 УК РФ пособников и подстрекателей⁸⁸. Аналогичная позиция правоприменителя наблюдается на примере квалификации действий соучастников при совершении ими умышленного уничтожения или повреждения имущества. В частности, приговором Ванинского районного суда Хабаровского края от 29.11.2010 по делу № 1-206/2010 Ч.Е.В. был осужден за пособничество в умышленном уничтожении чужого имущества, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, при следующих обстоятельствах. Осознавая преступный характер действий другого лица, направленных на сокрытие следов преступления посредством уничтожения трупа

⁸⁶ Клебанов М.И. Указ. соч. С. 180.

⁸⁷ Приговор Иркутского областного суда от 06.12.2010 по делу № 2-4/2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/aH8dn> (дата обращения 05.08.2018).

⁸⁸ См. например: Приговор Шатурского городского суда Московской области от 15.11.2012 по делу № 1-263/2012 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/fzv4q> (дата обращения 05.08.2018); Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 26.03.2010 по делу № 1-21/2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/FubcU> (дата обращения 05.08.2018).

Н. вместе с автомобилем «Форд-Рейнджер» и не предвидя при этом возможности совершения другим лицом поджога автомобиля с находящимися в его салоне Ч.Т.В. и Р., поскольку такая договоренность между ними отсутствовала, Ч. по требованию другого лица передал ему находившуюся в трелевочном тракторе «Хемек» пластиковую канистру с дизельным топливом и зажигалку. В результате поджога другим лицом автомобиля, находящиеся в нем Н. и Ч.Т.В. погибли от ожогового шока⁸⁹. При этом нельзя не отметить, что в подобных случаях основным объектом преступления выступают отношения собственности, в связи с чем отвечать за побочные последствия, причиненные жизни потерпевших, должен только исполнитель.

На основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

- умышленность участия как признак соучастия в преступлении требует наличие двусторонней субъективной связи как минимум между исполнителем (соисполнителями) и иными соучастниками;
- двусторонняя субъективная связь предполагает взаимную осведомленность между соучастниками об их действиях, а также наличие желания причинить преступный результат совместными усилиями;
- соучастие возможно лишь в умышленных преступлениях. При этом умысел может быть как прямым, так и косвенным;
- в преступлениях со смешанной формой вины квалифицирующие последствия, причиненные по неосторожности, могут вменяться в вину лишь непосредственному причинителю вреда.

§ 1.3. Природа и основание ответственности соучастников преступления

Ввиду того, что одним из центральных вопросов уголовного права является вопрос уголовной ответственности, то и специфика соучастия в преступлениях, обуславливающая необходимость законодательного регулирования исследуемого

⁸⁹ Приговор Ванинского районного суда Хабаровского края от 29.11.2010 по делу № 1-206/2010 [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/lbY4u> (дата обращения 25.10.2018).

явления, определяется спецификой уголовной ответственности соучастников преступления. Следовательно, понимание исследуемого института Общей части УК РФ невозможно без правильного уяснения природы ответственности соучастников преступления.

Исторически природа ответственности соучастников преступления определялась двумя противостоящими друг другу концепциями: акцессорной теорией и теорией самостоятельной ответственности соучастников. Указанные подходы на раннем этапе своего существования полностью исключали друг друга ввиду одностороннего подхода к соучастию в преступлении. Первая концепция исходила из производного характера ответственности соучастников, которая ставилась в прямую зависимость от ответственности исполнителя. При этом отсутствие ответственности исполнителя во всех случаях исключало ответственность иных соучастников преступления. Предпосылкой такого подхода являлось представление, согласно которому соучастники участвуют в чужом преступлении, совершаемом исполнителем. Именно исполнитель выступал носителем уголовной ответственности, которая распространяла свое действие на иных соучастников. При таком понимании вполне закономерно, что без ответственности исполнителя не может быть ответственности содействующих ему лиц. Вторым следствием акцессорной теории соучастия в преступлении является квалификация действий соучастников по той же статье уголовного закона, по которой квалифицируются действия исполнителя. Ввиду отношения к деятельности соучастников как к участию в преступлении, совершаемом другим лицом – исполнителем, указанный подход к юридической оценке содеянного соучастниками выглядит обоснованным. Стадии развития преступной деятельности (приготовление, покушение, оконченное преступление) соучастников определялись стадией развития преступной деятельности исполнителя.

Концепция самостоятельной ответственности, как следует из её обобщенного наименования, отрицала производный характер ответственности соучастников от ответственности исполнителя. Основанием указанной концепции выступало представление о том, что каждый из соучастников совершает самостоятельное

преступление. Основной тезис звучал следующим образом: сколько соучастников – столько и преступлений. Следствием концепции самостоятельной ответственности выступало отсутствие юридической связи между преступлениями, совершаемыми соучастниками, что создавало возможность возложения уголовной ответственности на соучастников безотносительно к ответственности исполнителя преступления. Следует согласиться с тезисом авторов Энциклопедии уголовного права, согласно которому указанная концепция расширяла сферу регламентации уголовной ответственности за соучастие в преступлении за счет норм Особенной части уголовного закона. При этом сфера регулирования института соучастия в преступлении как института Общей части уголовного закона сужалась⁹⁰. Действительно, возведение действий соучастников в ранг самостоятельных преступных деяний подразумевает оценку их действий исключительно с позиции конкретных составов преступлений Особенной части уголовного закона, поскольку деяния соучастников с позиции концепции самостоятельной ответственности представляют собой отдельные преступления. Данные преступления могут быть связаны внешними факторами (время, место, объект посягательства), что, однако, не создает какой-либо правовой связи между ними. Из этого следует, что специального уголовно-правового регулирования такое социальное явление, как соучастие в преступление, не требует. Указанный вывод в свою очередь влечет необходимость полного отказа от института соучастия в преступлении.

Правильное решение вопроса о природе ответственности соучастников преступления в российском уголовном праве невозможно без уяснения основания ответственности соучастников. Основная проблема при решении указанной задачи определяется двумя обстоятельствами. Во-первых, Особенная часть УК РФ описывает признаки составов преступлений индивидуально действующего лица. С точки зрения института соучастия в преступлении указанное лицо представляет собой исполнителя преступления. Во-вторых, в соответствии со ст. 8 УК РФ, единственным основанием уголовной ответственности является совершение ли-

⁹⁰ Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. / С.С. Аветисян [и др.]. 2-е изд. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. С. 16.

цом действий, содержащих все признаки состава преступления, описанного в Особенной части УК РФ. Если связать оба приведенных суждения воедино, то последует вывод, согласно которому основанием уголовной ответственности является наличие в действиях лица признаков состава преступления, описывающих индивидуальную преступную деятельность. При этом действия иных соучастников, помимо исполнителя преступления, не содержат признаков объективной стороны совершаемого исполнителем состава преступления, что, в принципе, и является основанием для разделения видов соучастников на исполнителей (соисполнителей) и иных соучастников. Отсутствие же в действиях лица любого из признаков состава преступления исключает его уголовную ответственность. Несмотря на это, очевидно, что действия соучастников, не содержащие признаков объективной стороны состава преступления, тем не менее представляют определенную степень общественной опасности, позволяющую оценивать их как преступные по материальному признаку.

Руководствуясь исключительно положениями той или иной концепции, обосновать ответственность за соучастие в преступлении по действующему уголовному закону России едва ли возможно. Односторонний подход к основанию ответственности соучастников неизбежно приведет к противоречию требованию об основании уголовной ответственности, изложенному в ст. 8 УК РФ. В литературе указанная проблема является дискуссионной. Так, М.И. Ковалев обосновывал ответственность соучастников посредством использования понятия общего состава преступления. Учитывая обозначенное нами «противоречие» между основанием уголовной ответственности и содержанием совершаемых соучастниками деяний, криминалист руководствовался следующим. Состав преступления как совокупность четырёх слагающих его элементов, взятых безотносительно к конкретному составу преступления Особенной части уголовного закона, присутствует в действиях соучастников, не являющихся исполнителями преступления, придавая их действиям ту степень общественной опасности, которая присуща преступлениям. А поскольку действия соучастников являются общественно опасными, такие действия должны быть уголовно наказуемыми. При этом, по мнению

автора, наличие в действиях соучастника конкретного состава преступления, предусмотренного Особенной частью уголовного закона, вовсе не обязательно. Таким образом, основанием уголовной ответственности соучастников преступления, не являющихся исполнителями, по мнению М.И. Ковалёва, является наличие в действиях каждого из соучастников общего состава преступления, характеризующего его действия как общественно опасные⁹¹.

Несогласие с подобным пониманием основания уголовной ответственности соучастников высказывал Ф.Г. Бурчак. Автор отмечал, что общего состава преступления в действительности не существует, что состав преступления всегда конкретен и связан с предусмотренным законом посягательством на охраняемый объект. Общий состав преступления, по справедливому замечанию Ф.Г. Бурчака, является сугубо теоретической конструкцией, выполняющей гносеологическую функцию и способствующей анализу конкретных составов преступления и квалификации преступлений⁹².

Оппонируя А.Н. Трайнину, критиковавшего его по тем же основаниям, что и Ф.Г. Бурчак, М.И. Ковалев утверждал, что любой состав преступления, представляя собой законодательную абстракцию, не существует реально, что им охватываются лишь общие признаки, присущие общей группе схожих деяний⁹³.

Несмотря на указанные доводы, позицию М.И. Ковалева мы не разделяем по следующим причинам. Во-первых, автор необоснованно сводит понятие состава преступления к материальному признаку преступления – общественной опасности, не учитывая при этом формальный признак – противоправность. Дело в том, что, признавая достаточным основанием уголовной ответственности соучастников преступления общественно опасный характер их действий, автор не совсем верно понимает признак противоправности преступления. Описание в Общей части уголовного закона способов действия соучастников, взятое в отрыве от конкретного состава преступления, не предполагает их противоправного характера. Во-вторых, несмотря на то, что любой состав преступления как описание

⁹¹ Ковалев М.И. Соучастие в преступлении: понятие соучастия. Ученые труды. Ч. 1. Свердловск, 1960. С. 165-167.

⁹² Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев: Вища школа, 1986. С. 166.

⁹³ Ковалев М.И. Указ.соч. С. 166

совокупности объективных и субъективных признаков, характеризующих то или иное общественно опасное деяние в качестве преступного, является исключительно законодательной абстракцией, состав преступления тем не менее во всех случаях содержит описание конкретных признаков, позволяющих квалифицировать содеянное как то или иное преступление. В этом, собственно, и состоит смысл состава преступления как правовой конструкции – описать признаки, на основании которых деяние признается преступлением. Общий состав преступления таким свойством не обладает ввиду отсутствия точного описания совокупности объективных и субъективных признаков, позволяющего проводить разграничение между преступлениями. Также, применение общего состава в процессе квалификации напрямую противоречит принципу законности еще и потому, что не позволяет отграничивать преступления от неправомерного поведения.

Позиция А.Н. Трайнина, подвергнутого критике рассмотренный подход, нам также не представляется верной. По мнению автора, достаточными основаниями ответственности соучастника выступают наличие в его действиях причинной связи с преступным результатом и виновный характер его действий⁹⁴. Такое понимание считаем слишком узким, поскольку оно не учитывает ни общественно опасного характера деяния, послужившего причиной наступления преступного результата, ни формального закрепления совершаемого деяния в качестве состава преступления.

Наиболее распространенное объяснение основания уголовной ответственности соучастников строится на представлении, в соответствии с которым описание состава преступления, содержащегося в действиях отдельно взятого соучастника, содержится не только в нормах Особенной, но и в нормах Общей части уголовного закона, регулирующих виды деятельности соучастников⁹⁵. При этом

⁹⁴ Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 250.

⁹⁵ См., например: Аветисян С.С. К проблеме концепции «смешанной» теории ответственности соучастников преступления // Прокурорская и следственная практика. 2004. № 1-2. С. 199; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 166; Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. / С.С. Аветисян [и др.]. 2-е изд. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. С. 11; Пионтковский А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть. М.: Госюриздат, 1961. С. 551; Пушкин А.А. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления // Законность. 2001. № 3. С. 27; Шарапов Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика // Lex Russica. 2016. № 10 (119). С. 107; Шарапов

М.Д. Шаргородский полагает, что аналогичным образом складывается состав преступления и при неоконченной преступной деятельности⁹⁶. Мы считаем, что приведенное понимание основания уголовной ответственности соучастников преступления также нельзя признать верным. Дело в том, что все рассмотренные ранее подходы обходят стороной существующее в них противоречие. Так, исходя из того, что основанием уголовной ответственности лица является наличие в его действиях всех признаков состава преступления, мы можем прийти к парадоксальному выводу. В частности, если действия соучастника содержат в себе состав преступления в полном объеме, то при совершении соучастниками одного единого для них преступления необходимо констатировать, что преступление как совместная деятельность двух и более лиц одно, а составов преступления ровно столько, сколько участвовало в совершении преступления лиц. Именно ввиду данного противоречия нельзя согласиться с М.Д. Шаргородским, отождествлявшим природу оснований ответственности за соучастие в преступлении и за неоконченную преступную деятельность, поскольку в последнем случае преступление и состав преступления совпадают в своем количественном выражении, чего нельзя сказать про совместную преступную деятельность. И даже в случаях соучастия в форме соисполнительства, когда действия всех соучастников содержат признаки объективной стороны состава преступления, применяя критикуемый подход, приходится признавать преобладающее количество составов преступлений над количеством совершаемых преступлений. Дело в том, что, руководствуясь принципом индивидуальной уголовной ответственности, исследователи анализировали вопрос ответственности соучастников на уровне ответственности отдельно взятого соучастника, что неизбежно приводило их к выводу о наличии в действиях каждого соучастника состава преступления. Основной методологической проблемой рассмотренных подходов к основанию уголовной ответственности за соучастие в преступлении является отсутствие комплексной методологической базы, выразившееся в игнорировании таких научных методов, как синтез и

Р.Д. Характер и степень соучастия в преступлении: закон, теория, практика // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. 2016. № 14-2. С. 88; Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 296.

⁹⁶ Шаргородский М.Д. Указ. соч. С. 296.

системный метод. В связи со сказанным нельзя не обратить внимания на системную концепцию соучастия и общего состава преступления, совершенного в соучастии, предложенную А.А. Арутюновым. При этом следует оговориться, что понимание последним общего состава преступления не тождественно пониманию общего состава преступления, предложенного М.И. Ковалевым.

По мнению А.А. Арутюнова, рассматривать совместную преступную деятельность как простую совокупность деяний, совершаемых соучастниками, является методологически неверным. В обоснование своей позиции криминалист указывает, что действия соучастников функционально связаны между собой. При этом между соучастниками существует определенная субъективная связь, которая выражается в осознании ими совместного характера осуществляемой деятельности. Именно наличие объективной и субъективной связей между соучастниками позволяет достигнуть им той степени интеграции, при которой причинение преступного результата невозможно вменить в вину какому-то конкретному соучастнику, преступление совершается взаимодополняющими действиями лиц, участвующих в его совершении. Следовательно, анализ основания ответственности за соучастие в преступление на уровне отдельно взятого соучастника не отображает всех особенностей возникающих при соучастии связей, а также их значения для достижения преступного результата. В связи с этим автор обоснованно обращается к фундаментальным положениям системной теории, одним из принципов которой является восприятие целого не просто как совокупности составляющих его элементов, а как феномена, придающего целому дополнительные свойства, которыми не обладают составляющие его элементы, взятые изолированно. Воспринимая соучастие в преступлении именно как сложную систему, А.А. Арутюнов отмечает, что преступление совершает именно система в целом, а не отдельные ее элементы – соучастники. Таким образом, пишет криминалист, совместно действующие лица выполняют общий для них состав преступления. При этом действия отдельно взятого соучастника содержат определенную часть общего состава преступления, выполняемого всеми соучастниками, что, однако, не исключает

возможности определить значение вклада каждого соучастника в достижение общего преступного результата⁹⁷.

Как представляется, изложенная концепция наиболее приемлема для описания основания ответственности за соучастие в преступлении по следующим причинам. Во-первых, при исследовании института соучастия необходимо учитывать как уровень отдельно взятого соучастника, так и совместной преступной деятельности в целом. Иными словами, метод анализа недостаточен для уяснения природы и сущности соучастия в преступлении, поскольку учитывает лишь самый глубокий уровень рассматриваемого явления. В то же время системный метод и синтез позволяют выявить особенности соучастия в преступлении как целостной конструкции, каковой оно и выступает. Во-вторых, поддерживаемый подход позволяет корректно объяснить основание ответственности соучастников. Совершая преступление совместными усилиями, соучастники вносят часть вклада в достижение общего преступного результата, причиняемого системой соучастников в целом, а не каким-то отдельным из них. В частности, преступный результат причиняется не исполнителем, а всеми соучастниками сразу. Указанное понимание позволяет объяснить, каким именно образом соучастники, не участвующие в выполнении объективной стороны, способны причинить вред охраняемому объекту. Данное правило уместно и при описании характера ответственности соисполнителей, поскольку действия каждого из них, взятые изолированно от действий другого, не всегда образуют состав преступления в полном объеме. Действия отдельно взятого соучастника содержат в себе не все признаки состава преступления, совершаемого в соучастии, а лишь ту его часть, которую фактически выполняет соучастник. При этом в каждом конкретном случае эта часть будет разной по объему и характеру, что, однако, не имеет влияния на полноту всего состава преступления, совершаемого в соучастии. Иными словами, взаимодействия и изменения внутри системы не влияют на ее внешнее выражение, ее воздействие на внешнюю по отношению к ней среду тождественно по объему конкретному составу пре-

⁹⁷ Арутюнов А.А. Системный подход к общей теории соучастия в преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2001. С. 45,46, 66-69.

ступления. В-третьих, системный подход позволяет устранить отмеченное ранее противоречие, выражающееся в несоответствии количества составов преступления, содержащихся в действиях соучастников, количеству совершаемых соучастниками преступлений. В системной концепции соучастники выполняют общий состав преступления. Следовательно, данный состав при совершении одного преступления всегда имеется в единственном числе, независимо от количества совместно действующих лиц. В-четвертых, восприятие соучастия как системы позволяет органично объединить два ранее взаимоисключающих друг друга подхода к определению природы ответственности соучастников: акцессорной теории и концепции самостоятельной ответственности соучастников.

Следует отметить, что в российском уголовном законе реализованы оба указанных подхода. Элементы акцессорной теории ответственности соучастников в российском уголовном праве проявляются в следующем. В соответствии с ч. 3 ст. 34 УК РФ, уголовная ответственность организатора, подстрекателя и пособника наступает по статье, предусматривающей наказание за совершенное преступление, со ссылкой на статью 33 настоящего Кодекса, за исключением случаев, когда они одновременно являлись соисполнителями преступления. Указанная норма является основным выражением акцессорной стороны института соучастия в преступлении в российском уголовном праве. Квалификация деяния, совершенного индивидуально действующим лицом, как известно, производится по той части статьи Особенной части УК РФ, диспозиция нормы которой наиболее полно описывает совершенное деяние. В то же время, поскольку действия соучастника, не являющегося исполнителем (соисполнителем), не содержат признаков объективной стороны состава преступления, квалифицировать его действия напрямую, без ссылки на норму, определяющую характер его участия в совершении преступления, недопустимо. В противном случае его действия юридически будут приравнены к действиям исполнителя, что, по нашему мнению, не будет способствовать реализации принципа индивидуализации уголовной ответственности. При этом важно уточнить, что квалификация действий соучастников производится не про-

сто по той же статье уголовного закона, по которой квалифицируются действия исполнителя, но и по той же части статьи.

Неоднозначную позицию по указанному вопросу занимает высшая судебная инстанция страны. В частности, приговором Ленинградского областного суда от 12.07.2013 по делу № 2-28/2013 В. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 33 и пп. "г", "з" ч. 2 ст. 105 УК РФ. Апелляционным определением Верховного Суда РФ от 18.11.2013 № 33-АПУ13-18сп приговор в отношении В. изменен: исключено его осуждение по ч. 4 ст. 33, п. "г" ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку исполнитель убийства не знал о состоянии беременности потерпевшей. Руководствуясь статьями 33, 34 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отметила, что «...обстоятельства, хотя и известные подстрекателю, но не охватывающиеся умыслом исполнителя, не могут признаваться квалифицирующими признаками преступления, инкриминируемого как исполнителю, так и подстрекателю...». Более того, коллегией был сделан вывод, согласно которому мотив, которым руководствовался подстрекатель, не влияет на квалификацию его действий⁹⁸. Также апелляционным определением Верховного Суда РФ от 02.02.2017 № 30-АПУ17-1СП, со ссылкой на п. 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 «О судебной практике по делам об убийстве», из приговора в отношении К. исключено указание о наличии в его действиях корыстных побуждений при организации убийства в связи с тем, что К. не являлся исполнителем убийства и наличие у него корыстных побуждений не могло учитываться при квалификации его действий. По этой причине он должен нести ответственность за организацию убийства по найму, то есть только по тому мотиву, который воспринят и реализован исполнителем⁹⁹.

По другому делу постановлением Президиума Верховного Суда РФ апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18.08.2016 в отношении Г. отменено в связи с тем, что действия Г. были

⁹⁸ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.11.2013 № 33-АПУ13-18сп. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹⁹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 02.02.2017 № 30-АПУ17-1СП. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

переквалифицированы судом апелляционной инстанции с ч. 3 ст. 33, п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 3 ст. 33, ч. 1 ст. 105 УК РФ. Так, Президиум посчитал неверной мотивировку суда апелляционной инстанции, в соответствии с которой цель скрыть другое преступление, которой руководствовался организатор убийства – Г., была скрыт от исполнителя М., в связи с чем она не должен влиять на правовую квалификацию действий Г., который не склонял исполнителя к квалифицированному убийству. При этом Президиум, опираясь на нормы института соучастия в преступлении об эксцессе исполнителя (ст. 36 УК РФ) и об ответственности соучастников в случае недоведения исполнителем преступления до конца (ч. 5 ст. 34 УК РФ), заключил, что «нормы действующего уголовного закона не препятствуют квалификации действий соучастников и исполнителей преступления по разным статьям и разным частям одной и той же статьи Особенной части УК РФ в зависимости, в том числе, от мотива их преступного поведения, от целей, которые они преследовали, участвуя в преступлении»¹⁰⁰. По нашему мнению, приведенную квалификацию нельзя признать верной, а ее мотивировку – аргументированной в силу следующего. Как было отмечено нами в первой главе, умысел соучастников должен быть совместным, что предполагает наличие у всех совместно действующих лиц желания совершить определенное преступление. Указанная совместность умысла достигается за счет соглашения между соучастниками, содержание которого должно включать в себя также информацию о конкретном преступлении, которое намереваются совершить соучастники. А информация о квалифицирующих обстоятельствах, пусть даже они относятся к субъективной стороне состава преступления, является информацией о преступлении. Также именно через действия исполнителя (соисполнителей) реализуется общий преступный умысел соучастников. Указанные соучастники выполняют объективную сторону состава преступления непосредственно, что позволяет им быть центральными фигурами в ходе совместной преступной деятельности, в то время как причинение преступного результата другими соучастниками происходит опосредованно, через

¹⁰⁰ Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 № 27П17 / Постановление Президиума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

действия исполнителя (соисполнителей). Таким образом, исполнитель является фигурой, фокусирующей преступный потенциал всех совместно действующих лиц. По этой причине отсутствие совместности умысла у какого-либо из соучастников с исполнителем преступления о квалифицирующих обстоятельствах, известных первому, но не охватывающихся умыслом последнего, исключает соучастие в преступлении в части соответствующего квалифицирующего обстоятельства, в связи с чем такое квалифицирующее обстоятельство не может быть поставлено в вину соучастнику, не являющемуся исполнителем преступления. Более того, ссылка Президиума Верховного Суда РФ на ч. 5 ст. 34 и ст. 36 УК РФ не учитывает того, что норма, закрепленная в ч. 5 ст. 34 УК РФ, подразумевает лишь дополнительную квалификацию по ст. 30 УК РФ, но не по другой статье или части статьи Особенной части УК РФ, а норма об эксцессе исполнителя, в силу главенствующей роли этого соучастника в совместной преступной деятельности, касается исключительно его и не применима к иным соучастникам. По этим же причинам мы не разделяем позицию Д.А. Гарбатовича, допускающего квалификацию действий соучастников и исполнителя (соисполнителей) по различным статьям или различным частям одной и той же статьи уголовного закона при несовпадении мотивов их преступного поведения или преследуемых ими целей, если такие мотивы и цели имеют значения конструктивных или квалифицирующих признаков состава преступления¹⁰¹.

Далее. Место и время совершения преступления также следует определять по месту и времени совершения исполнителем объективной стороны состава преступления в полном объеме. При этом соучастие в преступлении как правовая конструкция возникает с момента появления фигуры исполнителя¹⁰². Определяющее значение исполнителя для признания совместной деятельности соучастием признается и высшей судебной инстанцией страны. Так, в определении Верховного Суда РФ от 19.01.2016 № 5-УД15-82 содержится вывод, согласно которому

¹⁰¹ См. подробнее: Гарбатович Д.А. Зависимость уголовно-правовой оценки деяний соучастников от квалификации исполнителя // Уголовное право. 2018. № 1. С. 38.

¹⁰² См., например: Романовская Е.М. Влияние акцессорности соучастия на квалификацию преступлений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2008. № 3 (16). С. 275; Шарапов Р.Д. Соучастие в неоконченном преступлении и «неудавшееся соучастие» // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2018. № 1(43). С. 11.

«...В случае отсутствия других соучастников преступления, прежде всего исполнителя преступления, и самого преступления организаторская деятельность невозможна...»¹⁰³. Несмотря на то, что в указанном деле суд первой инстанции необоснованно осудил М. за организацию совершения побега Ф. из-под стражи в отсутствие вообще какой-либо совместной преступной деятельности, приведенное толкование норм института соучастия в преступлении следует признать верным. Однако нельзя не обратить внимание на то, что на практике нередко встречаются случаи квалификации действий неудавшихся подстрекателей как приготовления к совершению преступления в форме подстрекательства, то есть по ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 33 и соответствующей статье Особенной части УК РФ¹⁰⁴. Следует отметить, что во всех приведенных случаях сговор на совершение преступления нельзя признать состоявшимся по причине того, что подстрекаемые лица сообщили о приискании другим лицом соучастников для совершения преступления. В связи с этим квалификацию действий осужденных как соучастие в форме подстрекательства, пусть даже в виде приготовления к совершению преступления, нельзя признать верной. К сожалению, высшим судебным органом подобная квалификация была оставлена без внимания¹⁰⁵. Более того, в кассационном определении от 24.09.2009 по делу № 67-009-65, Верховный Суд РФ исправил совершенно верную квалификацию действий И. с ч. 1 ст. 30, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ на ч. 1 ст. 30, ч. 4 ст. 33, пп. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ несмотря на то, что склоняемый к совершению преступления К. не вступил с ним в сговор, а сообщил о его намерениях в правоохранительные органы. По мнению Верховного Суда РФ, суд первой инстанции не учел того обстоятельства, что И. не являлся исполнителем преступления, а склонял другое лицо к совершению преступления, в

¹⁰³ Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2016 № 5-УД15-82. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰⁴ См., например: приговор Верховного Суда Республики Хакасия от 14.06.2012 по делу № 2-18/2012. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/dlaqs> (дата обращения: 20.08.2018); приговор Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 06.08.2013 по делу № 2-25/2013. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/Z6QfU> (дата обращения: 20.08.2018).

¹⁰⁵ См., например: кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.09.2012 по делу № 55-012-15. [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=505962 (дата обращения: 20.08.2018); апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30.10.2013 по делу № 74-АПУ13-23СП. [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=564960 (дата обращения: 20.08.2018).

связи с чем его действия подлежат квалификации «...как приготовление к умышленному причинению смерти двум лицам, по найму, совершенное в форме подстрекательства...»¹⁰⁶.

Тем не менее оценивать приготовительные действия даже нескольких лиц, состоящих в сговоре на совершение преступления, в отсутствие фигуры исполнителя как соучастие в преступлении необоснованно. По указанной причине нельзя признать верной квалификацию действий Г. и Х. по ч. 1 ст. 30, ч. 3 ст. 33, п. «а», «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, поскольку у предполагаемого исполнителя убийства не возникло умысла на совершение убийства, в связи с чем он обратился в правоохранительные органы¹⁰⁷.

Во всех указанных случаях действия осужденных следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 30 и соответствующей статье Особенной части УК РФ, то есть как приготовление к совершению преступления, без ссылки на ч. 4 ст. 33 УК РФ¹⁰⁸.

Тезис о том, что соучастие в преступлении возникает не ранее появления фигуры исполнителя подтверждается также ч. 5 ст. 34 УК РФ, согласно которой в случае недоведения исполнителем преступления до конца по не зависящим от него обстоятельствам остальные соучастники несут уголовную ответственность за приготовление к преступлению или покушение на преступление. Ключевым в данной норме является указание на то, что совместно действующие лица могут нести ответственность именно как соучастники приготовления к преступлению лишь при наличии исполнителя. В свою очередь совместные приготовительные действия нескольких лиц в отсутствие исполнителя не образуют соучастия в преступлении.

Норма, закрепленная в ч. 5 ст. 34 УК РФ, также предопределяет зависимость стадии развития преступной деятельности иных соучастников от стадии развития преступной деятельности исполнителя. Даже в тех случаях, когда иные соучастники полностью выполнили свои функции в полном объеме, при недо-

¹⁰⁶ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24.09.2009 по делу № 67-009-65. [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=275050 (дата обращения: 20.08.2018).

¹⁰⁷ Приговор Краснодарского краевого суда от 04.10.2013 по делу № 2-42/2013. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/RXDOe> (дата обращения: 21.08.2018).

¹⁰⁸ См. подробнее: Шарапов Р.Д. Указ. соч. С. 14-16.

дении исполнителем преступления до конца они также будут нести ответственность за неоконченную преступную деятельность. Иными словами, полное выполнение своей части состава преступления соучастником (пособником, подстрекателем или организатором) не предполагает его ответственности за оконченное преступление. Указанное суждение следует из системной концепции соучастия в преступлении, поскольку в обозначенных ситуациях система соучастников еще не совершила преступление.

При этом нельзя обойти стороной мнение А.И. Ситниковой, выступившей с резкой критикой подобного варианта уголовно-правового регулирования ответственности соучастников при неоконченной преступной деятельности исполнителя. Криминалист усматривает противоречие в том, что при полном выполнении организатором, подстрекателем или пособником своих функций они, тем не менее, могут нести ответственность за приготовление к преступлению или покушение на его совершение. Возможность такой правовой оценки действий указанных соучастников, по мнению автора, препятствует возможности определения меры их ответственности в соответствии с характером и степенью участия каждого из них в совершении преступления. А.И. Ситниковой кажется парадоксальным допустимость различной уголовно-правовой оценки (как приготовление, покушение или оконченное преступление) одинаковых по характеру и объему действий соучастников в зависимости от реализации общего преступного намерения исполнителем. Указанное «противоречие» автор предлагает устранить посредством корректировки уголовного закона, которая позволит квалифицировать действия соучастников при недоведении исполнителем преступления до конца как оконченное покушение на совершение соответствующего преступления. Рассуждения ученого приводят его к выводу, что как покушение следует квалифицировать действия иных соучастников даже в тех случаях, когда исполнитель не успел приступить к выполнению объективной стороны состава преступления. В качестве аргументации обоснованности подобного правотворчества автор отмечает, что общественная опасность действий соучастников не зависит от стадии развития преступной деятельности исполнителя. Более того, криминалистом также предложено

но расширить сферу ответственности за приготовление к совершению преступления за счет устранения зависимости от категории совершаемого преступления с целью установления ответственности соучастников в случае неудавшейся деятельности исполнителя¹⁰⁹.

Указанная позиция не может быть признана нами верной. Как было указано ранее, соучастие в преступлении представляет собой систему. При этом «представителем» такой системы во внешнем относительно нее мире выступает исполнитель. Если намерения системы не получили логического воплощения в виде окончательного преступления, то говорить о выполнении соучастниками своих функций в полном объеме уместно лишь при рассмотрении взаимодействий внутри данной системы. В свою очередь окончательное преступление, являясь выражением взаимодействия системы соучастия с внешним миром, имеет место лишь при совершении всех необходимых действий всеми элементами системы, включая исполнителя преступления. По этим причинам в принципе неуместно говорить о том, что одинаковые действия соучастников могут иметь разную правовую оценку при различном поведении исполнителя, поскольку действия всех соучастников интегрированы друг с другом. В связи с этим различное поведение исполнителя означают различное поведение всей системы, в которую включены действия иных соучастников. Тем более не кажется убедительным аргумент о равной степени общественной опасности совершаемых соучастниками действий вне зависимости от степени реализации исполнителем общего умысла, так как именно степень реализации единого преступного намерения исполнителем и обеспечивает общественную опасность системы соучастия. Без действий исполнителя соучастие в принципе лишено общественной опасности, поскольку причинить вред охраняемым объектам не может по определению.

Однако наиболее ярко акцессорная природа соучастия в преступлении в российском уголовном законе проявляется в норме об ответственности соучастников за совершение преступления со специальным субъектом. Согласно ч. 4

¹⁰⁹ Ситникова А.И. Законодательно-текстологическое моделирование института соучастия в преступлении // Lexrussica. 2016. № 2. С. 84-85.

ст. 34 УК РФ, лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части настоящего Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника. Указанная норма устанавливает уголовную ответственность лиц за совершение преступлений, которые вне системы соучастия они совершить в принципе не могут. При этом достаточным условием совершения соучастниками преступления со специальным субъектом является наличие признаков специального субъекта у одного из них – исполнителя. Наличие признаков специального субъекта у исполнителя преступления наделяет признаками специального субъекта всю систему соучастия в целом как единый преступный организм, что позволяет участвовать в совершении преступления со специальным субъектом лицам, не обладающим соответствующими признаками.

Концепция самостоятельной ответственности соучастников преступления нашла свое выражение в уголовном законе России прежде всего в норме, содержащейся в ч. 1 ст. 34 УК РФ, в соответствии с которой ответственность соучастников преступления определяется характером и степенью фактического участия каждого из них в совершении преступления. Характер участия находит выражение в конкретной функции, выполняемой соучастником при совершении преступления. При этом для каждого вида соучастника характерно выполнение определенных, присущих строго ему функций. Таким образом, характер участия в совершении преступления зависит от того, в качестве какого из видов соучастников действовало лицо. Степень фактического участия представляет собой количественную характеристику вклада соучастника в достижение преступного результата. Именно данная величина демонстрирует, насколько значимыми оказались действия того или иного соучастника для совершения преступления.

Рассмотренная норма получила конкретизацию в диспозиции ч. 1 ст. 67 УК РФ, согласно которой при назначении наказания за преступление, совершенное в соучастии, учитываются характер и степень фактического участия лица в его совершении, значение этого участия для достижения цели преступления, его

влияние на характер и размер причиненного или возможного вреда. Являясь фундаментальным проявлением концепции самостоятельной ответственности соучастников преступления в российском уголовном законе, нормы, регламентирующие ответственность и назначение наказания за соучастие в преступлении, исключают механистическое отождествление ответственности соучастников с ответственностью исполнителя преступления. Несмотря на одинаковые пределы наказания для исполнителя и иных соучастников, при назначении наказания суд производит индивидуализацию наказания каждого соучастника с учетом требований, рассмотренных ранее, и назначает наказание, соответствующее характеру и степени общественной опасности каждого соучастника, которые априори не могут быть одинаковыми у всех совместно действующих лиц. При этом в соответствии с ч. 2 ст. 67 УК РФ, смягчающие или отягчающие обстоятельства, относящиеся к личности одного из соучастников, учитываются при назначении наказания только этому соучастнику. Следует добавить, что освобождение исполнителя от уголовной ответственности или от наказания не предполагает соответствующих правовых последствий для других соучастников, поскольку носит сугубо индивидуальное, не зависящее от их деятельности основание.

Упомянутая выше связь развития преступной деятельности соучастников с развитием преступной деятельности исполнителя не носит безусловного характера, что позволяет соучастникам оказывать на нее влияние даже после исполнения своих функциональных обязанностей. Так, в силу ч. 4 ст. 31 УК РФ, организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителем до конца. Пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления. Таким образом, даже исполнив свою часть общего состава преступления в полном объеме, соучастники все еще имеют возможность избежать уголовной ответственности. Однако ввиду специфики деятельности соучастников, добровольный отказ от преступления возможен лишь в форме активных действий,

направленных на предотвращение совершения исполнителем преступления. Следовательно, центральная роль исполнителя в совместной преступной деятельности не исключает самостоятельности иных соучастников, имеющих возможность влиять на реализацию общего замысла вплоть до окончания совершения преступления исполнителем.

В то же время особое значение исполнителя как аккумулятора совместных усилий соучастников, направленных на достижение преступного результата, обязывает его действовать в соответствии с ожиданиями других соучастников. Ввиду принципа вины, лицо может нести ответственность лишь за те действия (бездействие), в отношении которых установлена его вина в форме умысла или неосторожности. Применительно к соучастию в преступлении вина в форме умысла устанавливается в отношении действий, совершаемых самим соучастником и иными соучастниками, в частности, исполнителем. Если исполнитель отошел от задуманного соучастниками плана и совершил другое преступление, которое не охватывалось их умыслом, содеянное признается эксцессом исполнителя. Согласно ст. 36 УК РФ, за эксцесс исполнителя другие соучастники преступления уголовной ответственности не подлежат. Поскольку соучастие в преступлении предполагает наличие у соучастников единого умысла на совершение конкретного преступления, выход деяния исполнителя за пределы сформировавшихся между соучастниками договоренностей автоматически исключает его из системы соучастия в преступлении, превращая в индивидуально действующее лицо, за действия которого иные соучастники не отвечают. Лишаясь исполнителя, система соучастия трансформируется в совокупность лиц, хотя и обладающих признаками системы, однако лишенных своего потенциала. При этом совершенные ими приготовительные действия в случаях, предусмотренных ст. 30 УК РФ, выступают основанием для привлечения их к уголовной ответственности. В связи с изложенным мы не разделяем позицию Верховного Суда РФ, подтвердившего верность квалификации действий А. по чч. 4, 5 ст. 33, ч. 1 ст. 330 УК РФ несмотря на эксцесс К., вышедшего за рамки имевшейся договоренности и совершившего разбой. Со ссылкой на ч. 5 ст. 34 УК РФ, в соответствии с которой за приготовление к

преступлению несут ответственность соучастники преступления при неудавшемся подстрекательстве, когда лицу по независящим от него обстоятельствам не удалось склонить другое лицо к совершению преступления, либо когда исполнитель не довел преступление до конца по независящим от него обстоятельствам, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ отвергла доводы кассационной жалобы о необходимости квалификации действий А. только как приготовления к совершению преступления. Высший судебный орган указал, что А. совершил все необходимые действия, направленные на склонение К. к самоуправству, в связи с чем оснований считать подстрекательство несостоявшимся не имеется. В свою очередь К. совершил оконченное преступление, хоть и вышел за рамки договоренности с А. Высшей судебной инстанцией также отмечено, что само по себе возникновение у К. умысла на совершение разбоя не означает, что он отказался от совершения самоуправства, поскольку «...Вред, причиненный исполнителем, по своему характеру шире вреда, который изначально охватывался умыслом подстрекателя и пособника...»¹¹⁰. По нашему мнению, квалификация действий лица как соучастие в оконченном преступлении в отсутствие исполнителя спланированного преступления выглядит парадоксальной. А ведь именно тот факт, что никому из осужденных, помимо А., не вменялось в вину совершение самоуправства и подтверждает тезис об отсутствии исполнителя соответствующего преступления. Более того, эксцесс К. в принципе исключает для А. соучастие в преступлении. При этом самоуправство и разбой не являются ни конкурирующими, ни смежными составами, в связи с чем даже гипотетическая ссылка на то, что причиненный вред шире вреда, охватывающегося умыслом подстрекателя, является несостоятельной. Приведенный пример квалификации действий соучастников преступления уместен лишь для соисполнителей преступления, действия которых действительно могут содержать оконченный состав спланированного преступления несмотря на эксцесс одного из соисполнителей. По причине выхода К. за пределы договоренностей с А., а также отсутствия иных соучастников, дей-

¹¹⁰ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 03.11.2011 № 81-О11-93. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ствовавших совместно с А., высшей судебной инстанции следовало прислушаться к доводам кассационной жалобы о квалификации его действий только как приготовления к самоуправству. Вместо этого Верховный Суд РФ фактически возложил на А. ответственность за эксцесс исполнителя, однако не в части квалификации по той же статье уголовного закона, что и действия К., но в части определения стадии развития его преступной деятельности, которая была определена исходя из совершения К. оконченного преступления.

Сочетание акцессорного принципа и принципа самостоятельной ответственности соучастников обеспечивает, по нашему мнению, наиболее эффективное уголовно-правовое противодействие совместной преступной деятельности, согласующееся с принципами справедливости, законности и индивидуальной уголовной ответственности. При правовой оценке совершенного соучастниками преступления центральное место занимает акцессорный принцип, связывающий квалификацию совершенного соучастниками преступления с квалификацией деяния исполнителя. В данном случае акцессорность выступает как универсальное положение, обеспечивающее компактность уголовного закона, поскольку исключает необходимость описание каждого состава преступления для всех видов соучастников в Особенной части УК РФ. Также, акцессорность выступает экономным с точки зрения юридической техники средством дифференциации уголовной ответственности соучастников. Принцип самостоятельного характера ответственности соучастников является продолжением общего принципа индивидуальной уголовной ответственности. Соучастники подлежат ответственности лишь за те действия, которые совершили они лично как элементы системы соучастия. При этом их действия на уровне системы соучастия продолжают оставаться частичным вкладом в общее дело. Принцип самостоятельной ответственности выступает на первый план при решении вопроса об индивидуализации наказания. На данном этапе акцессорные связи роли не играют и наказание и иные меры уголовно-правового воздействия, назначаемые соучастникам, не связаны между собой. Их действия анализируются на уровне вклада в достижение общего преступного результата. Правоприменитель, таким образом, переходит с уровня системы (на ко-

тором производилась квалификация) на уровень элемента системы, играющего самостоятельную роль в деятельности всей системы.

Следует отметить, что в силу своей универсальности, принцип акцессорности может быть закреплен исключительно в нормах Общей части УК РФ, в частности в нормах, образующих институт соучастия в преступлении. В свою очередь, закрепление института соучастия в преступлении в нормах Особенной части УК РФ полностью исключает возможность применения принципа акцессорности, утверждая принцип самостоятельной ответственности соучастников в качестве единственного. При таком подходе на каждый состав преступления, описывающий индивидуальную преступную деятельность, должно приходиться три состава преступления, описывающих деятельность организатора, подстрекателя и пособника применительно к основному составу условного исполнителя. При этом объективная функциональная зависимость действий, совершаемых соучастниками, все равно существует. «Самостоятельные» составы соучастия объективно акцессорны по отношению к «основным» составам индивидуально действующих лиц, поскольку без последних действия соучастников лишены не только общественной опасности, но и смысла, так как причинить вред охраняемому объекту неспособны. Возможность закрепления норм института соучастия в преступлении в нормах Общей и Особенной частей УК РФ носит строго ограниченный характер. При этом регламентация деятельности отдельных видов соучастников посредством универсальных норм и самостоятельных составов преступлений одновременно представляет собой избыточность правового регулирования ответственности за преступления, совершаемыми соучастниками. Несмотря на это, в настоящее время наблюдается тенденция криминализации деятельности соучастников в качестве самостоятельных составов преступления. Последствия подобной уголовно-правовой политики, а также ее несостоятельность будут рассмотрены нами в ходе настоящего исследования.

Изложенное позволяет подытожить следующее:

– соучастие в преступлении представляют собой систему, обладающую качественно иными свойствами и возможностями, нежели простая совокупность составляющих ее элементов – соучастников;

– основанием ответственности соучастников выступает совершение системной соучастия деяния, содержащего все признаки состава преступления;

– природа ответственности соучастников преступления в российском уголовном законе реализована в виде акцессорного принципа и принципа самостоятельной ответственности, которые дополняют друг друга;

– для эффективного противодействия преступности, нормы института соучастия должны носить универсальный характер, что предполагает их закрепление в нормах Общей части УК РФ.

ОТДЕЛЬНЫЕ ВИДЫ СОУЧАСТИЯ В ПРЕСТУПЛЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПОНИМАНИЯ

§ 2.1. Проблемные аспекты понимания подстрекательства

Уголовный закон России не выделяет подстрекательство в качестве вида соучастия в преступлении, но дает определение понятия подстрекатель. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 33 УК РФ, подстрекателем признается лицо, склонившее другое лицо к совершению преступления путем уговора, подкупа, угрозы или другим способом. В литературе общепризнано, что подстрекатель является соучастником, формирующим у других лиц намерение совершить преступление. Глагол «склонить» в русском языке имеет два значения: нагнуть, опустить; убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения¹¹¹. Применительно к деятельности подстрекателя уместно рассматривать второе значение. При этом существенным для уголовного закона является убеждение в необходимости именно поступка, поскольку само по себе принятие решения уголовно-правового значения не имеет. Конечной целью подстрекателя является склонение другого лица к совершению определенных действий, а не только к принятию решения совершить их. Изложенное позволяет согласиться с авторами, специально заостряющими внимание на возможности совершения подстрекательства исключительно в форме активных действий¹¹², а также отрицающими возможность склонения к совершению преступления в форме бездействия¹¹³.

¹¹¹ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. С. 723.

¹¹² См., например: Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. / С.С. Аветисян [и др.]. 2-е изд. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. С. 169; Мирзоян В.Г. Понятие подстрекательства к совершению преступления в УК Российской Федерации и зарубежных стран // Общество и право. 2009. № 4. С. 142; Плужников А.В. Соучастие в преступлении (проблемы общего и специального субъекта): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 92.

¹¹³ Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 202.

В свою очередь М.И. Ковалев в качестве обоснования допустимости квалификации в качестве подстрекательства склонения в форме бездействия исходил из того, что даже самые слабые по степени интенсивности действия подстрекателя (незначительные жесты, едва заметные движения глаз) могут быть достаточными, чтобы возбудить в подстрекаемом желание совершить преступление. По мнению автора, ключевое значение играет не способ совершения подстрекательских действий, а их результат. Выводом из данной предпосылки выступает допущение подстрекательства в форме бездействия¹¹⁴. Данная позиция была подвергнута справедливой критике В.В. Васюкова, указавшего на противоречивость исходных посылок криминалиста: даже незначительное конклюдентное действие остается действием вне зависимости от его интенсивности¹¹⁵.

Уголовным законом предусмотрены отдельные способы воздействия подстрекателя на психику подстрекаемого, такие как уговор, подкуп или угроза. При этом указанный перечень является открытым, что обусловлено многообразием способов подстрекательской деятельности. Мы полагаем, что именно по этой причине законодатель не стал ограничивать правоприменителя строго определенным списком способов, поскольку подобное конструирование нормы о подстрекателе может породить пробел закона, восполнить который аналогией не представляется возможным. Это, в конечном счете, может послужить основанием для исключения уголовной ответственности лица, склонившего другое лицо к совершению преступления способом, не указанным в ч. 4 ст. 33 УК РФ. При этом степень общественной опасности такого подстрекательства объективно заслуживает применения мер государственного принуждения в виде реализации уголовной ответственности, однако уголовный закон сделать подобного не позволит. Указанная проблема в свое время была обозначена В.В. Васюковым¹¹⁶. Возможно именно по указанным причинам понятие подстрекателя, содержащееся в ст. 17 Основ

¹¹⁴ См. например: Ковалев М.И. Соучастие в преступлении: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Ученые труды. Ч. 2. Под ред.: Ефимова М.А. Свердловск, 1962. С. 69.

¹¹⁵ Васюков В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008. С.161.

¹¹⁶ Васюков В.В. Указ. соч. С. 164.

уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, не включало в себя даже примерного перечня способов воздействия на психику подстрекаемого.

Большая часть исследователей также придерживается позиции, в соответствии с которой предусмотреть весь перечень возможных способов подстрекательства не представляется возможным¹¹⁷. В связи с этим А.С. Дрепелев предлагает вообще исключить указание на способы деятельности подстрекателя из ч. 4 ст. 33 УК РФ, как это имело место в Основах уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. В качестве обоснования такого предложения автор указывает на несущественность для квалификации действий лица как подстрекательства способа, которым подстрекатель склонил другое лицо к совершению преступления. Единственным имеющим значение обстоятельством, по мнению криминалиста, выступает лишь факт склонения¹¹⁸. По указанным причинам Д.С. Дядькин также полагает излишним определять в уголовном законе примерный перечень способов подстрекательства¹¹⁹.

Несмотря на это, в литературе существуют попытки не только дать исчерпывающий перечень способов подстрекательской деятельности, но и предложения сделать его закрытым. В частности, А.П. Козлов полагает, что дать исчерпывающий перечень способов подстрекательства представляется вполне реальным. При этом автор руководствуется необходимостью конструирования уголовно-правовых норм максимально точно, исключая их расширительное толкование в процессе правоприменительной деятельности. Также, по мнению ученого, степень общественной опасности далеко не всех способов склонения следует ставить на один уровень со степенью общественной опасности, присущей преступлениям. Основываясь на указанном предположении, криминалист полагает возможным ограничить уголовную ответственность за подстрекательство посредством определения способов, которые, по его мнению, обуславливают общественную опас-

¹¹⁷ См., например: Абакаров З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 81; Бурчак Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву. Отв. ред.: Лановенко И.П. Киев: Наук. думка, 1969. С. 148; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 139; Ковалев М.И. Указ. соч. С. 71; Мирзоян В.Г. Указ. соч. С. 143; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 87.

¹¹⁸ Дрепелев А.С. Соучастник преступления: закон, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2017. С. 156, 159.

¹¹⁹ Дядькин Д.С. Указ. соч. С. 82.

ность подстрекательской деятельности. Классифицируя исследованные им способы по признакам, присущим той или иной группе способов, автор предлагает закрытый перечень способов деятельности подстрекателя, к которым относятся принуждение с применением физического или психического насилия, требование (приказ, поручение) и убеждение с применением совета, просьба, обещания выгод (подкуп, половая связь, продвижение по службе, иное улучшение личных отношений)¹²⁰.

В то же время следует согласиться с З.А. Абакаровым, который подверг критике обоснование необходимости формировать исчерпывающий список способов подстрекательства различным уровнем их общественной опасности. Автором совершенно верно подмечено, что способ, посредством которого лицо склоняется к совершению преступления, не может влиять на степень общественной опасности подстрекательства. Существенным же криминалист признает исключительно возникновение у подстрекаемого желания совершить преступление¹²¹.

Мы в свою очередь согласны с Н.В. Димченко, который приемлет включение в понятие подстрекателя наиболее типичных способов подстрекательской деятельности, ориентирующих правоприменительную практику на правильную квалификацию действий подстрекателя¹²². С учетом того, что подстрекательство может осуществляться любым способом, формулирование примерного перечня способов склонения может показаться излишним и не отвечающим правилам юридической техники. В то же время, поскольку подобное положение дел не влечет для правоприменения ровным счетом никаких негативных последствий, мы все же считаем уместным перечислять в ч. 3 ст. 33 УК РФ отдельные способы подстрекательской деятельности, что облегчит квалификацию случаев склонения лица к совершению преступления в качестве подстрекательства.

Несмотря на то, что подстрекательство может быть совершено любым способом, формы склонения лица к совершению преступления, по справедливому

¹²⁰ Козлов А.П. Указ. соч. С. 129-138.

¹²¹ Абакаров З.А. Указ. соч. С. 82.

¹²² Димченко Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. С. 139.

замечанию Ф.Г. Бурчака, ограничены формами межличностной коммуникации¹²³. При этом традиционно в литературе выделяют устную и письменную формы, а также форму конклюдентных действий, под которыми понимают в том числе жесты и мимику¹²⁴.

Достаточно важным при анализе подстрекательской деятельности является вопрос о моменте окончания подстрекательства. Необходимость поиска правильного ответа на поставленный вопрос обусловлена отсутствием единого подхода к развитию преступной деятельности подстрекателя. Отдельные авторы придерживаются позиции, в соответствии с которой подстрекательство следует считать завершенным с момента возникновения у подстрекаемого умысла на совершение преступления¹²⁵. В качестве аргумента в пользу указанного подхода А.С. Дрепелев указывает на то, что законодательное определение подстрекателя характеризует его как лицо, склонившее к совершению преступления, то есть посредством использования глагола в прошедшем времени. По этой причине автор приходит к выводу, что возникновение у подстрекаемого желания совершить преступление означает момент окончания подстрекательской деятельности¹²⁶. А.М. Зацепин в подтверждение обоснованности своей позиции ссылается на ч. 5 ст. 34 УК РФ, согласно которой как приготовление к преступлению следует квалифицировать безрезультативные действия, направленные на склонение лица к совершению преступления¹²⁷.

Указанные аргументы заслуживают внимания. Действительно, нет подстрекательства там, где у подстрекаемого не возникло намерения совершить преступления. Следовательно, подстрекательство можно считать состоявшимся не ранее возникновения у подстрекаемого умысла на совершение преступления. В то же время мы полагаем, что авторы, придерживающиеся указанной позиции, не учитывают следующего. Так, фактически деятельность подстрекателя является за-

¹²³ Бурчак Ф.Г. Указ. соч. С. 163.

¹²⁴ См., например: Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 143; Дядькин Д.С. Указ. соч. С. 83; Ковалев М.И. Указ. соч. С. 161; Плужников А.В. Указ. соч. С. 92

¹²⁵ См., например: Арутюнов А.А. Указ. соч. С. 201; Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 144; Зацепин А.М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы: монография. М.: Проспект, 2016. С. 235.

¹²⁶ Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 144.

¹²⁷ Зацепин А.М. Указ. соч. С. 235.

вершенной с момента совершения действий, достаточных и необходимых, по его мнению, для склонения другого лица к совершению преступления. Однако факт совершения указанных действий еще не подразумевает юридическое окончание подстрекательской деятельности, поскольку действия подстрекателя могут и не привести к желаемому результату.

С другой стороны, возникновение у лица умысла на совершение преступления само по себе не является уголовно наказуемым. Наличие у лица намерения совершить преступление, которое, однако, еще не начало реализовываться в объективной действительности, в том числе в виде совершения лицом определенных действий, направленных на реализацию возникшего умысла, не является преступным. Точно так же нельзя считать общественно опасными действия лица, склонившего другое лицо к совершению преступления, до тех пор, пока последнее не начало реализовывать преступный умысел хотя бы в виде подготовительных действий.

Большая часть исследователей обоснованно воспринимают подстрекательство как «материальный состав преступления», что приводит их к выводу о том, что деятельность подстрекателя является оконченной с момента начала осуществления подстрекаемым преступной деятельности, даже если она была пресечена на стадии приготовления к совершению преступления¹²⁸. При этом А.Ф. Зелинским указано, что подстрекательство имеет место лишь при совершении подстрекаемым преступления¹²⁹. Полагаем, что под преступлением автор подразумевал в том числе и неоконченную преступную деятельность. Наиболее веский аргумент в пользу указанной точки зрения, на наш взгляд, выдвинул П.Ф. Тельнов. Автор исходил из законодательного определения понятия соучастия в преступлении, которое в том числе и по УК РСФСР предполагало совместное участие нескольких лиц в совершении преступления. Следовательно, отмечал криминалист, функции

¹²⁸ См., например: Абакаров З.А. Указ. соч. С. 86; Аветисян С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом. Монография. М.: Закон и Право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. С. 47; Димченко Н.В. Указ. соч. С. 138-139; Ковалев М.И. Указ. соч. С. 58; Козлов А.П. Указ. соч. С. 127; Плужников А.В. Указ. соч. С. 94; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 90.

¹²⁹ Зелинский А.Ф. Указ. соч. С. 19.

соучастника следует считать осуществленными не ранее начала совместной преступной деятельности, то есть не ранее приготовления к преступлению¹³⁰.

Указанную аргументацию следует, однако, уточнить. Так, до момента совершения склоненным лицом каких-либо действий, хотя бы и подготовительных, направленных на реализацию общего с подстрекателем преступного намерения, соучастие в преступлении в принципе исключается. А поскольку соучастия в преступлении нет в наличии, то подстрекательство, выступающее одним из видов деятельности, совершаемых в соучастии, в юридическом смысле отсутствует.

Также существует точка зрения, в соответствии с которой юридический момент окончания переносится на еще более позднюю стадию, чем начало осуществления подготовительных действий. В частности, В.В. Васюков полагает, что деятельность подстрекателя следует считать оконченной в момент совершения исполнителем действий, содержащих все признаки конкретного состава преступления, указанного в Особенной части УК РФ¹³¹. Первое, на что следует обратить внимание при анализе указанного подхода, так это на то, что криминалист связывает момент окончания подстрекательства именно с юридическим окончанием преступления, совершенного исполнителем. В то же время автор допускает возможность подстрекательства не только исполнителя, но и других соучастников¹³². В связи с этим мы полагаем, что при описании момента окончания подстрекательской деятельности ученый имел в виду момент возникновения в действиях подстрекателя всех признаков состава преступления, который определяется моментом достижения единого для соучастников преступного результата, непосредственным автором которого выступает исполнитель преступления. При этом вопрос о том, с какого момента в рамках функционального взаимодействия соучастников следует считать деятельность подстрекателя оконченной, автор вообще не рассматривал.

Достаточно противоречивой нам кажется позиция высшей судебной инстанции по вопросу определения момента окончания подстрекательства. Так, в

¹³⁰ Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 90.

¹³¹ Васюков В.В. Указ. соч. С. 176.

¹³² Васюков В.В. Указ. соч. С. 160.

кассационном определении от 03.11.2011 № 81-О11-93 Верховный Суд РФ указал, что «...В соответствии с законом склонить к преступлению - означает породить у лица желание, умысел на совершение преступления. Подстрекательство окончено с момента дачи согласия подстрекаемого на совершение преступления...»¹³³.

В свою очередь, в абз. 4 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» (далее по тексту – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1) указано, что преступления, ответственность за которые предусмотрена статьями 150 и 151 УК РФ, являются оконченными с момента совершения несовершеннолетним преступления, приготовления к преступлению, покушения на преступление или после совершения хотя бы одного из антиобщественных действий, предусмотренных диспозицией части 1 статьи 151 УК РФ (систематическое употребление спиртных напитков, одурманивающих веществ, занятие бродяжничеством или попрошайничеством)¹³⁴. Ввиду того, что в абз. 6 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления понимается как его подстрекательство к совершению преступления¹³⁵, высший судебный орган оценивает подстрекательство, сопряженное с вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления, как оконченное лишь с момента начала совершения подстрекаемым как минимум подготовительных действий, а не с момента возникновения у несовершеннолетнего умысла на совершение преступления.

Крайне важным также является рассмотрение вопрос о так называемом неудавшемся подстрекательстве. Часть 5 статьи 34 УК РФ содержит норму, в соответствии с которой за приготовление к преступлению несет уголовную ответ-

¹³³ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 03.11.2011 № 81-О11-93. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³⁴ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 января 2011 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ //Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

¹³⁵ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 января 2011 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ //Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. № 4.

ственность также лицо, которому по не зависящим от него обстоятельствам не удалось склонить других лиц к совершению преступления. Указанная норма дала повод отдельным исследователям рассматривать безрезультативные действия, направленные на склонение лица к совершению преступления, в рамках института соучастия в преступлении. В частности, Ю.А. Клименко, рассматривая природу соучастия в преступлении, указывает, что отсутствие деяния исполнителя не препятствует применению норм института соучастия в преступлении для привлечения к ответственности лиц, чьи попытки склонить первого к совершению преступления не увенчались успехом¹³⁶.

В свою очередь А.В. Плужников делает вывод, что норма, содержащаяся в ч. 5 ст. 34 УК РФ, предполагает признание законодателем подстрекательской деятельности самостоятельным преступлением в указанных в ней случаях¹³⁷.

Еще более нетривиальной позиции придерживается З.А. Абакаров. Рассматривая подстрекательство как «...особое преступление с материальным составом...»¹³⁸, криминалист предлагает скорректировать ст. 34 УК РФ таким образом, чтобы в случае неудавшегося склонения других лиц к совершению преступления, склоняющий подлежал ответственности за покушение на подстрекательство к совершению преступления¹³⁹.

Наши возражения указанным позициям сводятся к следующему. Действительно, норма о «неудавшемся подстрекательстве» содержится в главе 7 УК РФ, посвященной институту соучастия в преступлении. Однако подобный результат конструирования институтов неоконченной преступной деятельности и соучастия в преступлении не следует воспринимать буквально. В первую очередь следует обратить внимание на то, что неудавшееся склонение к совершению преступления квалифицируется как приготовление к его совершению. Тем самым уголовный закон подразумевает, что подобные действия относятся к сфере уголовно-правового регулирования неоконченной преступной деятельности, представляю-

¹³⁶ Клименко Ю.А. О юридической природе соучастия в преступлении // Актуальные проблемы российского права. 2010. № 4 (17). С. 140.

¹³⁷ Плужников А.В. Указ. соч. С. 93.

¹³⁸ Абакаров З.А. Указ. соч. С. 95-96.

¹³⁹ Там же. С. 96.

щей собой самостоятельный институт Общей части УК РФ. Отсылка к ч. 1 ст. 30 УК РФ, содержащаяся в ч. 5 ст. 34 УК РФ, закрепляет, что подобные действия следует рассматривать в качестве приискания соучастников преступления. В то же время, как было отмечено ранее, отсутствие совместной преступной деятельности исключает соучастие в преступлении, а следовательно и подстрекательство к совершению преступления. Нельзя не отметить, что аналогичный аргумент против оценки неудачных действий, направленных на склонение лица к совершению преступления, в качестве подстрекательства ранее уже высказывался С.Н. Наумовым¹⁴⁰. Совершенно очевидно, что если подстрекательская деятельность порождает соучастие не ранее начала совершения склоненным лицом определенных приготовительных действий, неудавшееся склонение ни при каких обстоятельствах не может восприниматься как соучастие в преступлении. Тем более нельзя признавать неудавшееся склонение покушением на совершение преступления, поскольку в подобной ситуации не только не совершаются действия, включающие в себя признаки объективной стороны состава преступления, но и отсутствует возможность в принципе совершить оконченное преступление ввиду отсутствия исполнителя.

Подстрекатель склоняет к совершению преступления строго определенного (-ых) лица (лиц). Ввиду того, что подстрекательская деятельность является одним из проявлений соучастия в преступлении, между подстрекателем и подстрекаемым лицом должна существовать двусторонняя субъективная связь, характеризующаяся взаимной осведомленностью каждого из соучастников о совместном характере совершаемого преступления. В частности, указанное требование предполагает, что подстрекаемое лицо осознает не только источник воздействия на его психику, но и интерес подстрекателя в совершении им преступления. Скрытая форма подстрекательства, по справедливому замечанию А.В. Плужникова, недопустима¹⁴¹. По этой причине мы не можем согласиться с учеными, признающими подстрекательство и в тех случаях, когда подстрекаемое лицо не осознает, что его

¹⁴⁰ Наумов С.Н. Оценочные признаки соучастия в преступлении: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2009. С. 104.

¹⁴¹ Плужников А.В. Указ. соч. С. 94.

решимость совершить преступление возникла вследствие воздействия на его психику¹⁴², а также что характер их с подстрекателем действий является совместным¹⁴³.

В свою очередь, сознанием подстрекателя также должно охватываться, каких конкретно лиц он склоняет к совершению преступления. В противном случае характера психического воздействия будет явно недостаточно для оказания того влияния, которое оказывает подстрекатель, воздействуя на определенное для него лицо (лиц). Так, не является подстрекательством обращение к неопределенному для подстрекателя кругу лиц с призывом совершить преступление, пусть даже такой призыв осуществляется с целью склонения к совершению конкретного преступления. Подобные действия в случаях, специально предусмотренных Особенной частью УК РФ, представляют собой самостоятельные составы преступления:

- публичные призывы к осуществлению террористической деятельности (ст. 205² УК РФ);
- призывы к массовым беспорядкам (ч. 3 ст. 212 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ);
- публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ);
- публичные призывы к развязыванию агрессивной войны (ст. 354 УК РФ).

Подстрекательские действия могут осуществляться не только в отношении будущего исполнителя, но и иных соучастников, что справедливо признается в литературе¹⁴⁴. Поскольку действия любого из соучастников представляют определенную степень общественной опасности и являются преступными, буквальное толкование понятия подстрекателя позволяет распространить действие нормы,

¹⁴² См., например: Абакаров З.А. Указ. соч. С. 102; Бурчак Ф.Г. Указ. соч. С. 161; Гришаев П.И., Кригер Д.А. Указ. соч. С. 146;

¹⁴³ См., например: Васюков В.В. Указ. соч. С. 165, 175

¹⁴⁴ См., например: Арутюнов А.А. Указ. соч. С. 202; Васюков В.В. Указ. соч. С. 160; Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 140; Ковалев М.И. Указ. соч. С. 64-65; Козлов А.П. Указ. соч. С. 128; Мирзоян В.Г. Указ. соч. С. 142; Наумов С.Н. Указ. соч. С. 104; Плужников А.В. Указ. соч. С. 94; Улицкий С.Я. Институт соучастия в судебной практике // Законность. 2005. № 11. С. 26

предусмотренной ч. 4 ст. 33 УК РФ, не только на случаи склонения к совершению преступления исполнителя.

Подстрекательство представляет собой умышленную деятельность. Деятельность подстрекателя является целенаправленной. Он склоняет другое лицо к совершению преступления, стремится убедить его в необходимости осуществления преступной деятельности. Подстрекатель во всех случаях желает видеть преступление совершенным или, как указывал М.И. Ковалев, по крайней мере начатым¹⁴⁵. А.В. Плужников отмечает, что волевая сторона деятельности подстрекателя состоит в желании видеть лицо «...сначала вовлеченным в преступную деятельность (преступление), а затем и его совершившим¹⁴⁶. Склонение само по себе предполагает заинтересованность в определенном поведении склоняемого лица. Так же и подстрекатель заинтересован в результате своих действий – совершении подстрекаемым лицом преступления.

Несмотря на это, отдельные авторы допускают подстрекательство с косвенным умыслом, под которым они понимают отношение подстрекателя не к возможным общественно опасным последствиям в преступлениях с материальным составом, а отношение к факту совершения подстрекаемым лицом преступления¹⁴⁷. Иными словами, по их мнению, лицо, совершающее направленные на склонение к совершению преступления действия, может не желать его совершения либо относиться к этому безразлично.

Полагаем, что указанная точка зрения является несостоятельной по причинам, указанным ранее. По нашему мнению, рассматривать умысел при подстрекательстве исключительно в плоскости взаимоотношения подстрекателя и подстрекаемого методологически неверно. Деятельность подстрекателя представляет собой часть более общего явления – соучастия в преступлении, что предопределяет влияние на нее фундаментальных положений института соучастия в преступлении. В свою очередь, рассмотрение субъективной стороны подстрекательской деятельности с учетом природы соучастия в преступлении в принципе не допускает

¹⁴⁵ Ковалев М.И. Указ. соч. С. 88.

¹⁴⁶ Плужников А.В. Указ. соч. С. 94.

¹⁴⁷ См. например: Абакаров З.А. Указ. соч. С. 99; Гришаев П.И., Кригер Д.А. Указ. соч. С. 143.

возможности характеристики умысла подстрекателя по отношению к одним лишь последствиям его влияния на поведение подстрекаемого лица. Образуя единую систему, соучастники совершают единый состав преступления, который формируется и обретает полноту лишь ввиду функциональной взаимосвязи и взаимодействия соучастников. Следовательно, умысел подстрекателя включает в себя не только интеллектуальный элемент (умышленный характер совместного участия, включающий в себя наличие желания совершения подстрекаемым лицом определенных преступных деяний), но и волевой (характеризующийся желанием наступления общего для соучастников преступного результата). По этой причине волевой момент умысла подстрекателя следует рассматривать лишь применительно к общему преступлению, совершаемому в соучастии. Следует, однако, оговориться, что классификация по видам умысла имеет значение лишь для преступлений с материальным составом, что также следует учитывать. По обозначенному вопросу мы солидарны с А.А. Арутюновым, допускающим только прямой умысел в подстрекательской деятельности¹⁴⁸. Высшая судебная инстанция страны также признает возможность подстрекательства только с прямым умыслом¹⁴⁹.

С другой стороны, отдельные исследователи допускают косвенный умысел подстрекателя в отношении общественно опасных последствий в преступлениях с материальным составом¹⁵⁰. В качестве аргумента в пользу указанной позиции П.Ф. Тельнов приводил казус, по условиям которого один влиятельный хулиган подстрекает другого, менее влиятельного хулигана, напасть на прохожего и избить его. Более влиятельный хулиган допускал возможность причинения смерти в ходе избиения, однако относился к этому безразлично. Следовательно, делал вывод автор, в случае причинении смерти в описанной ситуации имеет место быть подстрекательство с косвенным умыслом¹⁵¹. Схожее мнение высказывает

¹⁴⁸ См., например: Арутюнов А.А. Указ. соч. С. 202.

¹⁴⁹ Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.04.2004 № 66-О03-245. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵⁰ См., например: Васюков В.В. Указ. соч. С. 168; Дядькин Д.С. Указ. соч. С. 83; Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. / С.С. Аветисян [и др.]. 2-е изд. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. С. 167; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 92.

¹⁵¹ Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 93.

В.В. Васюков. При этом автор уточняет, что подстрекатель подлежит ответственности за наступившие по неосторожности исполнителя последствия, если самим подстрекателем была проявлена неосторожность¹⁵². К сожалению, криминалист не дает разъяснения, каким образом и при каких обстоятельствах подстрекатель может проявить неосторожность по отношению к последствиям, причиненным исполнителем по неосторожности. Как отмечалось нами в ходе анализа субъективных признаков соучастия, преступные последствия, причиняемые исполнителем по неосторожности в процессе совершения преступления с двумя формами вины, не влекут ответственности для других соучастников, не участвовавших в выполнении объективной стороны состава заранее согласованного ими преступления. В подобных случаях ответственности за причиненные по неосторожности последствия подлежат лишь непосредственные причинители указанных последствий. Поскольку в обозначенной ситуации более влиятельный хулиган склонял не к убийству, а к избиению, то его умыслом не могли охватываться последствия в виде причинения смерти потерпевшему, что исключает его ответственность за указанные последствия.

Прямой умысел подстрекательской деятельности подразумевает, что подстрекатель склоняет лицо к совершению не любого, а вполне конкретного преступления, что также является критерием разграничения подстрекательства и публичных призывов. В частности, большая часть составов преступлений публичных призывов не содержит требования призывов к совершению конкретных преступлений, ограничиваясь преступлениями, характеризующимися родовыми и видовыми признаками. Также составы преступлений публичных призывов могут выполняться хотя и посредством призывов к совершению конкретных составов преступлений, однако с низкой степенью детализации самих преступлений, к совершению которых призывает лицо, что не позволяет идентифицировать непосредственный объект преступного посягательства. Однако даже склонение конкретного лица к совершению неопределенного преступления нельзя признать подстрекательством. Несмотря на признание в качестве обязательного признака

¹⁵² Васюков В.В. Указ. соч. С. 170.

подстрекательской деятельности склонение к совершению конкретного (определенного) преступления в литературе¹⁵³, указанное правило, на наш взгляд, нуждается в более детальном анализе.

Так, отдельные исследователи связывают деятельность подстрекателя со склонением к совершению строго определенного с точки зрения Особенной части УК РФ преступления. При этом до сознания подстрекаемого должны быть донесены существенные признаки состава преступления, позволяющие квалифицировать его по конкретной норме Особенной части уголовного закона¹⁵⁴. Хотелось бы обратить более пристальное внимание на указанную точку зрения. Признавая определяющим восприятие сознанием подстрекаемого существенных признаков, характеризующих тот или иной состав преступления, описанный в Особенной части УК РФ, указанные криминалисты, по нашему мнению, упускают из вида то обстоятельство, что подстрекательство возможно не только в отношении будущего исполнителя. Ввиду того, что подстрекатель может склонять к участию в преступлении и других соучастников, подстрекаемый должен также осознавать свою функциональную роль, к выполнению которой его склоняет подстрекатель. В качестве аргумента в пользу занимаемой нами позиции напомним, что квалификация действий пособника, подстрекателя и организатора производится не только по статье, описывающей признаки состава преступления, но и по статье, предусматривающей виды соучастников преступления. В связи с этим осознание подстрекаемым исключительно признаков состава преступления, конструктивно сформулированного для индивидуально действующего лица, явно недостаточно для подстрекательства соучастников, не участвующих в выполнении объективной стороны того или иного состава преступления. При этом следует отметить, что и общепринятый подход к подстрекательской деятельности, согласно которому подстрекательство возможно лишь в отношении конкретного (определенного, ин-

¹⁵³ См., например: Аветисян С.С. Указ. соч. С. 46; Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 143; Димченко Н.В. Указ. соч. С. 138; Дядькин Д.С. Указ. соч. С. 81; Ковалев М.И. Указ. соч. С. 61; Козлов А.П. Указ. соч. С. 139; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 94; Мирзоян В.Г. Указ. соч. С. 142; Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 296; Плужников А.В. Указ. соч. С. 92.

¹⁵⁴ См. например: Абакаров З.А. Указ. соч. С. 85; Арутюнов А.А. Указ. соч. С. 204; Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 139.

дивидуально определенного) преступления, кажется нам недостаточно подробно описанным в литературе.

В частности, установление в качестве признака подстрекательства склонение к совершению конкретного преступления не обладает достаточной степенью детализации, что затрудняет отграничение подстрекательской деятельности от непроступного поведения. Так, авторы Энциклопедии уголовного права полагают, что для признания склонения к совершению преступления подстрекательством достаточно донести до сознания подстрекаемого название преступления (не обязательно точное), существенные признаки объективной стороны, а также вредные последствия¹⁵⁵.

Несмотря на то, что подстрекателю достаточно описать преступление, к которому он склоняет другое лицо, в общем виде и без учета всех деталей, сознанием подстрекаемого тем не менее должны охватываться все признаки состава преступления, к совершению которого его склоняют, а не только признаки, характеризующие объективную сторону состава преступления. В связи с этим заслуживает внимания мнение В.В. Васюкова полагающего, что указанное нами требование не носит характер обязательного. Персонально криминалист заостряет внимание на том, что объект преступления, к которому склоняет подстрекатель, обязательно должен быть индивидуально определен в сознании подстрекаемого. По мнению автора, для признания действий лица подстрекательством достаточно описать видовой объект преступления, охраняемый соответствующей главой Особенной части уголовного закона. При этом в качестве аргумента в пользу такого понимания подстрекательской деятельности ученый выдвигает допустимость подстрекательства с неопределенным умыслом¹⁵⁶.

Указанная точка зрения кажется нам неприемлемой в силу следующего. Подстрекательская деятельность всегда является целенаправленной. Склоняя, убеждая в необходимости какого-либо поступка, подстрекатель всегда стремится воздействовать с целью совершения подстрекаемым лицом вполне конкретного

¹⁵⁵ Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. / С.С. Аветисян [и др.]. 2-е изд. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. С. 166.

¹⁵⁶ Васюков В.В. Указ. соч. С. 162-163.

преступления. В предыдущих параграфах нами было обосновано, что одним из субъективных признаков соучастия в преступлении является стремление достичь общего для всех соучастников преступного результата. Ввиду того, что состав преступления представляет собой минимальный набор признаков, достаточный для признания содеянного преступлением, объединяя свои усилия, все соучастники должны осознавать признаки состава преступления, присутствующие в их деятельности. Присущая соучастию в преступлении двусторонняя субъективная связь едва ли достижима, если сознанием подстрекателя и подстрекаемого будут охватываться разные составы преступлений. В таком случае подстрекатель будет стремиться к совершению одного преступления, а подстрекаемый – другого. Очевидно, что подобное стечение лиц нельзя признать соучастием в преступлении.

В качестве аргумента против критикуемой позиции мы также хотели бы отметить, что степень воздействия на подстрекаемое лицо не может быть существенной, если подстрекатель не будет стремиться возбудить в нем решимость совершить конкретное с точки зрения уголовного закона преступление. Без описания ключевых признаков состава того или иного преступления склонить лицо к совершению преступления нам представляется нереальным, поскольку даже если в случае столь неконкретного воздействия лицо решает совершить преступление, следует констатировать, что решимость на его совершение у него возникла безотносительно к воздействию подстрекателя. При этом общественная опасность последнего при столь неинтенсивном воздействии не позволяет признать его действия преступными. Аналогичные доводы мы можем привести и против вывода об отсутствии необходимости индивидуализировать объект преступного посягательства. Дело в том, что даже в случае описания подстрекателем в ходе своего воздействия всех признаков состава преступления, описанных в Особенной (и Общей) части (-ях) УК РФ, подстрекательство нельзя признать состоявшимся. Лишь индивидуализация непосредственного объекта посягательства, выраженного в конкретном потерпевшем, предмете или общественных отношениях превращает состав преступления из законодательной конструкции в конкретное преступление. Только при формировании в сознании подстрекаемого будущего пре-

ступления в указанном объеме можно говорить о подстрекательстве с точки зрения уголовного закона. В частности, в приговоре от 28.12.2017 по делу № 2-23/2017 Иркутский областной суд указал, что «...подстрекательство характеризуется активными действиями, направленными на возбуждение у исполнителя решимости совершить конкретное преступление в отношении конкретного лица...»¹⁵⁷.

Вышеизложенное позволяет заключить следующее:

- подстрекательство есть активная деятельность, что исключает возможность склонения лица к совершению преступления путем бездействия;
- подстрекательство предполагает возникновение у подстрекаемого лица намерения совершить преступление. При этом способ воздействия на психику подстрекаемого лица не имеет уголовно-правового значения. Существенным является лишь факт возникновения у лица желания совершить преступление;
- формы подстрекательской деятельности ограничены формами межличностной коммуникации: устная, письменная, посредством конклюдентных действий;
- юридический момент окончания подстрекательства приходится на момент начала выполнения склоненным лицом хотя бы приготовления к совершению преступления;
- безрезультативные действия лица, направленные на склонение другого лица к совершению преступления, не являются подстрекательством, а представляют собой приготовление к совершению преступления;
- подстрекательство возможно в отношении строго определенного (-ых) лица (лиц). Склонение неперсонифицированного круга лиц к совершению преступления в случаях, предусмотренных Особенной частью УК РФ, образует самостоятельный состав преступления;
- подстрекательство возможно не только в отношении будущего исполнителя, но и других соучастников преступления;

¹⁵⁷ Приговор Иркутского областного суда от 28.12.2017 по делу № 2-23/2017. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– подстрекательство к совершению преступления с материальным составом возможно только с прямым умыслом;

– подстрекатель должен донести до сознания подстрекаемого лица все признаки, характеризующие состав преступления, к совершению которого склоняется лицо. При этом существенным также является индивидуализация непосредственного объекта посягательства в объективной действительности.

§ 2.2. Проблемные аспекты понимания пособничества

Будучи одним из объективных проявлений деятельности соучастника преступления, пособничество обладает признаками, присущими соучастию в преступлении как уголовно-правовой конструкции. Следовательно, содействие совершению преступления должно оказываться лишь лицу, являющемуся субъектом преступления. Деятельность пособника в отношениях с другими соучастникам должна быть совместной, характеризоваться двусторонней субъективной связью, а также умышленной формой вины по отношению к совершаемому всеми соучастниками деянию. Умысел пособника в преступлениях с материальным составом может быть как прямым, так и косвенным. Указанные признаки соучастия в преступлении были раскрыты нами в предыдущей главе, что исключает необходимость их повторного анализа применительно к пособнической деятельности.

Тем не менее пособничество обладает дополнительными признаками, характеризующими его с объективной стороны, что, собственно, и является основанием для его выделения в самостоятельную фигуру соучастника преступления. Также определенный интерес в рамках настоящей работы представляют особенности проявления отдельных аспектов объективных признаков соучастия в преступлении в пособнической деятельности. Указанные обстоятельства определяют круг проблем, подлежащих анализу в настоящем параграфе:

– особенности установления причинно-следственной связи между пособничеством и совершенным преступлением в зависимости от способов пособничества;

- временные рамки, которыми ограничена возможность содействия совершению преступления;
- круг соучастников, которым пособник может оказывать содействие;
- содержание отдельных способов пособнической деятельности.

В соответствии с ч. 5 ст. 33 УК РФ, пособником признается лицо, содействовавшее совершению преступления советами, указаниями, предоставлением информации, средств или орудий совершения преступления либо устранением препятствий, а также лицо, заранее обещавшее скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно лицо, заранее обещавшее приобрести или сбыть такие предметы. Под содействием в русском языке следует понимать деятельное участие в чьих-нибудь делах с целью облегчить, помочь, поддержку в какой-нибудь деятельности¹⁵⁸. Ранее нами раскрывался такой элемент совместности деяния, как наличие причинно-следственной связи между действиями соучастников и наступившим преступным результатом. Согласно данному требованию, действия всех соучастников должны находиться в причинно-следственной связи с совершенным преступлением и наступившими преступными последствиями (в преступлениях с материальным составом). В связи с этим не любые действия пособника, а лишь те, которые выступили одной из составляющих частей общего причинного комплекса деятельности соучастников, допустимо признавать пособничеством совершению преступления. Следовательно, термин «содействовать» следует толковать с учетом фундаментальных требований основания уголовной ответственности, что создает дополнительные особенности идентификации причинно-следственной связи между действиями пособника и преступным результатом. В частности, стоит обратить внимание на случаи, в которых помощь «пособника» была столь несущественна, что никоим образом не повлияла на возможность совершения преступных действий. В указанных случаях, как отмечают отдельные исследователи, со-

¹⁵⁸ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Указ.соч. С. 743.

действие нельзя признать пособничеством¹⁵⁹. Именно отсутствие причинно-следственной связи между несущественным содействием и наступившим преступным результатом, по справедливому замечанию М.И. Ковалева, выступает в качестве основного аргумента занимаемой им позиции¹⁶⁰. Отсутствие причинно-следственной связи в свою очередь влечет неполноту такого признака соучастия, как совместность деяния, что исключает возможность признания такого содействия пособничеством. На практике также встречаются случаи отдельного исследования судами причинно-следственной связи между действиями пособника и преступным результатом. В частности, в апелляционном определении от 18.04.2013 № 2-АПУ13-4, обосновывая законность квалификации действий Р. и В. по ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 313 УК РФ, судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что применение указанными осужденными угрозы к пилоту вертолета явилось необходимым условием для совершения Ш. побега из колонии¹⁶¹. По другому делу Верховный суд РФ, отвергая доводы апелляционного представления, указал, что «...вердиктом присяжных заседателей не установлено, что, перегоняя автомобиль к гаражам, Л. создал условия, необходимые для наступления преступного результата – уничтожения чужого имущества, и тем самым объективно способствовал совершению преступления...»¹⁶².

В то же время достаточно интересными нам представляются рассуждения В.Ю. Шубиной, предлагающей разграничивать существенное (первостепенное) и несущественное (второстепенное) пособничество. В качестве критерия подобной классификации выступает значимость оказываемого содействия: в первом случае оно является необходимым для совершения преступления, в то время как во втором это необязательно¹⁶³. Полагаем, указанная позиция противоречит основанию уголовной ответственности соучастников преступления, распространяя сферу

¹⁵⁹ См. например: Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 174-175; Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. С. 177; Ковалев М.И. Указ. соч. С. 103; Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 55; Плужников А.В. Указ. соч. С. 97.

¹⁶⁰ Ковалев М.И. Указ. соч. С. 103

¹⁶¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.04.2013 № 2-АПУ13-4. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶² Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.12.2013 № 56-АПУ13-38сп. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁶³ Шубина В.Ю. Указ. соч. С. 49.

уголовной репрессии на лиц, объективно не способствовавших совершению преступления, что нельзя признать правильным.

Мы согласны с С.А. Ершовым, который оценивает незначительное содействие совершению преступления с позиции ч. 2 ст. 14 УК РФ, то есть как мало-значительное деяние, не влекущее уголовной ответственности¹⁶⁴. В самом деле, отсутствие потенциального влияния оказанного содействия на развитие причинно-следственной связи совершенного соучастниками преступления не позволяет признать деятельность такого пособника преступной ввиду отсутствия в них необходимого уровня общественной опасности, характерного для преступлений.

По указанной причине нельзя признать обоснованной критику А.С. Дрепелевым оценки незначительного содействия как мало-значительного деяния. Так, по мнению ученого, существенность содействия уточняет признак совместности участия, присущий соучастию в преступлении. Следовательно, указывает автор, отсутствие совместности исключает соучастие в преступлении. В свою очередь оценка незначительного содействия в качестве мало-значительного деяния, по мнению ученого, является применением уголовного закона по аналогии, что недопустимо¹⁶⁵. В то же время автор оставляет открытым вопрос о том, как же тогда надлежит квалифицировать действия лица, оказавшего незначительное содействие процессу совершения преступления. Коль скоро ссылка на мало-значительность неприемлема, а лицо оказало помощь, которой воспользовался исполнитель, хотя бы она не привнесла вклад в развитие причинно-следственной связи, содеянное надлежит квалифицировать как приготовление к преступлению, поскольку лицо умышленно создало определенные условия для совершения преступления. Полагаем, что такой вариант квалификации является неверным. Так, приготовительная деятельность представляет собой общественную опасность, если она потенциально способна причинить вред, если условия, создаваемые для совершения преступления, касаются признаков состава преступления и при беспрепятственной реализации умысла переходят в стадию покушения и завершают-

¹⁶⁴ Ершов С.А. Указ. соч. С. 117.

¹⁶⁵ Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 174.

ся оконченным преступлением. Однако именно отсутствие такой возможности исключает общественную опасность несущественного содействия. При этом универсальной нормой для оценки действия (бездействия), хотя формально и содержащего признаки какого-либо деяния, предусмотренного уголовным законом, но в силу малозначительности не представляющего общественной опасности, и выступает норма, закрепленная в ч. 2 ст. 14 УК РФ.

Следует также обратить внимание на ситуацию, при которой помощь «пособника» оказалась не востребовавшей по тем или иным причинам в ходе совершения преступных действий. В подобных случаях, как справедливо отмечают отдельные ученые, действия лица нельзя признать пособничеством. Так, по мнению М.И. Ковалева, отсутствует сам факт содействия совершению преступления, что исключает возможность квалификации действий лица в качестве пособничества¹⁶⁶.

Другие исследователи в качестве аргументов в обоснование рассматриваемого подхода указывают на отсутствие причинно-следственной связи между действиями содействующего и преступным результатом¹⁶⁷.

Мы в свою очередь полагаем, что первоочередным фактором, исключающим соучастие в преступлении в рассматриваемых случаях, является не отсутствие причинно-следственной связи между попыткой оказать помощь и совершенным преступлением, а отсутствие другого элемента совместности участия – функциональных связей между соучастниками. Дело в том, что ситуация, при которой лицо не воспользовалось помощью «пособника», есть частный случай отказа от этой помощи. При таких обстоятельствах вопрос о наличии или отсутствии причинно-следственной связи в принципе не должен возникать, поскольку деяние, которое могло бы занять место звена указанной связи, с точки зрения уголовного закона не было совершено. Помощь не оказалась одним из элементов комплексной причины преступного результата, а следовательно, и повлечь каких-либо последствий не могла по объективным причинам.

¹⁶⁶ Ковалев М.И. Указ. соч. С. 103.

¹⁶⁷ См., например: Косарева Т.И. Указ. соч. С. 55; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 101.

Подобная безрезультативность действий, по мнению П.Ф. Тельнова, образует приготовление к совершению преступления по аналогии с иными случаями неудавшегося соучастия¹⁶⁸. Следует, однако, заметить, что в подобных случаях следует руководствоваться правилом о существенности оказываемого пособником содействия. Применительно к рассматриваемым случаям, в которых фактическую существенность установить невозможно ввиду отказа от предложенной помощи, следует устанавливать потенциальную возможность предложенного содействия быть составляющей причинного комплекса совершения преступления аналогичного преступлению, совершенному соучастниками. При установлении невозможности предложенного содействия быть частью причины наступления преступного результата действия такого неудавшегося «пособника» следует также оценивать с позиции ч. 2 ст. 14 УК РФ, то есть как малозначительное деяние.

В то же время в литературе существует и другой вариант квалификации физического пособничества, при котором соучастник не воспользовался предложенной ему помощью. Так, В.В. Васюков допускает, что выполнение состава преступления может и не находиться в причинной связи с действиями неудавшегося пособника. Указанные действия автор предлагает квалифицировать как приготовление к пособничеству. В этом случае мы скептически относимся к тому, что криминалист рассматривает проблему неудачного пособничества исключительно с позиции пособничества при односторонней субъективной связи, то есть когда лицо, которому пытался помочь пособник, не осознает происхождение этой помощи, в том числе сам факт помощи и ее источник¹⁶⁹. Во-первых, как отмечалось нами выше при рассмотрении признаков соучастия в преступлении, соучастие невозможно при односторонней субъективной связи. Любое содействие, в том числе и составившее элемент причинного комплекса совершенного преступления, не является преступным при односторонней субъективной связи между содействующим лицом и лицом, которому было оказано содействие. Во-вторых, характер субъективной связи при пособничестве преступлению не имеет значения для объ-

¹⁶⁸ Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 101.

¹⁶⁹ Васюков В.В. Указ. соч. С. 209.

ективной стороны пособничества. В обоих случаях лицо совершает деяние, направленное на содействие совершению преступления. В свою очередь, наша позиция по поводу квалификации содействия, результаты которого не были востребованы в процессе совершения преступления, была высказана нами ранее.

Отдельно заслуживает внимания вопрос о существенности оказанного интеллектуальным пособником содействия в форме дачи советов, указаний или предоставлении информации. Дело в том, что указанные способы пособничества принято относить к группе интеллектуального пособничества, поскольку оказываемое содействие выражается в получении лицом нематериальных объектов – информации.

В свою очередь, в литературе существуют позиции, согласно которым интеллектуальное пособничество либо укрепляет решимость лица совершить преступление¹⁷⁰, либо способно выполнять различные функции: укрепление решимости совершить преступление и (или) содействие его совершению¹⁷¹. С учетом изложенных точек зрения возникает вопрос: каково влияние интеллектуального пособника на развитие причинно-следственной связи совершаемого соучастниками преступления? В.В. Васюков указывает, что для признания интеллектуального пособничества оконченным другим соучастникам вовсе не обязательно использовать помощь пособника. Сам факт укрепления решимости лица выступает в качестве составляющей причины совершения преступления и, как следствие, является достаточным основанием ответственности пособника за оконченное преступление¹⁷². В то же время ранее П.Ф. Тельновым указывалось, что все случаи неиспользования оказанной помощи, в том числе данного пособником совета, исключают возможность оценки действий последнего в качестве оконченного преступления¹⁷³. В связи с приведенными позициями уместно обратить внимание на мне-

¹⁷⁰ См., например: Бурчак Ф.Г. Указ. соч. С. 171; Дядькин Д.С. Указ. соч. С. 86; Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении. / С.С. Аветисян [и др.]. 2-е изд. СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. С. 177; Ковалев М.И. Указ. соч. С. 106-107.

¹⁷¹ См., например: Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 155.

¹⁷² Васюков В.В. Указ. соч. С. 209.

¹⁷³ Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 101.

ние Р.С. Рыжова, который считает, что способы пособничества, исходя из содержания ч. 5 ст. 33 УК РФ, законодателем разделены на две группы:

- связанные с содействием совершению преступления;
- связанные с данными заранее обещаниями на постпреступную деятельность пособника¹⁷⁴.

Полагаем, что укрепление решимости соучастника как результат пособнических действий связан исключительно со второй группой способов. В частности, наша точка зрения строится на том основании, что способы второй группы обращены в будущее, в связи с чем они не могут оказать непосредственного влияния на процесс совершения преступления, а действуют опосредованно, через сознание соучастника, которому дано обещание. В свою очередь такие способы пособничества, как дача советов, указаний и предоставление информации имеют отношение к непосредственной деятельности соучастника, в том числе определяют содержание и особенности объективной стороны совершаемых им действий. Полученные советы, указания и информация лишь постольку причиняют вред объекту преступного посягательства, поскольку они используются для реализации умысла на совершение преступления. При этом происходит не укрепление решимости совершить преступление, а укрепление уверенности соучастника в своих силах. Однако следует отметить, что уголовно-правового значения это не имеет, поскольку не влияет на умысел лица. Следовательно, отсутствует влияние и на причинно-следственный комплекс совершаемого соучастниками преступления, поскольку последнее совершается независимо от оказанной «помощи». Неважно, стал чувствовать себя увереннее соучастник или нет. До тех пор, пока данные советы, указания или предоставленная информация не интегрировались в общую причину наступления преступного результата, действия «пособника» нельзя признавать оконченным преступлением. В противном случае следовало бы квалифицировать действия пособника как оконченное преступление и в случаях предоставления им

¹⁷⁴ Рыжов Р.С. Уголовная ответственность соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. С. 100.

орудий и средств совершения преступления, которые оказались невостребованными в ходе совершения преступления.

В связи со сказанным полагаем целесообразным оценить доводы, изложенные П.Ф. Тельновым в пользу отстаиваемой нами позиции. Ученый указывал, что аргумент о возникновении решимости у соучастника и в случае неиспользования им помощи пособника несостоятелен, так как невостребованные советы, указания, орудия и средства совершения преступления являются оторванными от объективных свойств соучастия в преступлении¹⁷⁵.

Поясним приведенную позицию криминалиста. Данные заранее обещания относительно постпреступной помощи соучастнику являются одной из составляющей причины совершаемого преступления в силу укрепления решимости лица или лиц, которому (-ым) было дано соответствующее обещание, до начала осуществления преступных действий. И дано обещание было именно с тем расчетом, что на таких условиях лицо согласится принять участие в совершении преступления. В свою очередь интеллектуальное пособничество, совершаемое такими способами, как дача советов, указаний или предоставлением информации, осуществляется именно с расчетом на реальную помощь соучастнику в процессе совершения преступления, а именно на использование полученной информации. Укрепление решимости, взятое безотносительно к конкретному преступлению, конкретным совершаемым действиям не может иметь уголовно-правового значения. При этом использование или неиспользование оказанной «пособником» помощи происходит уже в процессе совершения преступления, что исключает возможность подобной помощи быть причиной преступных действий по признаку укрепления решимости лица.

Поскольку пособничество является видом деятельности соучастника, возможность оказания содействия совершению преступления ограничена временными рамками существования соучастия в преступлении, а именно с начала приготовления к совершению преступления и заканчивая окончательным преступлением.

¹⁷⁵ Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 101.

Тем не менее важно учитывать существование составов преступлений, в которых юридический и фактический моменты окончания преступления не совпадают. В частности, речь идет о делящихся преступлениях и преступлениях с усеченным составом. Первые предполагают неисполнение какой-либо обязанности, возложенной на виновного, в течение определенного периода времени, имеющего конкретные границы. Оконченными такие преступления являются с момента, когда лицо не исполнило обязанность по совершению определенных действий, в то время как такая обязанность возложена на него законом. В подобных случаях имеет место быть оконченный состав преступления, однако неисполнение обязанности продолжается. В преступлениях с усеченным составом юридический момент окончания перенесен на стадию покушения либо приготовления. При этом после совершения действий, достаточных для признания наличия оконченного состава в действиях виновных, преступление фактически продолжается (разбой, участие в незаконном вооруженном формировании). В обоих случаях, несмотря на наличие в действиях лица всех признаков соответствующего состава преступления, оно продолжает свои действия (бездействие), причиняя тем самым вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям. В подобных случаях, как справедливо отмечается в литературе, пособничество допустимо и после юридического момента окончания преступления, однако до его фактического окончания¹⁷⁶.

Помимо временных ограничений пособнических действий, следует затронуть вопрос и о субъектном составе лиц, содействие которым следует расценивать как пособничество совершению преступления. Дело в том, что определение понятия пособника указывает на содействие совершению преступления в соучастии безотносительно к виду соучастника, которому может быть оказано содействие. По этой причине в литературе было высказано мнение, что пособник может

¹⁷⁶ См., например: Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 187; Дядькин Д.С. Указ. соч. С. 85; Ершов С.А. Указ. соч. С. 46; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 96.

оказывать содействие совершению общего преступления любому из видов соучастников, перечисленных в ст. 33 УК РФ¹⁷⁷.

С другой стороны, отдельные криминалисты заняли позицию, согласно которой содействовать подстрекателю невозможно. В качестве аргумента ученые приводят довод о том, что до момента оконченого подстрекательства как таковой фигуры подстрекателя нет, а значит и соучастником он не является. При этом после окончания подстрекательских действий, когда подстрекаемое лицо начало осуществлять приготовительные действия, функция подстрекателя себя исчерпывает и содействовать ему объективно не в чем¹⁷⁸.

Действительно, до момента совершения склонения, с точки зрения уголовного закона фигура подстрекателя отсутствует. Однако пособник содействует не столько конкретному соучастнику, сколько совершению преступления в соучастии посредством содействия конкретным лицам. В связи с этим вполне возможно оказание содействия лицу, имеющему умысел участвовать в совершении преступления в качестве подстрекателя. К примеру, для привлечения к совместной преступной деятельности нужного исполнителя, лицо может предоставить «подстрекателю» необходимую информацию о будущем исполнителе (персональные данные, место работы, увлечения, хобби, особенности личности), которые позволят склонить его к совершению преступления. Наличие сговора между перспективными пособником и подстрекателем, а также создание иных условий для совершения преступления способами, характерными для деятельности пособника, образуют приготовление к совершению преступления. В случае же успешного склонения лица к совершению преступления благодаря оказанной помощи действия таких лиц следует расценивать именно как пособничество и подстрекательство. В противном случае следовало бы признать невозможность содействия никому из соучастников, поскольку при подобном подходе до момента выполнения ими своих функциональных ролей тем или иным видом соучастника они признаны быть не могут. Так, организатор, чья роль состоит, например, в руководстве

¹⁷⁷ См., например: Васюков В.В. Указ. соч. С. 197; Ершов С.А. Указ. соч. С. 46; Тельнов П.Ф. Указ. соч. С. 96; Шубина В.Ю. Указ. соч. С. 48.

¹⁷⁸ См., например: Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 188; Зацепин А.М. Указ. соч. С. 257.

исполнением преступления, не может быть признан организатором до момента начала исполнения преступления. В таком случае содействовать ему до момента начала исполнения преступления попросту нельзя. Однако такое толкование уголовного закона является, по нашему мнению, неверным.

Для целей настоящей работы также целесообразно рассмотреть способы, связанные с содействием совершению объективной стороны преступления, которые можно условно классифицировать следующим образом:

- дача советов, указаний и предоставление информации;
- предоставление средств или орудий совершения преступления;
- устранение препятствий.

В.В. Васюков определяет значение дачи советов и указаний как оптимизацию усилий соучастников в достижении преступного результата¹⁷⁹.

Совет в русском языке означает мнение, высказанное кому-нибудь по поводу того, как ему поступить, что сделать; наставление, указание¹⁸⁰. Указание в свою очередь предусматривает наставление, разъяснение, указывающее как действовать¹⁸¹. Очевидно, что указанные способы пособничества очень схожи. Особенно наглядно это проявляется в том, что совет определяется в том числе через указание. При этом важно отметить, что эти способы представляют собой именно содействие в реализации уже сформировавшегося умысла и не могут быть причиной возникновения у лица желания совершить преступление. Следовательно, содействие советами и указаниями ограничивается рамками сообщения сведений о том, как именно действовать лицу.

В то же время между советами и указаниями имеются существенные различия, допускающие их выделение в самостоятельные способы пособничества. При этом вопрос разграничения указанных способов пособнической деятельности является дискуссионным. Отдельные авторы видят принципиальное различие между советом и указанием в интенсивности воздействия на сознание лица. Совет понимается как рекомендательный способ содействия, в то время как указание осно-

¹⁷⁹ Васюков В.В. Указ. соч. С. 198.

¹⁸⁰ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Указ. соч. С.741.

¹⁸¹ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Указ. соч. С. 829.

вываается на определенной доле принуждения¹⁸², лицу указывают, как поступить, не предлагая альтернативы¹⁸³.

Мы не можем полностью согласиться с указанным подходом. Дело в том, что, по справедливому замечанию С.А. Ершова, указания может отдавать и организатор преступления. Следовательно, для разграничения пособника и организатора необходимо принимать во внимание, что функция первого состоит лишь в содействии или облегчении совершения преступления. Пособнические действия, как указывает ученый, помогают уже сформировавшемуся в сознании варианту поведения, но не создают его¹⁸⁴. Таким образом, дача указаний как способ деятельности пособника не только не может строиться на принуждении, но и отдаваться во властной форме. Более того, указания, даваемые пособником, не могут определять линию поведения соучастника.

Д.С. Дядькин под советами понимает «...рекомендации по эффективному и безопасному осуществлению механизма совершения преступления»¹⁸⁵, а под указаниями – «...наставления исполнителю, как действовать в конкретных случаях»¹⁸⁶. К сожалению, указанную попытку разграничения понятий совета и указания удачной мы признать не можем. Советы, так же, как и указания, могут заключаться в предоставлении сведений о том, как действовать в конкретных случаях, в частности посредством моделирования возможных ситуаций, случающихся в процессе совершения преступления. Единственное различие рассматриваемых способов пособничества, содержащееся в позиции Д.С. Дядькина, опять-таки заключается во влиянии на сознание соучастника, с чем мы, по обозначенным выше причинам, согласиться не можем. Более развернутого пояснения своей точки зрения автор не дает.

¹⁸² См., например: Васюков В.В. Указ. соч. С. 198; Козлов А.П. Указ. соч. С. 156.

¹⁸³ Косарева Т.И. Указ. соч. С. 74.

¹⁸⁴ Ершов С.А. Указ. соч. С. 61.

¹⁸⁵ Дядькин Д.С. Указ. соч. С. 86.

¹⁸⁶ Там же.

Наиболее всего нам импонирует мнение С.А. Ершова, согласно которому «...совет дается о чем-то (механизме совершения преступления), а указания – на что-то (обстоятельства совершения преступления)»¹⁸⁷.

Несмотря на то, что ученому удалось провести различие между рассматриваемыми понятиями, мы полагаем, что оно недостаточно четко обозначено. Действительно, совет дается о механизме совершения преступления. Соучастнику сообщаются сведения, содействующие достижению преступного результата. Тем не менее эти сведения, хотя и связаны с совершением конкретного преступления, не обладают высоким уровнем детализации применительно к планируемому преступлению. В частности, пособник дает советы вообще, применительно к совершению запланированного преступления вообще, на основе учета особенностей совершения аналогичных преступлений. Тем самым соучастник получает сведения о том, как следует совершить преступление, однако сведения не учитывают конкретных обстоятельств совершения преступления, а также особенностей непосредственного объекта преступного посягательства либо непосредственного объекта воздействия соучастника (если советы дается иному, помимо исполнителя, соучастнику преступления). Указанное понимание совета как способа пособничества не следует упрекать в недостаточной детализации сведений. Пособник, несмотря на сообщение сведений общего характера, тем не менее дает совет именно с целью содействия совершению конкретного преступления. При этом совет может быть использован соучастником по своему усмотрению. Поскольку совет носит общий характер, в ходе совершения преступных действий он конкретизируется соучастником применительно к особенностям совершаемых им действий. Также совет может предполагать инвариантность поведения соучастника, который использует его с учетом особенностей совершаемого преступления, а также с учетом своих индивидуальных особенностей.

Указания как сведения, которые даны относительно обстоятельств совершения преступления, обладает максимальной степенью конкретизации и персонафицированности. Это все те же сведения о механизме совершения преступле-

¹⁸⁷ Ершов С.А. Указ. соч. С. 61.

ния, однако сведения о механизме совершения конкретного планируемого преступления, учитывающие обстоятельства его совершения (место, время, способ, орудия и средства), особенности предмета преступления или потерпевшего. Давая указания, пособник не советует, каким именно образом следует совершать то или иное преступление вообще, а указывает, какие действия предпринять в данном конкретном случае с учетом всех обстоятельств для достижения преступного результата. Полагаем, именно степень детализации является единственным основанием разделения совета и указания.

Под предоставлением информации в литературе понимается передача данных осведомляющего характера¹⁸⁸, доведение до лица сведений об обстоятельствах, сопутствующих совершению преступления¹⁸⁹, предоставление сведений, учет которых способен упростить совершение преступления¹⁹⁰. Учитывая приведенные подходы, а также нашу позицию относительно существенности пособничества и необходимости установления причинно-следственной связи между действиями пособника и преступным результатом, мы предлагаем понимать предоставление информации как сообщение соучастнику сведений, имеющих существенное значение для выполнения соучастником своей функциональной роли. В отличие от советов и указаний, как указывает В.В. Васюков, предоставляемая информация не содержит в себе сведений о варианте поведения соучастника, который самостоятельно определяет, как распорядиться предоставленной ему информацией¹⁹¹.

Примечательно, что среди ученых существует мнение о нецелесообразности разграничения орудий и средств совершения преступления. В качестве аргументов сторонники указанной позиции приводят следующие доводы. Во-первых, грамматическое толкование понятий орудие и средство не позволяет провести четкую грань между ними, поскольку первое определяется через второе. Тем самым орудие выступает частным случаем средств. Во-вторых, ученые указывают

¹⁸⁸ Зацепин А.М. Указ. соч. С. 258.

¹⁸⁹ Ершов С.А. Указ. соч. С. 62.

¹⁹⁰ См., например: Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 163; Козлов А.П. Указ. соч. С. 153; Косарева Т.И. Указ. соч. С. 74.

¹⁹¹ Васюков В.В. Указ. соч. С. 199.

на противоречивость уголовного закона в части разграничения орудий и средств совершения преступления. В частности, криминалистами отмечается, что в одних случаях понятия орудие и средство отделяются друг от друга союзом «или» (ч. 1 ст. 30, ч. 5 ст. 33, примечание № 1 к ст. 205¹ УК РФ), что означает наличие между ними принципиальной разницы, а в других – орудие включается в понятие средств (п «г» ч. 1 ст. 104¹ УК РФ), раскрывая последнее через первое¹⁹².

Указанный подход видится нам односторонним. Даже при отсутствии видимой практической значимости, разграничение средств и орудий способствует надлежащему уяснению содержания уголовного закона в правоприменительной среде. При таком понимании формулирования уголовно-правовых понятий пришлось бы, например, отказаться от понятия указание, включив конкретизированные рекомендации в определение понятия совет.

В то же время принципиально важно учитывать, что в отличие от подстрекательства, перечень способов пособнической деятельности является закрытым. Исключая возможность необоснованно узкого толкования содержания объективной стороны пособничества, подробное перечисление способов содействия совершению преступления имеет огромное значение для правоприменения, чего нельзя сказать о подстрекательской деятельности, перечень способов осуществления которой является открытым.

По нашему мнению, правы те авторы, которые различают средства и орудия совершения преступления по признаку воздействия на объект преступления. Так, средства облегчают совершение преступления, в то время как орудия используются непосредственно для причинения вреда объекту преступного посягательства¹⁹³.

Полагаем нужным уточнить, что термин «облегчает» не совсем правильно использовать применительно к пособнической деятельности, поскольку он предполагает возможность совершения каких-либо действий независимо от оказанной помощи с той лишь разницей, что средство упрощает деятельность лица. В связи

¹⁹² См., например: Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 166-167; Ершов С.А. Указ. соч. С. 63.

¹⁹³ См., например: Васюков В.В. Указ. соч. С. 204; Козлов А.П. Указ. соч. С. 160; Косарева Т.И. Указ. соч. С. 73.

с этим средства следует понимать как предметы, применяемые в процессе преступной деятельности соучастника, но не используемые для непосредственного причинения вреда объекту преступного посягательства.

В свою очередь орудиями совершения преступления следует признавать предметы, применяемые в процессе совершения преступления для непосредственного причинения вреда объекту преступного посягательства. Из этого следует, в частности, что орудия могут быть предоставлены лишь исполнителю, поскольку только он из всех соучастников непосредственно причиняет вред объекту преступного посягательства.

При этом, по нашему мнению, средства и орудия не обязательно должны существовать в виде предметов материального мира. В частности, безналичные денежные средства, по нашему мнению, также могут выступать средством совершения преступления, хотя по своей природе они являются обязательственным правом, а именно правом требования к кредитной организации. Точно так же и вредоносная программа может быть использована в качестве орудия для неправомерного доступа к компьютерной информации, в то время как ее следует относить к группе программного обеспечения.

Устранение препятствий представляет собой способ физического пособничества, поскольку связан с совершением деяний, проявляющихся в объективной действительности и выступающих в качестве составной причинного комплекса наступления преступного результата.

По указанной причине мы не можем согласиться с В.В. Васюковым, допускающим возможность содействия рассматриваемым способом за счет укрепления решимости соучастника¹⁹⁴.

В русском языке слово «препятствие» понимается как помеха, задерживающая какие-нибудь действия или развитие чего-нибудь, стоящая на пути осуществления чего-нибудь, преграда на пути, задерживающая передвижение¹⁹⁵. В

¹⁹⁴ Васюков В.В. Указ. соч. С. 199-200.

¹⁹⁵ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Указ. соч. С. 584.

свою очередь «помеха» означает то, что мешает, препятствует¹⁹⁶. Следовательно, грамматическое толкование позволяет констатировать, что под устранением препятствий понимается деятельность, направленная на устранение обстоятельств, которые мешают соучастнику исполнить свою функциональную роль.

«Устранить» значит убрать в сторону, удалить, уничтожить, изжить, уволить, отстранить»¹⁹⁷. Полагая, что указанное значение термина «устранить» не в полной мере отражает возможные варианты поведения пособника, А.С. Дрепелев предлагает употреблять термин «ликвидация». При этом в качестве аргумента ученый указывает, что ни одним из значений слово «устранить» не охватывается, например, вскрытие замков. По мнению криминалиста, ликвидация является более широким понятием, нежели устранение¹⁹⁸. Употребление термина ликвидация при определении устранения препятствий как способа пособничества можно встретить и у других ученых¹⁹⁹.

Полагаем, что предложенный А.С. Дрепелевым выход из ситуации нельзя признать верным. В частности, в русском языке слово «ликвидация» означает уничтожение кого-нибудь или чего-нибудь²⁰⁰. Таким образом, термин «устранение» является более широким по содержанию, чем ликвидация.

Одним из наиболее удачных определений рассматриваемого способа пособничества мы считаем определение, данное Т.И. Косаревой, согласно которому устранение препятствий понимается как «...совершение действий, направленных на устранение факторов, делающих невозможным или затруднительным реализацию задуманного»²⁰¹. От себя лишь добавим, что устранение препятствий возможно в том числе в форме бездействия, когда на пособнике лежит правовая обязанность действовать определенным образом.

При этом под помехами, по справедливому замечанию А.С. Дрепелева, не следует понимать исключительно предметы материального мира. Помехой, по

¹⁹⁶ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Указ. соч. С. 559.

¹⁹⁷ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Указ. соч. С. 841.

¹⁹⁸ Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 169.

¹⁹⁹ См., например: Ершов С.А. Указ. соч. С. 67; Козлов А.П. Указ. соч. С. 160.

²⁰⁰ Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Указ. соч. С. 326.

²⁰¹ Косарева Т.И. Указ. соч. С. 73.

мнению криминалиста, может быть и внимание потерпевшего, которого отвлекают в момент совершения преступления²⁰².

На основании изложенного сделаем следующие выводы:

– пособничество должно быть существенным, то есть выступать в качестве одного из составных элементов причинно-следственного комплекса совершаемого в соучастии преступления;

– по общему правилу пособничество совершению преступления возможно до юридического момента его окончания. В случаях содействия совершению преступлений, в которых юридический момент окончания наступает ранее фактического, пособничество возможно до момента фактического окончания преступления;

– пособничество возможно в отношении любого из соучастников, в том числе в отношении лиц, готовящихся исполнить ту или иную функциональную роль соучастника;

– дача советов представляет собой сообщение лицу сведений о механизме совершения состава планируемого преступления в общих чертах безотносительно к конкретным обстоятельствам совершаемого в соучастии преступления;

– дача указаний заключается в сообщении лицу сведений о механизме совершения конкретного планируемого преступления, учитывающих обстоятельства его совершения (место, время, способ, орудия и средства), особенности предмета преступления или потерпевшего;

– предоставление информации является сообщением сведений, имеющих существенное значение для выполнения соучастником своей функциональной роли при отсутствии каких-либо рекомендаций пособника относительно способов распоряжения указанными сведениями;

– предоставление средств совершения преступления предполагает снабжение соучастника имуществом и программным обеспечением для осуществления преступной деятельности, не связанной с непосредственным причинением вреда объекту преступного посягательства;

²⁰² Дрепелев А.С. Указ. соч. С. 169.

– предоставлением орудий совершения преступления следует признавать снабжение исполнителя предметами и программным обеспечением для непосредственного причинения вреда объекту преступного посягательства;

– под устранением препятствий следует понимать действия (бездействие), направленные (-ое) на устранение факторов, делающих невозможным совершение преступления.

КРИМИНАЛИЗАЦИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ВИДОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОУЧАСТНИКОВ В НОРМАХ ОСОБЕННОЙ ЧАСТИ УК РФ

§ 3.1. Содействие террористической деятельности как проявление института соучастия в преступлении в нормах Особенной части УК РФ²⁰³

Федеральным законом от 24.07.2002 № 103-ФЗ «О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации»²⁰⁴ действующий Уголовный Кодекс был дополнен статьей 205¹, устанавливающей ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению. Впоследствии указанная статья уголовного закона неоднократно подвергалась различным изменениям и дополнениям.

Так, федеральным законом от 27.07.2006 № 153-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»²⁰⁵ диспозиция ч. 1 ст. 205¹ УК РФ была изложена в новой редакции, которая признавала преступными действия, направленные на склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 206, 208, 211, 277, 278, 279 и 360 Уголовного Кодекса, вооружение или подготовку лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма. Этим же федеральным законом заглавие данной статьи было переименовано в «Содействие террористической деятельно-

²⁰³ В настоящем параграфе вопросы, касающиеся финансирования терроризма и организации финансирования терроризма, нами рассматриваться не будут.

²⁰⁴ О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24 июля 2002 г. № 103-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. ст. 3020.

²⁰⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» (ред. от 05.04.2013): Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452; 2011. № 1. ст. 45.

сти»²⁰⁶. Законодатель счел необходимым также расширить сферу уголовной репрессии за содействие террористической деятельности посредством криминализации деяний в форме пособничества совершению некоторых преступлений террористического характера, ответственность за которое предусмотрена ч. 3 ст. 205¹ УК РФ²⁰⁷. Впоследствии федеральным законом от 05.05.2014 № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁰⁸ рассматриваемая статья уголовного кодекса была дополнена частью четвертой, которая устанавливает запрет в отношении организации совершения ряда преступлений террористического характера или руководство их совершением, а также в отношении деятельности по организации финансирования терроризма. Наконец, федеральным законом от 29.12.2017 № 445-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму»²⁰⁹ статья 205¹ УК РФ была дополнена частью 1¹, предусматривающей ответственность за склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205³, 205⁴, 205⁵, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 настоящего Кодекса, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма. В свою очередь, из диспозиции ч. 1 ст. 205¹ УК РФ была исключена ответственность за финансирование терроризма, а ссылки на некоторые преступления террористического характера были перенесены в ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ.

В связи с появлением в законе указанных новелл мы считаем возможным дать оценку необходимости и целесообразности криминализации отдельных со-

²⁰⁶ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» (ред. от 05.04.2013): Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 153-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3452; 2011. № 1. ст. 45.

²⁰⁷ См. подробнее: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 09 декабря 2010 г. № 352-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2010. № 50. ст. 6610.

²⁰⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 05 мая 2014 г. № 130-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 19. ст. 2335.

²⁰⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму: Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 1 (Часть I).ст. 29.

держщихся в ст. 205¹ УК РФ составов преступлений с позиции института соучастия в преступлении с целью установления наличия либо отсутствия оснований для криминализации содержащихся в ней деяний в качестве самостоятельных составов преступлений.

Как было отмечено выше, часть 1 и часть 1¹ исследуемой статьи предусматривают ответственность за такие действия, как склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, указанных в них. Данная группа альтернативных действий, по мнению группы ученых, представляет собой не что иное, как подстрекательство к соответствующим преступлениям²¹⁰. Д.Н. Молчанов полагает, что термины «склонение», «вербовка» и «иное вовлечение» полностью соответствуют понятию подстрекателя²¹¹. Позиция А.В. Серебрякова обоснована направленностью действий склоняющего – возбуждение у склоняемого (вовлекаемого) желания совершить преступление²¹². Аргументы В.Л. Кудрявцева основаны на мнении Верховного Суда РФ, а также на буквальном толковании категорий «склонение» и «вовлечение»²¹³.

Так, в соответствии с п. 14 Постановления Пленума Верховного суда РФ от 09 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» (далее по тексту – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1), под склонением, вербовкой или иным вовлечением лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, следует понимать, в частности, умышленные действия, направленные на вовлечение лица (группы лиц) в совершение одного или нескольких указанных преступлений, например, путем уговоров, убеждения, просьб, предложений, применения физического воздействия или

²¹⁰ См. например: Бриллиантов А.В. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности // Уголовное право. 2008. № 3. С. 25; Ершов С.А. Посоничество - в Особенной части УК // Законность. 2012. № 11. С. 54; Кудрявцев В.Л. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности // Адвокат. 2012. № 5. С. 21; Молчанов Д.Н. Содействие террористической деятельности // Уголовное право. 2011. № 4. С. 35; Серебряков А.В. О соотношении вовлечения и подстрекательства к совершению террористического преступления // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2010. № 4. С. 57; Нагаева Т.И. Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве // LexRussica. 2011. № 3. С. 528; Шеслер А.В. Соучастие в преступлении: монография. Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. С. 44.

²¹¹ Молчанов Д.Н. Указ. соч. С. 35.

²¹² Серебряков А.В. Указ. соч. С. 57.

²¹³ Кудрявцев В.Л. Указ. соч. С. 21.

посредством поиска лиц и вовлечения их в совершение хотя бы одного из указанных преступлений²¹⁴. Перечисленные способы вовлечения также являются характерными для деятельности подстрекателя.

В дополнение к указанному выше постановлению хотелось бы привести еще два разъяснения высшей судебной инстанции страны по аналогичным вопросам. Так, согласно абзацу 3 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1, под вовлечением несовершеннолетнего в совершение преступления (статья 150 УК РФ) следует понимать действия взрослого лица, направленные на возбуждение желания совершить преступление. Действия взрослого лица могут выражаться как в форме обещаний, обмана и угроз, так и в форме предложения совершить преступление, разжигания чувства зависти, мести и иных действий²¹⁵.

Согласно п. 27 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами» (далее по тексту – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14), склонение к потреблению наркотических средств или психотропных веществ (статья 230 УК РФ) может выражаться в любых умышленных действиях, в том числе однократного характера, направленных на возбуждение у другого лица желания их потребления (в уговорах, предложениях, даче совета и т.п.), а также в обмане, психическом или физическом насилии, ограничении свободы и других действиях, совершаемых с целью принуждения к потреблению наркотических средств или психотропных веществ лицом, на которое оказывается воздействие²¹⁶.

²¹⁴ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. Апрель. № 4.

²¹⁵ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 января 2011 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. Апрель. № 4.

²¹⁶ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. Август. № 8.

В двух означенных выше постановлениях прямо говорится о направленности действий склоняющего (вовлекающего): возбуждение желания у склоняемого (вовлекаемого) совершить определенные действия. Однако следует добавить, что упомянутый выше обман как способ склонения и вовлечения возможен применительно к содействию террористической деятельности лишь в том случае, если он не касается признаков состава преступления²¹⁷.

Для уяснения подлинного смысла спорных категорий необходимо прибегнуть к их буквальному толкованию. Так, «склонить» означает убедить в необходимости какого-нибудь поступка, решения²¹⁸. Вербовка предполагает действия по набору, найму, привлечению для каких-нибудь работ, в какую-нибудь организацию²¹⁹. «Вовлечь» означает побудить, привлечь к участию в чем-нибудь²²⁰.

С учетом представленных выше актов толкования Верховного Суда РФ, позиций ученых-криминалистов, а также посредством грамматического толкования мы можем сделать вывод, что склонение, вербовка или иное вовлечение как альтернативные действия объективной стороны составов преступлений, предусмотренных чч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ, имеют своей направленностью возбуждение у какого-либо лица желания совершить одно из перечисленных в них преступлений. Формулировка «иное вовлечение» свидетельствует о том, что перечень способов вовлечения лица не является исчерпывающим.

Более того, диспозиции чч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ подразумевают вовлечение конкретного лица в совершение конкретных преступлений, представленных в данных нормах. При этом указание в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 о возможности вовлечения не только определенного лица, но и группы лиц²²¹, следует воспринимать как возможность совершения преступления в отношении двух и более, но *определенных для вовлекающего лиц*.

²¹⁷ См. подробнее: Серебряков А.В. К вопросу об обмане как способе вовлечения в совершение преступлений террористического характера // Общество и право. 2010. № 5. С. 130.

²¹⁸ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 723.

²¹⁹ Там же. С. 73.

²²⁰ Там же. С. 88.

²²¹ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. Апрель. № 4.

В противном случае, то есть при вовлечении неперсонифицированного круга лиц, имеет место быть преступление, предусмотренное ст. 205² УК РФ. Приведенные доводы, на наш взгляд, позволяют обоснованно признать упомянутый состав преступления частным видом подстрекательства, предусмотренным в Особенной части УК РФ.

Необходимо добавить, что в п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда от 09.02.2012 № 1 высшая судебная инстанция указала, что вовлечение возможно в том числе посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети²²². Данное разъяснение не следует понимать как возможность совершения преступления посредством предоставления доступа к соответствующим материалам неопределенному кругу лиц. Будучи частным видом деятельности соучастника, подстрекательство должно обладать всеми присущими институту соучастия признаками, в том числе и двусторонней субъективной связью, добиться которой посредством обращения к обезличенному кругу лиц не представляется возможным. Подобным образом должен решаться вопрос применительно к любому из способов вовлечения в совершение преступления террористического характера.

Вторую группу альтернативных действий, предусмотренных диспозициями чч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ, составляют вооружение или подготовка лица в целях совершения упомянутых в них преступлений. Подобная деятельность справедливо оценивается отдельными криминалистами как пособническая, которые, однако, подробно не аргументируют свою позицию²²³. Для обоснования указанной точки зрения в первую очередь полагаем целесообразным обратиться к упомянутому Постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1, в соответствии с которым под вооружением следует понимать снабжение лиц, участвующих в террористической деятельности, оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными ма-

²²² О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. Апрель. № 4.

²²³ См., например: Бриллиантов А.В. Указ. соч. С. 25; Серебряков А.В. К вопросу о квалификации содействия террористической деятельности // Общество и право. 2010. № 4. С. 191/

териалами, боевой техникой и т.п. в целях совершения хотя бы одного из преступлений, перечисленных в статье 205¹ УК РФ²²⁴.

Подготовка в свою очередь рассматривается высшей судебной инстанцией как обучение правилам обращения с оружием, боеприпасами, взрывными устройствами, радиоактивными веществами, ядерными материалами, боевой техникой, средствами связи, правилам ведения боевых действий, а также в проведении соответствующих инструктажей, тренировок, стрельб, учений и т.п.²²⁵. Схожее толкование терминов «вооружение» и «подготовка» можно встретить и в специальной литературе²²⁶.

Учитывая изложенные мнения, системно толкуя уголовный закон, мы также полагаем, что действия по вооружению и подготовке в рамках чч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ представляют собой пособничество совершению обозначенных в них преступных деяний в форме дачи советов и указаний, а также предоставлении информации, средств или орудий совершения преступления. Помимо объективного сходства упомянутых действий с деятельностью пособника, аргументом в пользу обозначенной позиции выступает *наличие специальной цели* подготовки и вооружения: содействие совершению *конкретных* преступлений, что также характерно для пособничества.

В то же время далеко не все придерживаются подобного мнения. Так, Д.Н. Молчанов утверждает, что подготовка лица в целях совершения конкретных преступлений не полностью охватывается содержанием деятельности пособника, а может рассматриваться в качестве таковой лишь при расширительном толковании ч. 5 ст. 33 УК РФ. По мнению автора, понятие подготовки включает в себя не только предоставление советов, указаний и информации, а охватывает и иные

²²⁴ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. Апрель. № 4.

²²⁵ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. Апрель. № 4.

²²⁶ См., например: Агапов П.В., Михайлов К.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной политики: Монография. Саратов, 2007. С. 102; Уголовное преследование терроризма: Монография / В.А. Бурковская, Е.А. Маркина, В.В. Мельник и др. М., 2008. С. 18.

формы деятельности²²⁷. Остается открытым вопрос о том, насколько широко, по мнению Д.Н. Молчанова, следует толковать термин «подготовка», чтобы его содержание не укладывалось в деятельность пособника.

Часть третья статьи 205¹ УК РФ предусматривает ответственность за пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, частью третьей статьи 206, частью первой статьи 208 уголовного закона, что создает благоприятную почву для ошибок правоприменителей. Существование двух самостоятельных норм, в различной мере признающих преступным пособничество совершению одного и того же преступления, с неизбежностью порождает конкуренцию между ними. Ввиду того, что вооружение и подготовка представляют собой лишь некоторые способы осуществления пособником своей деятельности, нормы, содержащиеся в частях 1, 1¹ и части 3 статьи 205¹ УК РФ, соотносятся как специальные и общая. С учетом этого, а также в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ, деяния, направленные на содействие совершению преступлений, перечисленных в диспозиции ч. 3 ст. 205¹ УК РФ, надлежит квалифицировать по этой части лишь в том случае, когда они не связаны с вооружением или подготовкой.

В то же время нельзя забывать, что диспозиция ч. 3 ст. 205¹ УК РФ распространяет свое действие лишь на пособничество совершению преступлений, предусмотренных статьями 205, частью третьей статьи 206, частью первой статьи 208 УК РФ. В случае пособничества иным преступлениям террористического характера способами, не упомянутыми в части первой рассматриваемой статьи, действия лица следует квалифицировать по статье уголовного закона, предусматривающей соответствующий состав преступления, со ссылкой на ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Как было отмечено ранее, ч. 4 ст. 205¹ УК РФ устанавливает ответственность за организацию отдельных преступлений террористического характера, а также руководство их совершением. Таким образом, в настоящее время исследуемая статья содержит в качестве самостоятельных составов преступления деяния, фактически представляющие деятельность организатора, подстрекателя и пособника. Ввиду этого нам хотелось бы затронуть вопрос о целесообразности подоб-

²²⁷ Молчанов Д.Н. Указ. соч. С. 35.

ных мер законодательного характера. Не останавливаясь на причинах криминализации рассмотренных выше деяний в рамках Особенной части УК РФ, хотелось бы оценить ее юридическую целесообразность.

В первую очередь следует обратить внимание на тот факт, что существование ст. 205¹ УК РФ порождает проблему квалификации действий лиц, содействующих совершению указанных в ней преступлений. В литературе существует два мнения на этот счет. Так, отдельные криминалисты предлагают квалифицировать содействие террористической деятельности лишь по соответствующей части статьи 205¹ УК РФ²²⁸. П.В. Агапов и К.В. Михайлов излагают аналогичную точку зрения лишь применительно к склонению, вербовке или иному вовлечению как альтернативным действиям состава преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205¹ УК РФ²²⁹. Вторая позиция строится на признании наличия совокупности содействия террористической деятельности и соучастия в совершении соответствующего преступления террористического характера²³⁰.

На наш взгляд, наиболее предпочтительной является первая из представленных точек зрения, поскольку она в целом соответствует принципу справедливости²³¹, а также правилу о конкуренции общей и специальной норм. Подлежащее при разрешении данного спора правило сформулировала Л.В. Иногамова-Хегай. Описывая конкуренцию норм о подстрекательстве как общего понятия и норм о подстрекательстве, предусмотренных Особенной частью УК РФ, криминалист отдает предпочтение последним²³².

Одним из аргументов сторонников второй точки зрения выступает ссылка на ч. 2 ст. 17 УК РФ²³³, в соответствии с которой совокупностью преступлений признается и одно действие (бездействие), содержащее признаки преступлений, предусмотренных двумя или более статьями уголовного закона. Наиболее обстоя-

²²⁸ См., например: Арутюнов А.А. Указ. соч. С. 216; Ершов С.А. Посо́бничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 128; Молчанов Д.Н. Указ. соч. С. 37.

²²⁹ Агапов П.В., Михайлов К.В. Указ. соч. С. 81.

²³⁰ См., например: Бриллиантов А.В. Указ. соч. С. 29; Серебряков А.В. Указ. соч. С. 192

²³¹ Схожую позицию занимают и другие авторы: Арутюнов А.А. Указ. соч. С. 216; Молчанов Д.Н. Указ. соч. С. 37; Агапов П.В. Михайлов К.В. Указ. соч. С. 81.

²³² Иногамова-Хегай Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография. М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. С. 120.

²³³ См., например: Бриллиантов А.В. Указ. соч. С. 29; Серебряков А.В. Указ. соч. С. 192

тельно по данному вопросу высказался А.В. Бриллиантов, который полагает, что в случае, когда совершенное лицом действие может быть оценено как с позиции Общей части УК РФ, так и с позиции Особенной, то в силу ч. 3 ст. 17 УК РФ конкуренция норм отсутствует, поскольку в ней идет речь лишь о конкуренции норм Особенной части²³⁴.

Действительно, в подобных случаях конкуренция норм отсутствует, так как оценить действия лица лишь с позиции Общей части УК РФ не представляется возможным. А.В. Бриллиантов сам отмечает, что в ст. 33 УК РФ упомянут общий состав деяний соучастников, однако не наполненный конкретным уголовно-правовым содержанием²³⁵. Данным содержанием как раз и выступает состав преступления, предусмотренный Особенной частью УК РФ. Тем самым конкуренция все же имеет место быть, однако конкурирующими следует признавать нормы Общей и Особенной частей УК РФ, взятые в совокупности, и норму Особенной части²³⁶. Нормы о содействии террористической деятельности аккумулируют в себе фактические действия соучастника и юридические действия исполнителя, более конкретно охватывают проявления данной деятельности, в связи с чем считаем необходимым рассматривать их в качестве специальных.

Дополнительным аргументом А.В. Бриллиантова в пользу критикуемого нами понимания соотношения норм Общей и Особенной частей УК РФ выступает возможность дать полную правовую оценку действиям виновного в содействии террористической деятельности²³⁷.

С подобным обоснованием не соглашается Д.Н. Молчанов, который верно подмечает, что до включения в УК РФ ст. 205¹ перечисленные в ней преступные действия квалифицировались по соответствующей статье уголовного закона, предусматривающей ответственность за совершение преступления террористического характера, со ссылкой на ст. 33 УК РФ, что и позволяло дать полную уголовно-правовую оценку действиям виновного²³⁸.

²³⁴ Бриллиантов А.В. Указ. соч. С. 29.

²³⁵ Там же. С. 27.

²³⁶ См. также: Арутюнов А.А. Указ. соч. С. 216.

²³⁷ Бриллиантов А.В. Указ. соч. С. 29.

²³⁸ Молчанов Д.Н. Указ. соч. С. 37.

Сторонники критикуемого подхода в обоснование своей точки зрения также ссылаются на акты толкования высшей судебной инстанции страны, касающиеся преступлений иных категорий²³⁹. Так, в п. 9 утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. № 7 «О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних» указано, что при подстрекательстве несовершеннолетнего к совершению преступления действия взрослого лица при наличии признаков состава указанного преступления должны квалифицироваться по ст. 150 УК РФ (вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений – *прим. А.С.*), а также по закону, предусматривающему ответственность за соучастие (в форме подстрекательства) в совершении конкретного преступления²⁴⁰.

В соответствии с п. 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2007 г. № 45 «О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений», действия лица, вовлекшего несовершеннолетнего в совершение преступления, предусмотренного статьей 213 УК РФ, подлежат квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных соответствующей частью статьи 213 УК РФ и частью 4 статьи 150 УК РФ (за вовлечение несовершеннолетнего в преступную группу)²⁴¹.

В связи с этим А.В. Бриллиантов констатирует: «Очевидно, что данный подход применим и к случаям склонения к совершению преступления террористического характера»²⁴².

Подобное обоснование правильно подвергнуто критике Д.Н. Молчановым, который указывает, что в отличие от содействия террористической деятельности при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступления имеет место посягательство на два объекта сразу, одним из которых выступает нормальное нравственное развитие несовершеннолетнего²⁴³.

²³⁹ См. подробнее: Бриллиантов А.В. Указ. соч. С. 30; Серебряков А.В. С. 193.

²⁴⁰ О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Российская газета. 2000. 14 марта. № 50 (ныне утратило силу).

²⁴¹ О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного суда от 15 ноября 2007 г. / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2008. Январь. № 1.

²⁴² Бриллиантов А.В. Указ. соч. С. 30.

²⁴³ Молчанов Д.Н. Указ. соч. С. 40.

Вместе с тем вряд ли можно согласиться с Д.Н. Молчановым в части квалификации содействия террористической деятельности как соучастие в совершении соответствующего преступления террористического характера (со ссылкой на статью 33 УК РФ)²⁴⁴, поскольку в данном случае игнорируется специальная норма. В частности, апелляционным определением Верховного Суда РФ от 29.08.2017 № 201-АПУ17-30 действия 3., выразившиеся в пособничестве совершению террористического акта, переqualифицированы с ч. 5 ст. 33, ч. 3 ст. 205 УК РФ на ч. 3 ст. 205¹ УК РФ²⁴⁵.

Полагаем, что именно в связи с указанными разноречиями в понимании уголовного закона Постановление Пленума Верховного Суда от 09.02.2012 № 1 было дополнено пунктами 17.1, 17.2²⁴⁶, в которых указано на запрет дополнительной квалификации по статьям, обозначенным в диспозициях частей 3 и 4 статьи 205¹ УК РФ, в случае совершения деяний, предусмотренных частями 3 и 4 ст. 205¹ УК РФ.

В то же время применительно к пособничеству и организации преступлений, перечисленных в частях 3 и 4 статьи 205¹ УК РФ, совершенных в составе организованной группы, Верховный Суд РФ сделал уточнения. Согласно абз. 2 п. 17.1 Постановления Пленума Верховного Суда от 09.02.2012 № 1 уголовная ответственность за пособничество в совершении террористического акта, захвата заложника или организации незаконного вооруженного формирования, *осуществленное участником организованной группы, совершившей такие преступления, наступает по соответствующей статье Особенной части УК РФ и не требует квалификации по части 3 статьи 205.1 УК РФ*. В соответствии с абз. 2 п. 17.2 данного постановления, организация совершения или руководство совершением иного преступления террористической направленности, в

²⁴⁴ Там же. С. 41.

²⁴⁵ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.08.2017 № 201-АПУ17-30. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁴⁶ О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2016 г. / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2017. Январь. № 1.

том числе организация осуществления других видов содействия террористической деятельности, квалифицируются по соответствующей статье Особенной части УК РФ со ссылкой на часть 3 статьи 33 УК РФ, *за исключением случаев, когда такие действия осуществлены участником организованной группы*²⁴⁷.

Тем самым высшая судебная инстанция указала на необходимость применения правила, в соответствии с которым действия организатора, подстрекателя и пособника, входящих в состав организованной группы, подлежат квалификации в качестве исполнительских, без ссылки на ст. 33 УК РФ. Примечательно, что тем самым Верховный Суд РФ частично проигнорировал положения чч. 3,4 ст. 205¹ УК РФ как содержащих специальные нормы, привычно для себя разрешив вопрос с позиции института соучастия в преступлении.

Помимо изложенных проблем конкуренции общих и специальных норм, в литературе возник крайне интересный вопрос о конкуренции норм, возникающей при вовлечении несовершеннолетнего в совершение преступлений террористического характера. Так, М.Ю. Осипов полагает, что если в отношении несовершеннолетнего совершались действия, направленные на его вовлечение в совершение преступлений террористического характера, то квалификация осуществляется по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ без дополнительной квалификации по ч. 3 ст. 30 и ст. 150 УК РФ. Если же несовершеннолетний начал совершать хотя бы приготовительные действия, вовлекающий подлежит ответственности по ст. 150 УК РФ без дополнительной квалификации по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ. В обоснование своего подхода криминалист указывает, что преступления, предусмотренные ст. 150 УК РФ и ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, имеют разные моменты окончания. В связи с этим, полагает автор, подлежит применению правило, в силу которого конкуренция между нормами, устанавливающими ответственность за неоконченное преступление, и норма-

²⁴⁷ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. Апрель. № 4.

ми, предусматривающими ответственность за оконченное преступление, разрешается в пользу последних²⁴⁸.

Однако данная позиция не учитывает одного важного обстоятельства. Ранее нами указывалось, что квалификация действий взрослого лица, вовлекающего несовершеннолетнего в совершение преступлений, по совокупности с соучастием в форме подстрекательства к совершению соответствующего преступления не противоречит принципу справедливости, поскольку посягательство осуществляется на два объекта уголовно-правовой охраны сразу. Как было обосновано ранее, при совершении вовлечения в совершение преступления террористического характера дополнительной квалификации в форме подстрекательства к совершению любого из перечисленных в чч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ преступлений не требуется. При этом при совершении преступлений, предусмотренных чч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ, в форме вовлечения в совершение перечисленных в ней преступлений в отношении несовершеннолетнего также происходит посягательство на два объекта: нормальное психическое развитие несовершеннолетнего и общественную безопасность. Таким образом, мы полагаем, что в случае совершения несовершеннолетним хотя бы приготовительных действий к указанным в чч. 1, 1¹ ст. 205¹ УК РФ преступлениям, деяние вовлекающего подлежит квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных статьями 150, 205¹ УК РФ. Однако если вовлечение не привело к указанному результату, действия взрослого подлежат квалификации по совокупности как покушение на вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступлений и содействие террористической деятельности.

Помимо всего изложенного, нельзя забывать, что институт соучастия в преступлении является правовой основой, позволяющей привлекать к ответственности лиц, хотя и не являющихся непосредственными исполнителями, однако своими действиями способствующих совершению преступления. С учетом того, что нормы данного института содержатся в Общей части УК РФ, их дублирование в

²⁴⁸ Осипов М.Ю. О некоторых проблемах квалификации преступлений террористической направленности // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 30.

Особенной части вряд ли целесообразно²⁴⁹. В связи с этим, А.А. Арутюнов совершенно справедливо отмечает, что существование в Особенной части уголовного закона статей, диспозиции которых фактически дублируют положения ст. 33 УК РФ делает бессмысленным существование института соучастия²⁵⁰.

Для более объективной оценки целесообразности криминализации содействия террористической деятельности также необходимо обратиться к уголовно-правовой природе института соучастия в преступлении. Основополагающими началами уголовной ответственности соучастников по действующему УК РФ, как было обосновано нами в первой главе настоящей работы, являются принципы акцессорности и самостоятельности.

В свою очередь, возведение действий соучастников в ранг исполнительства не только не обусловлено какой бы то ни было необходимостью, но и содержит в себе ряд юридических пороков, связанных с назначением справедливого наказания.

Во-первых, это различные пределы наказаний для содействующих террористической деятельности лиц и исполнителей соответствующих преступлений. Наиболее наглядную картину обозначенной проблемы можно получить посредством сравнения санкций статей 205¹ и 205 УК РФ. Часть 1¹ статьи 205¹ уголовного закона предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от 8 до 15 лет, в то время как террористический акт без квалифицирующих признаков – от 10 до 15. Пособничество в совершении преступления, предусмотренного ст. 205 УК РФ, наказывается лишением свободы на срок от 10 до 20 лет. Часть четвертая статьи 205¹ УК РФ предусматривает еще более строгое наказание – лишение свободы на срок от 15 до 20 лет либо пожизненное лишение свободы. В свою очередь, совершение террористического акта при наличии квалифицирующих признаков наказывается лишением свободы на срок от 12 до 20 лет, а при наличии особо квалифицирующих – от 15 до 20 либо пожизненным лишением свободы. Сопоставление санкций демонстрирует, что при квалификации содеянного по той

²⁴⁹ См. также: Иванчин А.В., Зосиева М.В. Проблемы конструирования специальных составов преступлений // Юридическая наука. 2017. № 4. С. 136.

²⁵⁰ Арутюнов А.А. Указ. соч. С. 218.

или иной части статьи 205¹ уголовного закона вполне возможна уголовно-правовая оценка, не соответствующая реальной степени общественной опасности той или иной формы содействия террористической деятельности. Лишь в исключительных случаях пределы наказания для фактического соучастника будут такими же, как и для исполнителя²⁵¹.

Во-вторых, вопрос о стадии совершения содействия террористической деятельности решается независимо от стадии совершения преступлений террористического характера, указанных в ст. 205¹ УК РФ. Так, одни криминалисты придерживаются мнения, что склонение, вербовку или иное вовлечение следует считать оконченными с момента совершения вовлеченным (склоненным, завербованным) лицом соответствующего преступления террористического характера, приготовления к нему или покушения на его совершение²⁵².

Другие авторы определяют момент окончания рассматриваемого преступления как совершение любого из альтернативных действий, указанных в диспозиции ч. 1 ст. 205¹ УК РФ²⁵³. Этому же подходу придерживается высший судебный орган государства. В соответствии с абз. 2 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1, склонение, вербовку или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, перечисленных в части 1 статьи 205.1 УК РФ, следует считать оконченным преступлением с момента совершения

²⁵¹ Справедливости ради, следует отметить, что проблема различных пределов наказания «соучастников» и исполнителей поднималась в литературе и раньше. См., например: Антонова Е.Ю. Преступления террористического характера и экстремистской направленности: вопросы криминализации и пенализации // Российский следователь. 2016. № 13. С. 24; Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М., 2013. С. 216; Гладких В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ // Российский следователь. 2014. № 5. С. 36; Гладких В.И. О соответствии наказаний степени общественной опасности преступлений // Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 46; Иванцов С.В. Посоничество в террористическом акте как форма содействия террористической деятельности // Безопасность бизнеса. 2017. № 2. С. 53; Кауфман М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве // Журнал российского права. 2016. № 9. С. 98; Парог А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lexrussica. 2016. № 11. С. 50; Парог А.И. Уголовный кодекс России против терроризма // Lexrussica. 2017. № 4. С. 167; Серебряков А.В. Коллизионные аспекты криминализации посоничества в совершении террористического акта // Юридический вестник Кубанского государственного университета. 2012. № 1. С. 13.

²⁵² См. также: Агапов П.В. Ответственность за содействие террористической деятельности: уголовно-правовое регулирование и судебное толкование // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. № 4 (30). С. 42; Агапов П.В. Михайлов К.В. Указ. соч. С. 81

²⁵³ См. например: Бриллиантов А.В. Уголовная ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению // Российский следователь. 2006. № 6. С. 16; Кудрявцев В.Л. Указ. соч. С. 22; Уголовное преследование терроризма: Монография / В.А. Бурковская, Е.А. Маркина, В.В. Мельник и др. М., 2008. С. 18.

указанных действий независимо от того, совершило ли вовлекаемое лицо соответствующее преступление террористической направленности²⁵⁴.

В то же время нам кажется достаточно интересным противоречие указанного разъяснения позициям, изложенным высшей судебной инстанцией в иных постановлениях Пленума, касающихся момента окончания действий по склонению и вовлечению. Так, и мы на это обращали внимание ранее, в абз. 4 п. 42 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 01.02.2011 № 1 указано, что вовлечение несовершеннолетнего в совершение преступления следует считать оконченным с момента совершения несовершеннолетним хотя бы приготовления к преступлению²⁵⁵.

В свою очередь В.А. Казакова полагает, что вовлечение считается оконченным с момента возникновения у вовлекаемого умысла на совершения одного из упомянутых в ст. 205¹ УК РФ преступлений²⁵⁶.

Первая точка зрения является, на наш взгляд, более предпочтительной, поскольку учитывает требования уголовного закона об общественной опасности как признаке преступления, а также вопросы доказывания вины. Дело в том, что с позиции второго подхода вполне допустимы ситуации, когда действия вовлекающего не привели к желаемому результату, то есть у вовлекаемого не возникло умысла на совершение соответствующего преступления. Следовательно, признание в подобных случаях оконченого состава на стороне виновного не соответствует степени общественной опасности содеянного им, что, на наш взгляд, входит в противоречие с принципом справедливости. Подобные действия следует рассматривать как покушение на совершение преступления, предусмотренного ст. 205¹

²⁵⁴ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. Апрель. № 4; См. также: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.05.2013 № 16-АПУ13-3. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵⁵ О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 01 января 2011 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2011. Апрель. № 4.

²⁵⁶ Казакова В.А. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера // Право в Вооруженных Силах. 2004. № 4. С. 33.

УК РФ. Третий подход создает большие трудности по доказыванию возникновения у вовлекаемого умысла, не проявившегося в объективной действительности.

Мы солидарны с авторами, которые связывают момент окончания вооружения в целях совершения одного из преступлений террористического характера с получением предметов вооружения (в том числе и частично), а подготовку – с началом проведения соответствующих занятий и инструктажей²⁵⁷.

Пособничество в совершении террористического акта и организацию преступлений террористического характера по смыслу уголовного закона следует признавать оконченным с момента исполнения действий, составляющих объективную сторону соответствующих составов преступлений. Таким образом, на стороне содействующего террористической деятельности лица может иметь место наличие оконченного состава и в случае недоведения «исполнителем» до конца какого-либо из указанных в ст. 205¹ УК РФ преступлений, что противоречит принципу акцессорности. С учетом того, что за неоконченную преступную деятельность уголовным законом предусмотрены ограничения, касающиеся верхнего предела подлежащего назначению наказания, действия фактических соучастников также могут не получить должную уголовно-правовую оценку, соответствующую характеру и степени их общественной опасности. При этом мы бы хотели отметить, что смоделированная ситуация встречается и на практике. Так, А.Ж.А. и А.М.Б. осуждены к лишению свободы на срок 10 лет за совершение преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 205¹ УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ), а М. – к лишению свободы с применением ч. 2 ст. 66 УК РФ на срок 7 лет за совершение преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ)²⁵⁸. По другому делу несправедливость уголовного закона проявилась в еще большей степени. В частности, С. был осужден по ч. 3 ст. 205.1 УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ) к лишению свободы на срок 10 лет, в

²⁵⁷ См. также: Агапов П.В. Михайлов К.В. Указ. соч. С. 102; Бриллиантов А.В. Указ. соч. С. 17.

²⁵⁸ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30.01.2018 № 208-АПУ17-5. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

то время как П. – к лишению свободы: по ч. 1 ст. 30, ч. 1 ст. 205 УК РФ (в редакции Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ) на срок 3 года²⁵⁹.

На основании изложенного выше сделаем следующие выводы:

– существование ст. 205¹ в уголовном законе порождает проблему конкуренции общих и специальных норм, разрешение которой с учетом основных начал уголовного права представляется затруднительным.

– криминализация содействия террористической деятельности не имеет под собой уголовно-правовых оснований по причине возможности привлечения к ответственности виновных посредством института соучастия в преступлении;

– пренебрежительное отношение законодателя к принципам ответственности соучастников, по сути, предопределило законную возможность назначения наказания, не отвечающего принципу справедливости;

В завершении данной главы работы хотелось бы отметить, что отдельными криминалистами ранее поднимался вопрос по совершенствованию уголовного закона в части уголовно-правового регулирования содействия террористической деятельности. Так, А.А. Арутюнов еще до внесения упомянутых в начале настоящего параграфа поправок предлагал исключить ст. 205¹ из УК РФ по причине возможности противодействия упомянутым в ней деяниям посредством института соучастия в преступлении²⁶⁰.

А.В. Серебряков полагает целесообразным исключить из части первой исследуемой статьи уголовного закона такие действия объективной стороны, как склонение и иное вовлечение, а также целиком исключить часть третью. При этом автор обосновывает свою позицию необходимостью устранения коллизии между положениями Общей и Особенной частей УК РФ²⁶¹.

²⁵⁹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 05.04.2018 № 205-АПУ18-4. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁶⁰ Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2006. С. 35.

²⁶¹ Серебряков А.В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 10.

С.В. Мурадян предлагает посвятить ст. 205¹ уголовного закона лишь проблеме противодействия финансирования терроризма, выдвигая те же доводы, что и А.А. Арутюнов²⁶².

Поскольку в рамках настоящего параграфа нами не анализировались составы финансирования терроризма, целиком присоединиться к той или иной из изложенных ранее точек зрения не представляется возможным. Однако в рамках проведенного нами исследования с учетом изложенного выше полагаем возможным внести предложение об отказе от самостоятельной криминализации следующих деяний:

– склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205², частями первой и второй статьи 206, статьей 208, частями первой - третьей статьи 211, статьями 220, 221, 277, 278, 279 и 360 Уголовного кодекса Российской Федерации, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений;

– склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205³, 205⁴, 205⁵, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи 211 Уголовного кодекса Российской Федерации, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений;

– пособничество в совершении хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьей 205, частью третьей статьи 206, частью первой статьи 208 Уголовного кодекса Российской Федерации;

– организация совершения хотя бы одного из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205³, частями третьей и четвертой статьи 206, частью четвертой статьи и 211 Уголовного кодекса Российской Федерации, или руководство его совершением

путем исключения указанных норм из ст. 205¹ УК РФ.

²⁶² Мурадян С.В. Уголовно-правовое и административно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма // Административное и муниципальное право. 2011. № 6. С. 49.

§ 3.2. Финансирование преступлений как отображение пособничества в нормах Особенной части УК РФ

Уголовный закон предусматривает финансирование в качестве объективной стороны следующих составов преступлений:

- финансирование терроризма (ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ);
- организация финансирования терроризма (ч. 4 ст. 205¹ УК РФ);
- финансирование незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208 УК РФ);
- финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ);
- финансирование наемника (ч. 1 ст. 359 УК РФ);
- финансирование акта международного терроризма (ч. 2 ст. 361 УК РФ).

Обоснованность криминализации некоторых из указанных деяний в качестве самостоятельных составов преступлений вызывает у нас сомнения. В настоящем параграфе автор ставит своей задачей исследование норм Особенной части УК РФ, предусматривающих ответственность за финансирование преступлений, в их сходстве с нормами института соучастия в преступлении. Руководствуясь принципом единообразного толкования содержащихся в уголовном законе понятий, мы полагаем допустимым исследование финансирования как комплексной конструкции, существенные признаки которой не зависят от расположения того или иного состава финансирования в Особенной части УК РФ, а также от объектов финансируемых преступлений. По этой причине в настоящем параграфе мы будем рассматривать понятие «финансирование» безотносительно к конкретному уголовно-правовому наполнению объектом посягательства, учитывая при этом общие признаки, присущие всем составам финансирования преступлений, содержащимся в Особенной части УК РФ. Целью настоящего параграфа является установление наличия или отсутствия оснований для придания финансированию преступлений статуса самостоятельных составов преступлений, а также анализ соответствия подобной уголовно-правовой политики основополагающим началам уголовного права.

Уголовный закон не содержит универсального определения финансирования, однако в статьях 205¹ и 282³ УК РФ раскрывается содержание понятий финансирования терроризма и финансирования экстремистской деятельности соответственно, существенные признаки которых совпадают. При этом диспозиции статей 208, 359 и 361 УК РФ не разъясняют содержания понятий финансирования соответствующих преступлений. В соответствии со статьями 205¹ и 282³ УК РФ, предметом финансирования выступают средства.

Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 и абз. 2 п. 22.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» (далее по тексту – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11), под предметом финансирования следует понимать денежные средства (в наличной или безналичной форме) и материальные средства (например, предметы обмундирования, экипировки, средства связи, лекарственные препараты, жилые либо нежилые помещения, транспортные средства)²⁶³. Рассматривая приведенные разъяснения, нельзя не обратить внимания, что Верховный Суд РФ подразделяет средства на две группы: денежные средства и материальные средства. Первая группа является отражением финансовой стороны понятия средства, является предметом финансирования в узком смысле этого слова. Вторую группу составляют предметы, предназначенные для материально-технического обеспечения преступной деятельности. Мы полагаем, что подобный подход к финансовой составляющей средств необоснованно сужает сферу уголовно-правового регулирования норм ответственности за финансирование преступлений, декриминализуя финансирование, осуществляемое иными, нежели деньги, финансовыми инструментами.

²⁶³ О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2012. Апрель. № 4; О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. Август. № 8.

Критикуя указанное понимание денежной составляющей финансирования, В.В. Ульяновой совершенно верно подмечено, что, например, выдачу векселя на предъявителя также следует признавать финансированием²⁶⁴. С.Ю. Богомолов при совершенствовании законодательства и актов толкования уголовного закона рекомендует руководствоваться определением финансирования, выработанного международным сообществом²⁶⁵. Так, согласно п. 1 ст. 1 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма от 09.12.1999, «средства» означают активы любого рода, осязаемые или неосязаемые, движимые или недвижимые, независимо от способа их приобретения, а также юридические документы или акты в любой форме, в том числе в электронной или цифровой, удостоверяющие право на такие активы или участие в них, включая банковские кредиты, дорожные чеки, банковские чеки, почтовые переводы, акции, ценные бумаги, облигации, векселя, аккредитивы, но не ограничиваясь ими²⁶⁶. Несмотря на невозможность прямого применения норм международного права, подход международного сообщества следует признать правильным.

Поддерживая инициативу В.В. Ульяновой о замене термина «средства» на «деньги или иное имущество», В.В. Кустова дает расширенный перечень предмета финансирования, который носит открытый характер и включает в себя любое обладающее стоимостью имущество, способное выступать в качестве объекта гражданских прав, а также правоустанавливающие документы²⁶⁷.

При этом спорным в литературе является вопрос о возможности признания предметом финансирования средств, предназначенных для материально-технического обеспечения. С.Ю. Богомолов полагает, что соотносить финансирование исключительно с финансовыми инструментами является методологически неверным, в связи с чем автор включает в понятие «средства» иные предметы,

²⁶⁴ Ульянова В.В. Противодействие финансированию терроризма: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010. С. 80.

²⁶⁵ Богомолов С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2016. С. 103.

²⁶⁶ Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5.

²⁶⁷ Кустова В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2016. С. 103-104.

имеющие материальную оценку, в частности продукты питания, помещения для проживания, одежду, предметы первой необходимости, медикаменты, средства связи²⁶⁸. По мнению А.Г. Хлебушкина, вполне обоснованно рассматривать вещи, предназначенные для материально-технического обеспечения преступной деятельности, в качестве предмета финансирования. При оценке степени общественной опасности рассматриваемого деяния, считает криминалист, не имеет равным счетом никакого значения, какое именно имущество предоставляется преступникам²⁶⁹. Критикуя расширительное толкование термина «средства», данное Верховным Судом РФ, С.А. Ершов отмечает, что предоставление материальных средств является предоставлением средств совершения преступления, предусмотренным ч. 5 ст. 33 УК РФ²⁷⁰. В.В. Ульянова также не признает предметом преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 205¹ УК РФ, средства, предоставляемые в качестве материально-технического обеспечения преступлений террористического характера. В подобных случаях, по мнению автора, лицо подлежит ответственности за пособничество соответствующему преступлению²⁷¹.

Позиция авторов, исключающих возможность отнесения материальных средств к предмету финансирования, имеет под собой основание. Так, «финансировать» означает снабжать денежными средствами, финансами²⁷². Следовательно, грамматическое толкование понятия «финансирование» не позволяет считать корректным отнесение иных, кроме денег, материальных средств к предмету рассматриваемого деяния. Также диспозиция ч. 1 ст. 359 УК РФ включает финансирование и иное материальное обеспечение наемника в качестве альтернативных действий объективной стороны состава наемничества. Очевидно, что при принятии УК РФ российский законодатель решил четко разграничить понятия «финансирование» и «иное материальное обеспечение». Указанное наблюдение, а также принцип единообразного толкования понятийного аппарата уголовного закона

²⁶⁸ Богомолов С.Ю. Указ. соч. С. 104.

²⁶⁹ Хлебушкин А.Г. Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) // Уголовное право. 2015. № 3. С. 81.

²⁷⁰ Ершов С.А. Указ. соч. С. 147.

²⁷¹ Ульянова В.В. Указ. соч. С. 83.

²⁷² Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Указ. соч. С. 853.

допускают вывод о невозможности отнесения материально-технического обеспечения к финансированию.

В то же время мы полагаем, что толкование терминов, содержащихся в определении понятия, имеет неоспоримое преимущество перед толкованием терминов, содержащихся в наименовании понятия, в связи с чем, в первую очередь, следует руководствоваться содержанием термина «средства». Учитывая приведенное нами понимание средств совершения преступления (см. § 2.2), мы полагаем обоснованным относить к предмету финансирования не только финансовые инструменты, но и предметы, предназначенные для материально-технического обеспечения преступной деятельности. Более того, определение понятия «финансирование терроризма» прямо указывает на возможность сбора и (или) предоставления средств для материального обеспечения лица в целях совершения им хотя бы одного из преступлений террористического характера. Несмотря на то, что определение понятия «финансирование экстремистской деятельности» не содержит такого указания, Пленум Верховного Суда РФ вполне обоснованно включает его в содержание финансирования в соответствующем Постановлении. При этом содержание понятия «средства» не следует ограничивать лишь предметами материального мира. Ранее нами были приведены позиции, согласно которым имущественные права также следует относить к предмету финансирования. В обосновании данного тезиса следует отметить, что ограничение понятия «средства» в контексте финансирования исключительно предметами материального мира ведет к необоснованному, по нашему мнению, сужению границ уголовной ответственности за объективно общественно опасное поведение. Очевидно, по этой причине Верховный Суд РФ указал на возможность предоставления не только наличных, но и безналичных денежных средств. Однако мы полагаем, что высший судебный орган не учел многие другие финансовые инструменты, которые не существуют в объективной действительности. По своему гражданско-правовому статусу безналичные денежные средства относятся к правам обязательственным, а не вещным, то есть наличие на банковском счете лица безналичных денежных средств создает у него права требования этих денег у кредитной

организации, а не право собственности на них. Учитывая позицию высшей судебной инстанции относительно признания безналичных денежных средств предметом финансирования, мы считаем обоснованным относить к средствам также и другие имущественные права, не имеющие материального субстрата. Подобное понимание уголовного закона значительно шире грамматического содержания понятий «средства» и «финансирования». Также отнесение к предмету финансирования имущественных прав, не ограничиваясь при этом правом требования по договорам счета или банковского вклада, не соответствует ограничительному толкованию понятия «средства», данному Верховным Судом РФ. Несмотря на это, подобный подход к определению содержания понятия «средства» полностью соответствует сегодняшнему положению дел в экономической сфере и позволяет более эффективно противодействовать финансированию преступлений. Таким образом, мы полагаем правильным относить к понятию средства любое имущество, признаваемое таковым в соответствии с гражданским законодательством. В то же время в судебной практике можно встретить и ограничительный подход к содержанию понятия «средства». Так, отменяя приговор в отношении Я. и направляя дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, Верховный Суд Кабардино-Балкарской Республики указал, что предъявленное Я. обвинение в финансировании незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208 УК РФ) не соответствует изложенным в п. 16 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 формам и способам финансирования. При этом действия Я. выразились в предоставлении участнику незаконного вооруженного формирования своих ношенных джинсовых брюк, рубашки и футболки²⁷³.

Объективная сторона финансирования преступлений состоит в предоставлении или сборе средств либо оказании финансовых услуг. В качестве альтернативных действий в рамках объективной стороны составов финансирования выступает оказание финансовых услуг. Следует отметить, что понятие финансовой услуги является бланкетным и отсылает к иным отраслям права. Согласно п. 2 ст.

²⁷³ Апелляционное определение Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 04.03.2014 по делу № 22-118/2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/kWvRf> (дата обращения: 29.08.2018).

4 Федерального закона от 26.07.2006 № 135-ФЗ «О защите конкуренции», под финансовой услугой понимается банковская услуга, страховая услуга, услуга на рынке ценных бумаг, услуга по договору лизинга, а также услуга, оказываемая финансовой организацией и связанная с привлечением и (или) размещением денежных средств юридических и физических лиц²⁷⁴. Примечательно, что в судебной практике можно встретить отождествление таких способов финансирования, как предоставление средств и оказание финансовых услуг. Так, Верховный Суд Карачаево-Черкесской республики в приговоре от 18.12.2012 по делу № 2-38/2012 указал, что, учитывая перечисление А. денежных средств для организации и функционирования вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, вооружения членов этого формирования, «...суд квалифицирует действия А. В.Г-О., как и предложено органом предварительного следствия по ч. 1 ст. 205.1 УК РФ, как финансирование терроризма, т.е. оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для финансирования организации, подготовки и совершения преступления, предусмотренного статьей 208 УК РФ, а также для обеспечения организованной группы, создаваемой для совершения указанного преступления...»²⁷⁵.

По конструкции объективной стороны анализируемые составы преступлений являются формальными. В абз. 3 п. 22.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 отмечено, что преступление окончено с момента совершения любого из указанных действий, относящихся к финансированию преступления экстремистской направленности, обеспечению деятельности экстремистского сообщества или экстремистской организации²⁷⁶. Поскольку финансирование возможно посредством совершения различных альтернативных действий, указанного разъяснения определенно недостаточно для уяснения момента его окончания применительно к каждому из способов финансирования.

²⁷⁴ О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. 31 июля. № 31 (1 ч.).ст. 3434.

²⁷⁵ Приговор Верховного Суда Карачаево-Черкесской республики от 18.12.2012 по делу № 2-38/2012. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/Y6KPV> (дата обращения: 28.08.2018).

²⁷⁶ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. Август. № 8.

При этом вопрос определения момента окончания финансирования является дискуссионным. Согласно первому подходу, финансирование в форме предоставления средств следует считать окончанным вне зависимости от получения средств адресатом²⁷⁷. В соответствии со вторым подходом, которого придерживаемся и мы, для признания финансирования в форме предоставления средств окончанным преступлением необходимо, чтобы предоставляемые средства были получены адресатом²⁷⁸. Об этом, в частности, свидетельствует грамматическое толкование глагола «предоставить», который означает отдать в распоряжение, пользование²⁷⁹. Критикуя вторую из представленных точек зрения, В.В. Ульянова отмечает, что для привлечения финансирующего к ответственности необходимо устанавливать факт получения лицом средств, что может быть затруднительным. Также адресат может не получить или не воспользоваться предоставленными средствами, в связи с чем финансирующий будет подлежать ответственности за покушение. Подобное понимание уголовного закона, по мнению автора, «...ведет к ослаблению репрессивных мер воздействия в отношении лиц, содействующих террористической деятельности путем ее финансирования»²⁸⁰. Выражая свое согласие с приведенным толкованием уголовного закона, С.Ю. Богомолов акцентирует внимание на том, что состав финансирования является формальным, из чего следует, что другие юридически значимые факты, в том числе получение адресатом средств, не имеют значения для квалификации. Криминалист также полагает, что обязанность по установлению факта принятия средств резко снизит уровень уголовно-правового противодействия финансированию²⁸¹.

Приведенная позиция В.В. Ульяновой, по нашему мнению, является необоснованной в силу следующего. Во-первых, необходимость установления факта

²⁷⁷ См., например: Богомолов С.Ю. Указ. соч. С. 109; Ивлиев С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2008. С. 161; Ульянова В.В. Указ. соч. С. 105.

²⁷⁸ См., например: Агапов П.В., Михайлов К.В. Указ. соч. С. 103; Кустова В.В. Указ. соч. С. 121; Осипов К.Л. Ответственность за наемничество по российскому уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2003. С. 94; Кошевой И.О. Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с содействием террористической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2011. С. 38; Шевченко И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: монография. М.: Юрлитинформ, 2011. С. 86.

²⁷⁹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Указ. соч. С. 580.

²⁸⁰ Ульянова В.В. Указ. соч. С. 106.

²⁸¹ Богомолов С.Ю. Указ. соч. С. 113.

получения лицом средств является проблемой уголовно-процессуальной, проблемой сбора доказательств и не может выступать аргументом при решении вопросов уголовно-правового характера. Во-вторых, квалификация действий лица как покушение на финансирование не ведет к ослаблению репрессивных мер воздействия, поскольку основанием для назначения менее строго наказания лицу выступает меньшая степень общественной опасности совершенного им деяния. По этой же причине нельзя признать обоснованным установление приоритета простоты доказывания вины над адекватностью мер уголовно-правового воздействия степени общественной опасности преступления.

Ф.В. Короткий руководствуется третьим подходом к определению момента окончания финансирования в форме предоставления средств. Автор полагает, что финансирование наемника является окончанным преступлением с момента фактического использования средств по предполагаемому назначению²⁸². Мы не разделяем указанную позицию, поскольку действия финансируемого после получения им средств находятся вне рамок состава финансирования. Подобная правовая оценка необоснованно смягчает ответственность за финансирование преступлений.

В литературе финансирование преступления в форме сбора средств предлагается считать окончанным с момента получения финансирующим хотя бы части предназначенных для финансирования средств²⁸³, что, по нашему мнению, следует признать верным.

Поскольку оказание услуг в самом общем виде регулируется нормами Гражданского кодекса Российской Федерации, то, по справедливому замечанию В.В. Ульяновой, для правильного определения момента окончания финансирования в форме оказания финансовой услуги необходимо руководствоваться положениями гражданского законодательства. По указанной причине мы полностью солидарны с авторами, соотносящими момент окончания финансирования в фор-

²⁸² Короткий Ф.В. Наемничество: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2009. С. 69.

²⁸³ См., например: Богомолов С.Ю. Указ. соч. С. 119; Ульянова В.В. Указ. соч. С. 108; Хлебушкин А.Г. Указ. соч. С. 83; Шевченко И.В. Указ. соч. С. 86.

ме оказания финансовой услуги с выполнением исполнителем обязательств, связанных с предметом договора, в полном объеме, то есть с момента оказания услуг в полном объеме²⁸⁴. При этом в случае если оказание услуг в полном объеме связано с наступлением отлагательного условия (например: получение страховой выплаты), то финансирование следует считать окончанным именно в момент оказания услуг в полном объеме при наступлении соответствующего юридического факта.

Субъективная сторона финансирования преступления характеризуется умыслом, о чем свидетельствует содержание дефиниций финансирования терроризма и финансирования экстремистской деятельности. Так, финансирование терроризма предполагает осознание финансирующим, что предоставляемые или собираемые средства либо оказываемые финансовые услуги предназначены для организации, подготовки и совершения преступления либо для финансирования лица в целях совершения преступления, а равно для обеспечения деятельности преступных групп. Схожее определение финансирования экстремистской деятельности содержит указание, что финансирующий заведомо знает о предназначении предмета финансирования. При этом мы не считаем обоснованным подход отдельных исследователей, определяющих вид умысла при финансировании как прямой²⁸⁵, поскольку классификация умысла по видам, по нашему мнению, имеет значение лишь для преступлений с материальным составом. В связи с этим отношение лица к последствиям, лежащим за рамками преступления с формальным составом, не должно иметь уголовно-правового значения.

В.В. Кустова, на наш взгляд, необоснованно расширяет сферу уголовного воздействия норм об ответственности за финансирование преступлений. Криминалист отмечает, что средства могут предоставляться в том числе для сокрытия преступления²⁸⁶. Полагаем, что подобные выводы противоречат дефиниции финансирования, которая не содержит указание на возможность финансирования

²⁸⁴ См., например: Богомолов С.Ю. Указ. соч. С. 128; Ульянова В.В. Указ. соч. С. 110; Хлебушкин А.Г. Указ. соч. С. 83.

²⁸⁵ См., например: Богомолов С.Ю. Указ. соч. С. 137; Ульянова В.В. Указ. соч. С. 111.

²⁸⁶ Кустова В.В. Указ. соч. С. 117.

постпреступной деятельности лица. В подобных случаях, при наличии оснований, действия финансирующего должны квалифицироваться по ст. 316 УК РФ.

Вопрос о степени конкретизации умысла при финансировании в литературе является дискуссионным. По мнению В.В. Ульяновой, при финансировании конкретных преступлений лицо осознает, что предоставляет или собирает средства либо оказывает финансовые услуги в целях совершения заранее определенного (-ых) преступления (-ий) террористического характера. При финансировании преступной группы достаточно осознавать, что оказывается содействие преступной группе, осуществляющей преступную деятельность. При этом знание о конкретном назначении средств или услуг для признания наличия состава преступления не имеет значения. Таким образом, делает вывод автор, при финансировании конкретных преступлений умысел виновного является конкретизированным, а при финансировании деятельности преступных групп может быть альтернативным или неконкретизированным²⁸⁷. С.Ю. Богомолов не без оснований утверждает, что прямое назначение предмета финансирования, а также перечень конкретных преступлений подтверждает наличие конкретизированного умысла. При этом, подвергая сомнению позицию В.В. Ульяновой относительно степени конкретизации умысла при финансировании деятельности преступных групп, автор приходит к схожему выводу. Утверждая, что финансирование преступной группы возможно только с конкретизированным умыслом, С.Ю. Богомолов совершенно обоснованно признает участие в преступной группе или ее организацию и руководство конкретным преступлением, в связи с чем конкретизированный умысел при финансировании преступных групп, по мнению автора, представляет собой осознание преступного характера деятельности группы, а также преступного предназначения предоставляемых и (или) собираемых средств либо оказываемых финансовых услуг. Большой детализации предназначения средств или услуг для признания наличия состава финансирования не требуется²⁸⁸. Указанная точка зрения была подвергнута критике В.В. Кустовой. Криминалист отмечает, что необходимость

²⁸⁷ Ульянова В.В. Указ. соч. С. 111-112.

²⁸⁸ Богомолов С.Ю. Указ. соч. С. 137-138.

установления конкретизированного умысла при финансировании конкретных преступлений уместно лишь при восприятии финансирования как пособничества преступлениям. Однако, по мнению ученого, смысл криминализации финансирования как самостоятельного состава преступления состоял именно в том, чтобы устранить акцессорный характер финансирования по отношению к действиям исполнителя преступления. По этой причине автор допускает наличие в сознании лица неконкретизированного умысла в том числе и в тех случаях, когда средства или услуги объективно предназначены для финансирования преступлений непосредственно, минуя преступную группу²⁸⁹.

Полагаем, что указанная позиция В.В. Кустовой не вполне обоснована. Во-первых, законодательные дефиниции финансирования терроризма и финансирования экстремистской деятельности содержат прямое указание на то, что финансирование производится с осознанием или заведомым знанием назначения предоставляемых средств либо оказываемых услуг – организации, подготовки или совершения конкретного преступления либо для финансирования или иного материального обеспечения лица в целях совершения им преступлений, а равно для обеспечения преступной группы. Во-вторых, устранение акцессорного характера финансирования не влияет на содержание субъективной стороны состава соответствующего преступления, а приводит лишь к установлению различных пределов наказания для финансирующего и финансируемого и разрывает зависимость стадий развития их преступной деятельности друг от друга.

Рассмотренные признаки финансирования позволили ряду ученых воспринимать его в качестве соучастия в преступлении²⁹⁰. Наиболее распространено в литературе указание на существенное сходство финансирования с пособничеством. При этом криминалисты отмечают, что, несмотря на сущностное сходство финансирования и пособничества, закрытый перечень действий способов пособника не охватывает собой случаи финансирования преступлений²⁹¹.

²⁸⁹ Кустова В.В. Указ. соч. С. 119-120.

²⁹⁰ См., например: Клименко Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии // Журнал российского права. 2017. № 4. С. 114; Мурадян С.В. Указ. соч. С. 48;

²⁹¹ См., например: Алехин В.П. Соучастие в террористической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2008. С. 153; Ульянова В.В. Указ. соч. С. 126; Шубина В.Ю. Указ. соч. С. 8.

Критикуя отождествление финансирования преступной деятельности и пособничества, Д.М. Молчанов указывает, что понимание первого как содействия преступлению предоставлением средств или устранением препятствий не соответствует сложившимся в науке представлениям о пособнике²⁹². Указанное несоответствие в литературе предлагается исправить за счет внесения изменений в ч. 5 ст. 33 УК РФ. Одним из возможных вариантов выступает включение в перечень форм деятельности пособника финансирование преступной деятельности²⁹³. Несколько иное решение предлагается С.В. Борисовым и А.А. Чугуновым, которые предлагают сделать перечень способов пособничества открытым²⁹⁴.

По нашему мнению, финансирование преступлений полностью охватывается понятиями пособника и приготовления к преступлению, в связи с чем корректировки нормы, регламентирующей деятельность пособника, не требуется. В связи с этим нам кажется необоснованной позиция Д.М. Молчанова, который считает, что под средствами в смысле пособнической деятельности следует понимать исключительно предметы, используемые для непосредственного выполнения объективной стороны состава преступления²⁹⁵. Мы в свою очередь полагаем, что принцип единообразного понимания содержащихся в законе понятий исключает различное понимание термина «средства» применительно к деятельности пособника и применительно к финансированию преступлений. По этой причине нет и не должно быть никакой объективной разницы между средствами, предоставляемыми пособником, и средствами, предоставляемыми и (или) собираемыми лицом, осуществляющим финансирование. Ключевым, по нашему мнению, условием для признания лица пособником является оказание им содействия, наличие причинно-следственной связи между предоставлением средств либо оказанием финансовых услуг и совершением преступления. При этом причинно-следственная связь может носить опосредованный характер, что, однако, не исключает ответственности лица как пособника.

²⁹² Молчанов Д.М. Указ. соч. С. 35.

²⁹³ См., например: Алехин В.П. Указ. соч. С. 154; Шубина В.Ю. Указ. соч. С. 8;

²⁹⁴ Борисов С.В., Чугунов А.А. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму: критический анализ // Современное право. 2015. № 4. С.105.

²⁹⁵ Молчанов Д.М. Указ. соч. С. 35.

Финансирование преступлений посредством оказания финансовых услуг мы полагаем возможным рассмотреть в двух аспектах. В случаях, когда результатом оказанных услуг является представление какого-либо имущества, такие действия следует рассматривать через призму предоставления пособником средств совершения преступления. Во всех остальных случаях оказание финансовых услуг, по нашему мнению, укладывается в такой способ содействия пособником совершению преступления, как устранение препятствий. Обосновывается такая позиция тем обстоятельством, что почти все виды финансовых услуг по своей практической для преступной деятельности значимости предполагают совершение определенного набора действий, которые значительно упрощают осуществление преступной деятельности. Следовательно, невозможность самостоятельного совершения данных действий выступает для финансируемого лица препятствием к совершению преступления.

Сбор средств предшествует во времени их предоставлению, создает условия для финансирования преступлений. По этой причине нам кажется не совсем логически верным относить указанные действия к финансированию. Также сбор средств для целей дальнейшего предоставления представляет собой приготовление к преступлению в форме иного умышленного создания условий для совершения преступления – финансирования преступления.

С субъективной стороны содержание финансирования также укладывается в понятие пособничества. При финансировании конкретных преступлений лицо предоставляет средства либо оказывает финансовые услуги с осознанием того, что средства и результаты услуг будут использованы для совершения конкретного, известного финансирующему лицу преступления. При финансировании преступной группы лицо может и не знать, для каких именно целей предназначены средства или услуги, поскольку при финансировании преступной группы конкретизированный умысел предстает в несколько урезанном виде. Так, лицу достаточно осознавать, что своими действиями оно осуществляет финансирование преступной группы. Ввиду того, что сама по себе деятельность преступных групп криминализована в виде самостоятельных составов преступлений, финансиру-

ющее группу лицо осознает, что предоставляет средства либо оказывает услуги для совершения конкретного преступления. Точно так же и финансирование различного рода фондов, осуществляющих сбор средств для последующего финансирования преступлений, представляет собой пособничество совершению конкретных преступлений – организации террористического сообщества и участия в нем (ст. 205⁴ УК РФ) либо организации экстремистского сообщества (ст. 282¹ УК РФ).

В качестве аргумента в пользу признания финансирования преступных групп пособничеством следует также обратить внимание на разъяснения высшей судебной инстанции страны по вопросам квалификации преступлений, предусмотренных статьями 209, 210 УК РФ. В частности, в соответствии с абз. 2 п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 «О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм», действия лиц, не состоявших членами банды и не принимавших участия в совершенных ею нападениях, но оказавших содействие банде в ее преступной деятельности, следует квалифицировать по ст. 33 и соответствующей части ст. 209 УК РФ²⁹⁶. Согласно абз. 3 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2012 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)», оказание лицом, не являющимся членом преступного сообщества (преступной организации), содействия деятельности такого сообщества (организации) подлежит квалификации как соучастие в форме пособничества по части 5 статьи 33 УК РФ и части 2 статьи 210 УК РФ (например, передача секретарем, системным администратором служебной информации, оператором сотовой связи - сведений о переговорах клиентов, банковским служащим - данных о финансовых операциях клиентов и т.п., а также оказание членам преступного сообщества

²⁹⁶ О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 1997. № 3.

(преступной организации) юридической, медицинской или иной помощи лицом, причастным к преступной деятельности такого сообщества (организации)²⁹⁷.

Ввиду того, что финансирование преступной группы есть не что иное, как частный случай содействия ее деятельности (что также следует из наименования ст. 205¹ УК РФ), квалификация подобных действий, совершенных лицами, не состоящими в преступной группе, как пособничество ее деятельности является правомерной.

Таким образом, мы полагаем, что противодействие финансированию преступлений вполне может осуществляться нормами Общей части УК РФ, регламентирующими приготовительную преступную деятельность и соучастие в преступлении.

Несмотря на это, среди исследователей проблемы финансирования преступления существует немало сторонников криминализации финансирования в качестве самостоятельного состава преступления. В.В. Кустова в качестве одного из аргументов указывает на недостаточность профилактического эффекта норм института соучастия в преступлении для противодействия финансированию преступлений. Также, по мнению автора, создание общей нормы о запрете финансирования преступлений в настоящее время неосуществимо. В обоснование указанного суждения криминалист выдвигает следующие аргументы. Во-первых, отмечает В.В. Кустова, роль финансирования в совершении различных преступлений неодинакова, что обуславливает необходимость дифференцированного подхода к криминализации финансирования каждого конкретного преступления. Во-вторых, по мнению криминалиста, криминализация финансирования посредством общей нормы устраняет связь финансирования с финансируемым преступлением, а также не позволяет учесть конкретный объект посягательства финансирования. Наконец, исследователь видит перспективы возникновения трудностей уголовно-процессуального характера, связанных с доказыванием умысла лица, осуществ-

²⁹⁷ О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участии в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2010. Август. № 8.

ляющего финансирование преступления²⁹⁸.

Как и предыдущий ученый, В.В. Ульянова видит привлекательность самостоятельной нормы об ответственности за финансирование терроризма по причине отсутствия акцессорного характера указанного преступления по отношению к финансируемым преступлениям. Автор полагает правильным установление уголовной ответственности лица как за оконченное преступление вне зависимости от фактического использования предоставленных им средств либо результатов оказанных услуг. Также, отмечает криминалист, пресечение приговорительной деятельности финансиста не позволяет привлечь его в качестве пособника террористического преступления, в то время как самостоятельная норма об ответственности за финансирование терроризма решает указанную «проблему», так как в качестве альтернативных действий объективной стороны состава соответствующего преступления предусмотрен сбор средств. В завершение обоснования своей позиции автор указывает, что осуществлять финансирование возможно без согласования с исполнителем конкретных преступлений либо посредством предоставления средств преступной группе для поддержания ее жизнедеятельности²⁹⁹.

Мы не можем согласиться с приведенными доводами по целому ряду причин. Во-первых, наличие акцессорной связи между финансированием преступления и самим преступлением не исключает ответственности финансирующего преступление лица, а позволяет ограничить ее пределами, соответствующими принципу справедливости. Каким бы образом законодатель не решал вопрос природы финансирования, оно все равно остается деянием, содействующим совершению другого, основного преступления. Очевидно, что финансирование непреступной деятельности не является преступлением. В то же время преступная деятельность вполне осуществима и без финансирования «со стороны». Профилактический потенциал, который подразумевают В.В. Кустова и В.В. Ульянова, состоит в том, что при отсутствии реального содействия совершению преступления посредством его финансирования лицо, тем не менее, подлежит уголовной ответственности как

²⁹⁸ Кустова В.В. Указ. соч. С. 96-97.

²⁹⁹ Ульянова В.В. Указ. соч. С. 145-146.

за оконченное преступление. Указанное «решение» проблемы профилактики преступлений с учетом обеспечительной природы финансирования кажется нам весьма сомнительным. Во-вторых, проблема привлечения к уголовной ответственности лица, чьи действия были пресечены на стадии сбора средств, обозначенная В.В. Ульяновой, не совсем соотносится с положениями уголовного закона. Автор отмечает, что в подобных случаях привлечь лицо в качестве пособника не представляется возможным. И это действительно так. Однако уголовная ответственность за приготовление к финансированию преступления на стадии сбора средств не исключается, что делает суждение криминалиста верным лишь отчасти. В-третьих, существование универсальной нормы об ответственности за финансирование преступлений вообще создает проблемы дифференциации ответственности за финансирование различных преступлений и учета объекта преступного посягательства финансирования только в том случае, если данная норма содержится в Особенной части УК РФ, то есть если она представляет собой самостоятельный состав преступления. При регламентации уголовной ответственности за финансирование универсальными нормами Общей части УК РФ указанные проблемы не возникнут. Наконец, в-четвертых, как отмечалось нами ранее, проблемы уголовно-процессуального характера не должны решаться во вред проблемам уголовно-правового характера. Следуя данной логике, необходимо в принципе отказаться от акцессорной природы института соучастия в преступлении, что позволит «решить» многие проблемы доказывания в уголовном процессе, поскольку именно акцессорный характер деятельности соучастника устанавливает зависимость стадий развития его преступной деятельности от стадий развития преступной деятельности исполнителя.

При этом следует отметить, что существование у Российской Федерации обязательств, установленных международными правовыми актами в сфере противодействия финансированию терроризма³⁰⁰, не может выступать аргументом в

³⁰⁰ См., например: Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999 // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5; Резолюция № 1373 (2001) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» (принята в г. Нью-Йорке 28.09.2001 на 4385-ом заседании Совета Безопасности ООН). [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

пользу криминализации финансирования преступлений, в том числе преступлений террористического характера, в качестве самостоятельных составов преступлений в силу следующего. Так, с одной стороны, ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора³⁰¹. Однако из всех специализированных международных правовых актов в сфере противодействия финансированию терроризма юридическую силу общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации имеет лишь Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма. При этом п. «а» ст. 4 Международной конвенции о борьбе с финансированием терроризма предусмотрено, что каждое государство-участник принимает такие меры, которые могут оказаться необходимыми для признания уголовными преступлениями согласно его внутреннему праву преступлений, указанных в статье 2³⁰². Также и пп. «b» п. 1 Резолюции 1373 (2001) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций обязывает государства ввести уголовную ответственность за умышленное предоставление или сбор средств, любыми методами, прямо или косвенно, их гражданами или на их территории с намерением, чтобы такие средства использовались – или при осознании того, что они будут использованы, – для совершения террористических актов³⁰³. Следовательно, указанные нормы не предусматривают криминализацию финансирования терроризма именно в качестве самостоятельного состава преступления. В связи с этим, а также ввиду наличия у каждого государства признанного международным сообществом суверени-

³⁰¹ Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. / Российская Федерация // Российская газета. 1993. 25 декабря. № 237.

³⁰² Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999 // Бюллетень международных договоров. 2003. № 5.

³⁰³ Резолюция № 1373 (2001) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» (Принята в г. Нью-Йорке 28.09.2001 на 4385-ом заседании Совета Безопасности ООН). [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

тета, упомянутые международные обязательства следует исполнять с учетом особенностей Российской правовой системы. Поскольку финансирование терроризма полностью охватывается содержанием понятия пособничества, имплементация упомянутых международных правовых норм в уголовный закон России не требуется.

Рассматривая вопрос о предпочтении норм института соучастия перед специальными нормами Особенной части УК РФ при противодействии финансированию преступлениям, нельзя не обратить внимания на негативные последствия, порождаемые криминализацией финансирования преступлений в качестве самостоятельных составов преступления. Первое, что заслуживает подробного изучения, это вопрос о юридическом равенстве предоставления и сбора средств. Под сбором, как было описано ранее, понимается деятельность, связанная с привлечением средств для их последующего предоставления. Окончен сбор с момента начала его осуществления. Однако указанные действия есть не что иное, как приготовление к финансированию преступления в виде предоставления средств. В связи с изложенным С.А. Ершовым закономерно поставлен вопрос о соотношении степени общественной опасности сравниваемых деяний. Криминалист обоснованно полагает, что сбор не может достигать общественной опасности финансирования в форме предоставления, поскольку на данном этапе использование по конечному назначению исключено³⁰⁴. Таким образом, существующая конструкция норм об ответственности за финансирование преступлений входит в конфронтацию с принципом справедливости, поскольку пределы наказания принципиально отличающихся друг от друга по степени общественной опасности деяний совпадают.

Также, указывая на недостаточный объем уголовной репрессии при привлечении лица за финансирование преступлений в качестве соучастника преступления, сторонники криминализации финансирования в качестве самостоятельных составов преступления не учитывают одно интересное обстоятельство. Дело в том, что в нынешней редакции уголовного закона указанные нормы обладают ме-

³⁰⁴ Ершов С.А. Указ. соч. С. 147.

нее широким уголовно-правовым потенциалом. Обусловлено данное положение дел тем, что общий возраст уголовной ответственности за финансирование преступлений по закону составляет 16 лет. Следовательно, лицо, достигшее возраста 14 лет, но не достигшее возраста 16 лет, не может нести ответственность за финансирование, например, террористического акта, в то время как соучастник террористического акта, осуществляющий его финансирование и достигший возраста 14 лет, подлежит уголовной ответственности. В свою очередь применение института соучастия в обозначенных случаях не только не вызовет трудностей привлечения финансирующего к ответственности, но и обеспечит справедливость уголовного закона.

Также нам представляется достаточно интересным наблюдение С.В. Борисова и А.А. Чугунова, которые обращают внимание на отсутствие в уголовном законе указания на минимальный размер осуществляемого финансирования³⁰⁵. В отсутствие каких-либо законодательных ограничений пределы уголовной ответственности за финансирование остаются размытыми, неопределенными, что оставляет широкий простор для усмотрения правоприменителя при разрешении вопроса о привлечении финансирующего к уголовной ответственности. В частности, приговором Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 29.04.2014 по делу № 1-8/2014 Б. осужден по ч. 1 ст. 205¹ УК РФ за финансирование терроризма в форме предоставления денежных средств в размере одной тысячи рублей³⁰⁶. По другому делу действия К. квалифицированы по ч. 1 ст. 208 УК РФ, то есть как финансирование незаконного вооруженного формирования. Указанно финансирование заключалось в предоставлении денежных средств в размере пятисот рублей и ношенной одежды (брюк, двух рубашек, футболки, пары обуви и иных неустановленных следствием предметы одежды) участнику незаконного вооруженного формирования³⁰⁷.

Следует, однако, отметить, что указанный пробел позволяет заполнить нор-

³⁰⁵ Борисова С.А., Чугунова А.А. Указ. соч. С. 104.

³⁰⁶ Приговор Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 29.04.2014 по делу № 1-8/2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/dUTDH> (дата обращения 29.08.2018).

³⁰⁷ Приговор Урванского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 15.01.2014 по делу № 1-7/2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/9jYiF> (дата обращения: 29.08.2018).

ма о малозначительности деяния. В то же время указанная норма также не устанавливает четких границ малозначительности, в связи с чем возможность ее применения необходимо оставлять на самые крайние случаи. В целом же более правильным нам видится применение четких объективных критериев при решении вопросов уголовно-правового характера. Так, квалификация финансирования в качестве соучастия в преступлении обязывает использовать объективный критерий отнесения действий финансиста к преступным – наличие причинно-следственной связи между финансированием и совершенным преступлением. Очевидно, что если между действиями пособника и преступным результатом имеется причинно-следственная связь, то размер финансирования сам по себе уже не имеет значение, поскольку его существенное значение для совершения исполнителем преступления установлено. Полагаем, что указанное решение в большей мере способствует соблюдению принципа законности.

Наиболее серьезной проблемой криминализации финансирования в качестве самостоятельных составов Особенной части УК РФ, на наш взгляд, является проблема наказуемости финансирования. Обусловлена указанная проблема различием санкций норм об ответственности за финансирование преступлений и норм об ответственности за финансируемые преступления. При этом следует условно разделить составы финансирования преступлений на две группы. Первую составляют составы, предусматривающие в качестве уголовно наказуемого финансирование одного преступления, содержащегося в той же самой статье уголовного закона, что и норма об ответственности за финансирование соответствующего преступления. К ним следует отнести преступления, предусмотренные статьями 359, 361 УК РФ. Ко второй группе мы будем относить нормы, содержащиеся в ст. 205¹ и ст. 282³ УК РФ и предусматривающие ответственность за финансирование целого ряда преступлений, ответственность за совершение которых предусмотрена другими статьями уголовного закона. Так, ч. 1 ст. 359 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от четырех до восьми лет, в то время как криминализованное в ч. 3 ст. 359 УК РФ участие наемника в вооруженном конфликте или военных действиях наказывается лишением

свободы на срок от трех до семи лет. При этом, на наш взгляд, именно состав преступления, предусмотренный ч. 3 ст. 359 УК РФ, по аналогии с институтом соучастия следует считать действиями исполнителя, а финансирование – пособничеством исполнителю. В связи с этим не совсем понятна повышенная строгость санкции за финансирование наемника в сравнении с наемничеством в узком смысле этого слова.

Ответственность за финансирование акта международного терроризма, наоборот, необоснованно занижена по сравнению с ответственностью за совершение самого акта международного терроризма. Так, санкция ч. 1 ст. 361 УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы на срок от десяти до двадцати лет. При этом за финансирование акта международного терроризма предусмотрено лишение свободы на срок от пяти до десяти лет, то есть в два раза меньше, чем за совершение основного преступления – акта международного терроризма. Указанное несоответствие пределов санкций за финансирование преступления и совершение финансируемого преступления теоретически поддается объяснению, хотя и не кажется обоснованным. В частности, можно говорить о предопределенной законодателем степени общественной опасности финансирования того или иного преступления, что, в принципе, допустимо.

Однако обращение к санкциям статей 205¹ и 282³ УК РФ и сопоставление их с санкциями финансируемых преступлений позволяет выявить серьезные проблемы пенализационной политики в сфере регламентации уголовной ответственности за финансирование преступлений. Согласно примечанию 1 к ст. 205¹ УК РФ, финансирование терроризма как самостоятельный состав преступления возможен в отношении преступлений, предусмотренных статьями 205, 205¹, 205², 205³, 205⁴, 205⁵, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279 и 360 УК РФ. Указанные преступления существенно различаются по степени общественной опасности. Как следствие, за их совершение предусмотрены самые различные по размеру пределы наказания. Так, наименее строгое наказание предусмотрено за незаконное обращение с ядерными материалами или радиоактивными веществами (ст. 220 УК РФ) – до двух лет лишения свободы. Наиболее строгое наказание – смертная казнь,

предусмотрено за посягательство на жизнь политического или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ). И хотя указанное наказание не применяется в Российской Федерации, оно до сих пор предусмотрено уголовным законом, что позволяет руководствоваться его наличием в санкции статьи для сопоставления размеров ответственности за совершение того или иного преступления.

Немаловажно, что большая часть статей, содержащихся в понятии финансирование терроризма, предусматривает дифференциацию уголовной ответственности при наличии квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков, что создает очень разнообразную «палитру» санкций за совершение предусмотренных в них преступлений.

Примечательно, что финансирование терроризма наказывается лишением свободы на срок от восьми до пятнадцати лет. Следовательно, при определенных обстоятельствах финансирующее лицо будет подлежать необоснованно большей ответственности, чем лицо, которому оказывается содействие в виде финансирования, а при других обстоятельствах – необоснованно меньшей.

В отличие от понятия финансирования терроризма, понятие финансирования экстремистской деятельности сформулировано несколько иначе: оно не содержит ссылки на конкретные статьи уголовного закона, предусматривающие ответственность за финансируемые преступления, а ограничивается отсылкой к собирательному понятию – преступления экстремистской направленности. Согласно примечанию 2 к ст. 282¹ УК РФ, под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса и пунктом «е» части первой статьи 63 настоящего Кодекса. В силу п. 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11, преступления экстремистской направленности можно условно разделить на три группы. Первую группу составляют специальные преступления экстремистской направленности, предусмотренные статьями 280, 280¹, 282, 282¹, 282², 282³ УК РФ. Во

вторую группы входят преступления, совершенные по экстремистским мотивам при наличии соответствующего квалифицирующего признака состава преступления. Наконец, к третьей группе следует относить формально не ограниченный круг деяний, совершаемых по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы³⁰⁸. Перечень данных преступлений является открытым, поскольку ключевым признаком признания их преступлениями экстремистской направленности является наличие в действиях лица соответствующего мотива независимо от того, выступает ли он конструктивным признаком состава преступления или нет.

Финансирование экстремистской деятельности наказывается лишением свободы на срок от трех до восьми лет. Для сравнения, убийство, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы наказывается смертной казнью. Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности (ст. 280 УК РФ) и публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации (ст. 280¹ УК РФ) предусматривают наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет.

Таким образом, конструкция норм об ответственности за финансирование терроризма и финансирование преступлений экстремистской направленности не допускает возможности дифференциации уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности преступления, финансирование которого осуществляется лицом. При этом указанная проблема носит масштабный характер. И если в случае с финансированием терроризма перечень финансируемых преступлений является закрытым, что определенным образом ограничивает масштабы проблемы, то финансирование экстремистской деятельности возможно в отношении любого преступления, совершаемого по экстремистскому мотиву.

³⁰⁸ О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2011. Август. № 8.

Несмотря на приведенные аргументы, В.В. Кустова указывает, что санкции ч. 1 ст. 205¹, ч. 1 ст. 208 и ч. 1 ст. 359 УК РФ неадекватно отражают степень общественной опасности финансирования указанных в ней преступлений по причине их чрезмерной строгости. При этом менее строгие санкции за финансирование экстремистской деятельности автор рассматривает как наиболее близко отражающие истинную степень общественной опасности данного деяния³⁰⁹.

Не считаем, что предопределять степень общественной опасности финансирования как априорно меньшую, чем степень общественной опасности финансируемых преступлений, обоснованно. Также крайне сомнительным нам кажется тезис о том, что предусмотренный за финансирование экстремистской деятельности размер наказания с учетом приведенных ранее аргументов адекватно отражает степень общественной опасности указанного деяния. В силу своего обеспечительного характера финансирование должно соотноситься по размеру ответственности с финансируемым преступлением. При финансировании разных преступлений данное соотношение должно быть различным, дифференцированным, поскольку степень общественной опасности финансирования, на наш взгляд, объективно предопределена финансируемым преступлением и никак не может оставаться постоянной величиной вне зависимости от того, финансируется ли преступление небольшой степени тяжести или особо тяжкое преступление. Указанная проблема имеет методологическую основу. Дело в том, что сама идея сконструировать норму об ответственности за финансирование нескольких преступлений на уровне Особенной части УК РФ обречена на неудачу и при любом раскладе будет влечь указанные ранее негативные последствия для правоприменения.

Проблема соотношения наказуемости финансирования и наказуемости финансируемых преступлений приобретает еще больший масштаб, если обратить внимание на отсутствие взаимосвязи в развитии преступной деятельности финансиста и финансируемого. Несмотря на обеспечительный характер финансирования преступления, его криминализация в виде самостоятельных составов преступления допускает возможность признания наличия в действиях финансирую-

³⁰⁹ Кустова В.В. Указ. соч. С. 164.

щего оконченного состава преступления в случаях, когда финансируемое лицо находится на стадии приготовления или покушения. Ранее нами отмечалось, что санкции за финансирование терроризма и финансирование экстремистской деятельности неадекватно соотносятся с санкциями финансируемых преступлений с учетом степени их общественной опасности. В силу частей 2, 3 ст. 66 УК РФ, размер наказания за приготовление к преступлению и покушение на преступление не может превышать половины и трех четвертей максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за оконченное преступление. Указанные правила назначения наказания создают еще большую пропасть между наказуемостью финансирования и наказуемостью финансируемых преступлений, создавая противоречащее логике и принципу справедливости положение дел.

Учитывая указанные проблемы регламентации ответственности за финансирование преступлений, конструктивно обусловленные криминализацией данной преступной деятельности в качестве самостоятельных составов преступления, мы полагаем необходимым обратиться к положениям института соучастия в преступлении для демонстрации его большей эффективности при противодействии финансированию преступлений. Во-первых, нормы института соучастия в преступлении являются универсальными и распространяют свое действие на все составы Особенной части УК РФ, что исключает необходимость криминализации финансирования в качестве самостоятельных составов преступления и делает Особенную часть уголовного закона менее загруженной. Во-вторых, акцессорная природа института соучастия в преступления устанавливает прямую зависимость ответственности финансирующего от ответственности за финансируемое преступление, поскольку действия финансирующего подлежат квалификации по той же норме, что и действия исполнителя. При этом самостоятельный характер ответственности соучастников позволяет дать надлежащую уголовно-правовую оценку действиям финансиста, индивидуализировать ее. В-третьих, стадия развития преступной деятельности финансиста также зависит от степени доведения исполнителем общего преступного умысла до конца. Указанные принципы института со-

участия в полной мере учитывают обеспечительный характер действий финансирующего и позволяют дать его действиям надлежащую уголовно-правовую оценку.

На основании вышеизложенного мы можем сделать выводы, что криминализация деяний по финансированию в нормах Особенной части УК:

– не обоснована по причине возможности противодействия финансированию преступлений нормами о приготовлении к преступлению и института соучастия в преступлении;

– влечет грубое нарушение принципов пенализации преступлений, а также исключает возможность соблюдения принципа дифференциации уголовной ответственности.

В связи с этим мы полагаем необходимым внести предложение об отказе от самостоятельной криминализации следующих деяний:

– финансирование терроризма (ч. 1¹ ст. 205¹ УК РФ, примечание 1 к ст. 205¹ УК РФ);

– финансирование экстремистской деятельности (ст. 282³ УК РФ);

– финансирование незаконного вооруженного формирования (ч. 1 ст. 208 УК РФ);

– финансирование или иное материальное обеспечение наемника (ч. 1 ст. 359 УК РФ);

– финансирование акта международного терроризма (ч. 2 ст. 361 УК РФ) путем исключения обозначенных норм из действующего уголовного закона России.

§ 3.3. Посредничество в совершении преступлений как выражение пособничества в нормах Особенной части УК РФ

При принятии УК РФ 1996 года законодатель не воспринял модель посредничества как самостоятельного состава преступления. Вместе с тем в практике судов нередко возникали проблемы в квалификации действий посредника во взя-

точничестве. По этой причине в п. 8 утратившего силу Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2000 г. № 6 «О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе» (далее по тексту – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6) было дано разъяснение, согласно которому уголовная ответственность посредника во взяточничестве в зависимости от конкретных обстоятельств по делу и его роли в даче или получении взятки наступает лишь в случаях, предусмотренных статьей 33 УК РФ³¹⁰.

Примечательно, что указанным постановлением не был разрешен вопрос квалификации посредничества в коммерческом подкупе. В то же время подобное отношение к вопросу разъяснения правил квалификации указанного преступления едва ли следует подвергать критике. Ввиду того, что состав коммерческого подкупа по сути представляет собой зеркальное отражение составов получения и дачи взятки, за исключением объектов и субъектов указанных составов преступлений, то и посредническая деятельность в коммерческом подкупе и во взяточничестве имеет аналогичные сходства и различия. В связи с этим Верховному Суду РФ было достаточно дать разъяснения относительно посредничества во взяточничестве как наиболее общественно опасного и распространенного преступления, в то время как квалификация посредничества в коммерческом подкупе производилась по аналогичным правилам.

Впоследствии Федеральным законом от 04.05.2011 № 97-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции» действующий уголовный закон был дополнен статьей 291¹, предусматривающей ответственность за посредничество во взяточничестве³¹¹. Объективную сторону указанного состава преступления составляет непосредственная передача взятки по

³¹⁰ О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного суда от 10 февраля 2000 г. № 6 / Пленум Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2000. № 4 (ныне утратил силу).

³¹¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия коррупции: Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Российская газета. № 97. 06.05.2011.

поручению взяткодателя или взяткополучателя либо иное содействие взяткодателю и (или) взяткополучателю в достижении либо реализации соглашения между ними о получении и даче взятки в значительном размере. При этом следует отметить, что принципиально новой идее включения ст. 291¹ в Особенную часть УК РФ назвать нельзя. Так, УК РСФСР 1960 года содержал ст. 174¹, предусматривающую ответственность за посредничество во взяточничестве³¹². Указанная норма содержала, но не раскрывала понятия посредничества.

Вследствие указанного нормотворчества Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2000 № 6 утратило свою актуальность в части правил квалификации посредничества во взяточничестве по правилам соучастия в преступлении, что послужило одной из причин издания нового Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»³¹³ (далее по тексту – Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24). В связи с этим назрела необходимость отдельно разъяснить правила квалификации посредничества в коммерческом подкупе, что и было сделано высшей судебной инстанцией страны в новом постановлении.

В дальнейшем, дабы привести систему уголовного закона к большему единообразию и логичности, Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» Особенная часть УК РФ была дополнена статьей 204¹, предусматривающей ответственность за посредничество в коммерческом подкупе. Объективную сторону указанного состава преступления образует непосредственная передача предмета коммерческого подкупа (незаконного вознаграждения) по поручению лица, передающего предмет коммерческого подкупа, или лица, получающего предмет коммерческого подкупа, либо иное содействие этим лицам в достижении или реализации соглашения между ними

³¹² Уголовный кодекс РСФСР. Утвержден Верховным Советом РСФСР 27.10.1960 (ред. от 30.07.1996) [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (утратил силу).

³¹³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Сентябрь. № 9.

о передаче и получении предмета коммерческого подкупа, в значительном размере.

Таким образом, на сегодняшний день посредничество в совершении преступления представлено в Особенной части УК РФ в качестве двух самостоятельных составов преступлений: посредничество в коммерческом подкупе (ст. 204¹ УК РФ) и посредничество во взяточничестве (ст. 291¹ УК РФ).

В настоящем параграфе автор ставит своей задачей уголовно-правовой анализ преступлений, предусмотренных статьями 204¹ и 291¹ УК РФ, сопоставление их существенных признаков с отдельными нормами института соучастия в преступлении с целью установления наличия либо отсутствия оснований для криминализации посреднической деятельности в качестве самостоятельных составов преступлений, а также оценку адекватности уголовно-правового противодействия преступному посредничеству нормами Особенной части УК РФ.

Учитывая упомянутое нами сходство коммерческого подкупа и взяточничества, вполне закономерно, что и соответствующие составы посредничества, имеющие акцессорную природу, обладают аналогичным сходством. Более того, посредническая деятельность, криминализованная в качестве самостоятельных составов преступлений, в отличие от коммерческого подкупа и взяточничества не требует наличие у субъектов соответствующих преступлений специальных признаков, что еще больше сближает составы посредничества в коммерческом подкупе и посредничества во взяточничестве. По указанным причинам, а также в силу принципа единообразия содержащихся в уголовном законе терминов и понятий, мы полагаем допустимым рассмотрение посредничества как самостоятельной уголовно-правовой конструкции Особенной части уголовного закона безотносительно к особенностям объектов преступлений, предусмотренных статьями 204¹ и 291¹ УК РФ. В связи с этим посредническая деятельность в настоящем параграфе будет исследоваться на основе анализа общих признаков указанных составов преступлений.

Отдельными криминалистами посредничество во взяточничестве рассматривается в качестве пособничества³¹⁴. Наиболее обстоятельно данная точка зрения была изложена С.А. Ершовым в своем диссертационном исследовании. По мнению исследователя, посредничество во взяточничестве в содержательном плане тождественно пособничеству. В первую очередь автор отмечает, что буквальное толкование термина «посредничество» предполагает «содействие соглашению, сделке между сторонами». Следующим аргументом криминалиста выступает то обстоятельство, что посредник помогает сторонам коррупционной «сделки» осуществить преступление, содействует им в этом, что является прерогативой пособника. Далее автор пристально заостряет внимание на Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 31.07.1962 № 9 «О судебной практике по делам о взяточничестве», раскрывающем термин «посредник» через глагол «способствует», что, по мнению ученого, присуще лишь пособнику³¹⁵.

Приведенная выше аргументация криминалиста касается исключительно интеллектуального посредничества. Схожей позиции придерживается В.И. Ткачев, допускающий возможность относить способствование достижению или реализации соглашения к таким способам деятельности пособника, как содействие советами, указаниями или предоставлением информации при соответствующем совпадении³¹⁶. Данная точка зрения высказывалась ранее Е.К. Краснопеевой³¹⁷.

В то же время проблема понимания физического посредничества, в том числе и в виде непосредственной передачи предмета взятки, С.А. Ершовым так и не решена. По его мнению, физическое посредничество, с одной стороны, можно

³¹⁴ См. например: Бабий Н.А. Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / В.А. Авдеев [и др]; под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова; Хабаровский краевой суд, Дальневосточный филиал Российской академии правосудия. Хабаровск: ООО Издательство «Юрист», 2013; Гарбатович Д.А. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. 2011. № 5. С. 4; Ершов С.А. Пособничество - в Особенной части УК // Законность. 2012. № 11. С. 53; Ершов С.А. Перспективы развития понятия пособника // Российский следователь. 2013. № 24. С. 14; Клименко Ю.А. Квалификация посредничества в коммерческом подкупе и взяточничестве // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 98.

³¹⁵ Ершов С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 135, 137-140.

³¹⁶ Ткачев И.В. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве // Уголовное право. 2012. № 2. С. 66.

³¹⁷ Краснопеева Е.К. Квалификация посредничества и соучастия во взяточничестве // Законность. 2002. № 2. С. 35.

рассматривать как соисполнительство (в случае участника посредника на стороне взяткодателя – прим. А.С.), поскольку его содержанием является выполнение объективной стороны состава, но с другой стороны – посредник содействует лишь технически, фактически выполняя пособническую функцию. Ученый воспринимает любую форму физического посредничества в качестве пособничества, однако критикует редакцию ч. 1 ст. 291¹ УК РФ как противоречащую ч. 5 ст. 33 УК РФ, предусматривающей закрытый перечень действий пособника³¹⁸.

До включения в уголовный закон ст. 291¹ авторами уже высказывался аргумент о несоответствии действий посредника предусмотренным формам пособничества. Так, А.А. Аникин полагал, что ни одна из форм пособнической деятельности не включает в себя действия посредника во взяточничестве, в связи с чем автором было предложено дополнить ч. 5 ст. 33 УК РФ таким способом пособничества, как содействие совершению преступления посредническими действиями³¹⁹. О.С. Капинус оценивала квалификацию посредника в качестве пособника как применение уголовного закона по аналогии³²⁰. Не соглашаясь с действовавшей судебной практикой, признававшей посредничество во взяточничестве соучастием в виде пособничества, В.В. Васюков тем не менее считал это единственно возможной оценкой действий посредника³²¹. Критикуя квалификацию действий посредника как соучастие в преступлении, Б.В. Волженкин указывал на наличие в действиях посредника идеальной совокупности преступлений – получения взятки и дачи взятки, в связи с чем криминалист полагал необходимым включение состава посредничества в Особенную часть УК РФ³²².

Следует отметить, что пособник не единственная разновидность соучастников, с которым в литературе сравнивают или отождествляют посредника. В частности, И.В. Ткачев допускает, что действия последнего могут соответствовать деятельности организатора в форме организации преступления или руководства его

³¹⁸ Ершов С.А. Указ. соч. С. 141-142.

³¹⁹ Аникин А.А. Ответственность за взяточничество по новому УК // Законность. 1997. № 6. С. 33; Аникин А.А. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2009. № 3. С. 18.

³²⁰ Капинус О.С. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности // Уголовное право. 2011. № 2. С. 25.

³²¹ Васюков В.В. Понятие посредника и заказчика // Законность. 2006. С. 26.

³²² Волженкин Б.В. Служебные преступления. М.: Юрист, 2000. С. 248.

совершением³²³. Точка зрения автора вызывает у нас определенные сомнения. Если лицо организует преступление или руководит его совершением, выполняя при этом отдельные посреднические функции, оно тем не менее выступает в роли организатора и квалифицироваться его действия должны как соучастие в преступлении в качестве организатора.

По нашему мнению, действия посредника, в зависимости от того, на чьей стороне он действует, должны квалифицироваться как соучастие в виде пособничества в получении или даче взятки либо в коммерческом подкупе или как соисполнительство дачи взятки или коммерческого подкупа. Данный тезис учитывает любую форму посредничества.

Как было указано ранее, интеллектуальное посредничество проявляется в способствовании достижению или реализации соглашения о получении и даче взятки либо о передаче и получении предмета коммерческого подкупа советами, указаниями, предоставлением информации. Вполне реальны действия посредника, выразившиеся в заранее данном обещании скрыть преступника, средства или орудия совершения преступления, следы преступления либо предметы, добытые преступным путем, а равно в заранее данном обещании приобрести или сбыть такие предметы. В этих случаях квалификации действий посредника как пособничества соответствует актуальная редакция ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Несколько сложнее обстоит вопрос с физическим посредничеством, которое охватывает и непосредственную передачу предмета взятки или коммерческого подкупа, предусмотренную ч. 1 ст. 291¹ УК РФ и ч. 1 ст. 204¹ УК РФ. Пособник может оказывать содействие совершению преступления в виде устранения препятствий для совершения преступления. П.И. Гришаев и Г.А. Кригер были солидарны с тем, что перечень способов пособничества, указанный в ст. 17 УК РСФСР 1960 года (советы, указания, предоставление средств, устранение препятствий) охватывает все возможные способы содействия совершению преступления³²⁴. Учитывая приведенную позицию ученых, а также результаты проведенного ранее

³²³ Ткачев И.В. Указ. соч. С. 66.

³²⁴ Гришаев П.И., Кригер Г.А. Указ. соч. С. 154.

анализа пособнической деятельности, мы полагаем, что такой способ пособничества как устранение препятствий охватывает неограниченно широкий круг форм физического содействия совершению преступления, в том числе и физическое посредничество во взяточничестве либо в коммерческом подкупе.

Исключением из данного правила может стать лишь такая форма физического посредничества, как непосредственная передача предмета взятки или предмета коммерческого подкупа. При участии посредника на стороне взяткополучателя либо получателя предмета коммерческого подкупа его действия следует рассматривать как соучастие в форме пособничества. Правовым основанием для подобной правовой оценки выступает норма, содержащаяся в ч. 4 ст. 34 УК РФ, в соответствии с которой лицо, не являющееся субъектом преступления, специально указанным в соответствующей статье Особенной части Уголовного Кодекса, участвовавшее в совершении преступления, предусмотренного этой статьей, несет уголовную ответственность за данное преступление в качестве его организатора, подстрекателя либо пособника.

Однако приведенное правило обусловлено не только особенностями субъектов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 204¹ УК РФ и ч. 1 ст. 290 УК РФ. Так, А.В. Плужников справедливо акцентирует внимание на том, что выполнение объективной стороны получения взятки предполагает нарушение специальных обязанностей, предусмотренных должностными полномочиями лица³²⁵. Поскольку лицо, не наделенное признаками специального субъекта, неспособно выполнить объективную сторону состава преступления, оно также не может самостоятельно причинить вред объекту преступления. Изложенное свидетельствует о наличии сходства в действиях взяткополучателя либо получателя предмета коммерческого подкупа и посредника, непосредственно передающего ему предмет взятки либо коммерческого подкупа, однако это не дает оснований для признания последнего соисполнителем получения взятки или предмета коммерческого подкупа. При этом А.Н. Трайнин справедливо утверждал, что в такой форме, как

³²⁵ Плужников А.В. Указ. соч. С. 117.

устранение препятствий совершения преступления, пособничество сближается с исполнением³²⁶.

Опираясь на перечисленные выше аргументы, мы полагаем справедливым и законодательно обоснованным воспринимать действия по непосредственной передаче предмета взятки или предмета коммерческого подкупа в качестве содействия совершению преступления устранением препятствий. Непосредственное участие должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, в процессе получения предмета взятки либо коммерческого подкупа от взяткодателя или лица, передающего предмет коммерческого подкупа, создает риск для первого быть уличенным в совершаемом им преступлении. Услуги посредника направлены на снижения возможности установить личность взяткополучателя либо получателя предмета коммерческого подкупа, затруднение сбора доказательств для привлечения его к ответственности. Наличие указанных рисков при непосредственном получении предмета взятки или коммерческого подкупа и есть то препятствие, на устранение которого направлены действия посредника, которые исключают очное взаимодействие сторон коррупционной сделки.

В качестве аргумента изложенному мы также полагаем необходимым обратиться к упомянутым разъяснениям высшей судебной инстанции относительно квалификации посредничества в коммерческом подкупе, которые были даны до включения ст. 204¹ в УК РФ. Так, согласно абз. 4 п. 15 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными статьей 290 или статьей 204 УК РФ, участвующих в получении взятки или предмета коммерческого подкупа группой лиц по предварительному сговору, квалифицируются соответственно как посредничество во взяточничестве (статья 291¹ УК РФ) или соучастие в коммерческом подкупе (статья 204 УК РФ со ссылкой на статью 33 УК РФ).

Аналогичная квалификация была предложена высшей судебной инстанции страны в п. 19 указанного постановления и применительно к вымогательству

³²⁶ Трайнин А.Н. Указ. соч. С. 301.

предмета коммерческого подкупа с согласия или по указанию лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, осуществляемого другим лицом, не являющимся получателем предмета коммерческого подкупа³²⁷.

Тем самым высший судебный орган признал, что посредничество в коммерческом подкупе на стороне лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, по своей правовой природе представляет соучастие в преступлении. И лишь наличие специальной нормы, предусмотренной ст. 291¹ УК РФ, не позволило Верховному Суду РФ дать аналогичную рекомендацию применительно к посредничеству во взяточничестве.

Совершенно с иных позиций следует оценивать действия посредника, выступающего на стороне взяткодателя либо лица, передающего предмет коммерческого подкупа. В отличие от аналогичных действий, совершенных в пользу взяткополучателя либо получателя предмета коммерческого подкупа, общий субъект способен выполнить объективную сторону составов дачи взятки и коммерческого подкупа. Так, А.А. Аникин не видел препятствий для квалификации действий посредника как соисполнителя дачи взятки в случаях его участия на стороне взяткодателя³²⁸.

При этом отдельные авторы предприняли попытки разграничить составы дачи взятки и посредничества во взяточничестве по такому критерию, как принадлежность имущества, подлежащего передаче в качестве предмета взятки³²⁹. Этой же позиции придерживается и Верховный Суд РФ³³⁰.

Данный подход был обоснованно подвергнут критике И.В. Ткачевым: уголовный закон не содержит обязательных требований к принадлежности имуще-

³²⁷ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Сентябрь. № 9.

³²⁸ Аникин А.А. Взятничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему: дис. ... канд. юрид. наук. Владивосток, 2009. С. 95; Аникин А.А. Ответственность за взяточничество по новому УК // Законность. 1997. № 6. С. 33; Аникин А.А. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2009. № 3. С. 18.

³²⁹ См., например: Капинус О.С. Указ. соч. С. 25; Яни П.С. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 14; Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве. Законность. 2013. № 2. С. 28.

³³⁰ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Сентябрь. № 9.

ства, выступающего предметом взятки³³¹. И мы с этим согласны. Однако позиция криминалиста также не кажется нам бесспорной. И.В. Ткачев проводит разграничение между посредником и взяткодателем в зависимости от того, для кого из лиц, участвующих в коррупционной сделке на стороне взяткодателя наступают благоприятные последствия в виде действий должностного лица³³². Подобная точка зрения ранее уже высказывалась Б.В. Волженкиным, который отмечал, что посредник, в отличие от взяткодателя, передает взятку по поручению последнего и не добивается за счет этого каких-либо привилегий, исходящих от поведения должностного лица³³³.

В то же время в соответствии с ч. 2 ст. 33 УК РФ, исполнителем преступления признается в том числе лицо, непосредственно участвовавшее в совершении преступления совместно с другими лицами (соисполнителями).

Согласимся с В.В. Васюковым, который совершенно верно подметил, что «при соисполнении действия каждого могут как полностью воспроизводить собой объективную сторону состава преступления, так и её часть (так называемое соисполнение с техническим распределением ролей или совиновничество)»³³⁴. При этом считаем, что для квалификации действий посредника в качестве соисполнителя не играет решающего значения отсутствие для него прямой выгоды от действий должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. Для признания лица соисполнителем достаточно, чтобы его умыслом охватывалось использование взяткополучателем либо получателем предмета коммерческого подкупа своих полномочий в пользу другого взяткодателя или лица, передающего предмет коммерческого подкупа. На это, в частности, указывает формулировка ч. 1 ст. 290 УК РФ, согласно которой должностное лицо совершает действия в пользу взяткодателя или представляемых им лиц. Диспозиция нормы под взяткодателем подразумевает лицо, непосредственно передающее предмет взятки, в то время как под представляемым лицом следует

³³¹ Ткачев И.В. Указ. соч. С. 65.

³³² Там же.

³³³ Волженкин Б.В. Указ. соч. С. 247.

³³⁴ Васюков В.В. Указ. соч. С. 123.

понимать взяткодателя, являющегося конечным выгодоприобретателем. В свою очередь указание в ст. 291 УК РФ на возможность передачи предмета взятки через посредника подразумевает под последним соисполнителя дачи взятки, непосредственно передающего имущество должностному лицу, однако не извлекающим выгоду от преступного поведения взяткополучателя. Аналогичная аргументация применима и к преступлению, предусмотренному ч. 4 ст. 204 УК РФ.

Несмотря на то, что действующие разъяснения высшей судебной инстанции относительно правил квалификации посредничества в коммерческом подкупе утратили свою актуальность с введением в уголовный закон ст. 204¹, обращение к ним необходимо для решения вопроса о правовой природе посреднической деятельности. Согласно абз. 2 п. 28 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, должностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, поручившие подчиненному по службе работнику для достижения желаемого действия (бездействия) в интересах своей организации передать лицу, выполняющему управленческие функции в коммерческой или иной организации, незаконное вознаграждение, несет ответственность по части 1 или части 2 статьи 204 УК РФ, а работник, выполнивший его поручение, – по части 5 статьи 33 и части 1 или части 2 статьи 204 УК РФ³³⁵.

При этом не совсем понятно, почему высший судебный орган акцентирует внимание на том, что поручение о передачи предмета коммерческого исходит от специального субъекта – должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации. Так, субъект преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 204 УК РФ, является общим, в связи с чем для признания работника организации соисполнителем коммерческого подкупа вовсе необязательно, чтобы он обладал признаками одного из специальных субъектов преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 204 УК РФ и ч. 1 ст. 290 УК РФ. Ключевым выступает то, что такой работник частично выполняет сторону состава ком-

³³⁵ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Сентябрь. № 9.

мерческого подкупа, в связи с чем он должен быть признан соисполнителем данного преступления.

Также следует обратить внимание на содержание п. 15.1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.06.2006 № 14, согласно которому в случае, когда лицо передает приобретателю наркотические средства, психотропные вещества или их аналоги, растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества, по просьбе (поручению) другого лица, которому они принадлежат, его действия следует квалифицировать как соисполнительство в незаконном сбыте указанных средств, веществ, растений³³⁶. Иными словами, посредничество в сбыте наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их части, содержащие наркотические средства или психотропные вещества понимается Верховным Судом РФ именно как соисполнительство. При этом факт принадлежности наркотических средств или психотропных веществ другому лицу, а не самому посреднику, не является для высшей судебной инстанции препятствием для квалификации подобных действий именно как соисполнительства.

Таким образом, по нашему мнению, действия по непосредственной передаче предмета взятки либо предмета коммерческого подкупа в случае, если посредник действует на стороне взяткодателя либо лица, передающего предмет коммерческого подкупа, должно расцениваться как соисполнительство в даче взятки либо коммерческом подкупе.

Помимо того, что криминализация посредничества в качестве самостоятельных составов преступлений недостаточно обоснована, поскольку посредническая деятельность может в полной мере регулироваться нормами института соучастия в преступлении, возведение посредника в ранг исполнителя самостоятельных преступлений образует противоречие с принципом справедливости, а

³³⁶ О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. Август. № 8.

также влечет негативные последствия для правоприменения, на которые следует обратить внимание.

Так, посредничество подпадает под признаки соответствующих составов преступлений лишь при значительном размере взятки или предмета коммерческого подкупа, который составляет двадцать пять тысяч рублей (примечание 1 к ст. 290 УК РФ, примечание 1 к ст. 204 УК РФ).

В.Н. Борков считает обоснованным ограничение ответственности посредника значительным размером передаваемого имущества ввиду того, что сговор сторон коррупционной сделки образует приготовление к совершению соответствующих преступлений. А поскольку уголовно наказуемо лишь приготовление к тяжкому и особо тяжкому преступлению, подмечает автор, то и ответственность посредника ограничена лишь случаями значительного размера, который для взяткополучателя и взяткодателя образует тяжкое преступление³³⁷.

Согласимся с этим лишь отчасти. Так, полагаем правильным расценивать совершение посредником действий по способствованию достижению соглашения между взяткополучателем и взяткодателем до момента начала передачи предмета взятки как приготовление. Однако если взяткодатель начал совершать действия по передаче предмета взятки, но должностное лицо отказалось его принять, то имеет место покушение на преступление. В случае же принятия последним предмета взятки налицо оконченное преступление.

Вызывает возражения мнение В.Н. Боркова и в части оценки в качестве приготовления к совершению преступления совершения посредником действий, направленных на реализацию соглашения, в том числе при непосредственной передаче предмета взятки. Из буквального толкования ч. 1 ст. 291¹ УК РФ следует, что действия посредника при способствовании передаче (получению) взятки в размере, не достигающим значительного, не образуют состав посредничества во взяточничестве. При этом ответственность «сторон» коррупционной сделки не исключается.

³³⁷ Борков В.Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4. С. 9.

Указанное законодательное решение вызвало ряд критических замечаний со стороны теоретиков и породило немало дискуссий в уголовно-правовой доктрине. Одни авторы предлагают квалифицировать действия посредника при размере взятки меньше значительного аналогично тому, как это было до введения анализируемой статьи в уголовный закон, то есть как соучастие в форме пособничества в даче или в получении взятки³³⁸. Так, Д.А. Гарбатович в обоснование своей позиции ссылается на правило о конкуренции общей и специальной норм, полагая, что посредничество во взяточничестве является нормой специальной, в то время как пособничество в даче или получении взятки – общей, поскольку первая сформулирована более детально³³⁹.

Подобная аргументация кажется нам недостаточно убедительной. Действительно, нормы о пособничестве дачи или получению взятки в размере менее значительного, на наш взгляд, соотносятся с нормой о посредничестве во взяточничестве как общая и специальная. В то же время, толкуя уголовный закон, следует также выявлять подлинный смысл тех или иных правотворческих актов. По нашему мнению, включением в уголовный закон ст. 291¹ законодатель тем самым произвел декриминализацию посредничества во взяточничестве в размере, не достигающем значительного. По указанной причине мы солидарны с теми криминалистами, кто не усматривает в уголовном законе оснований для ответственности лица, выступающего посредником при получении и даче взятки в незначительном размере³⁴⁰, ибо «иное понимание есть не толкование, а корректировка уголовного закона»³⁴¹. А.Г. Кибальник справедливо усматривает в возможности

³³⁸ См. например: Гарбатович Д.А. Указ. соч. С. 5; Иногамова-Хегай Л.В. Сложные вопросы квалификации служебных преступлений, требующие разрешения в Постановлении Пленума Верховного Суда. Уголовное право. 2013. № 5. С. 74; Клименко Ю.А. Указ. соч. С. 101; Яни П.С. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 12.

³³⁹ Гарбатович Д.А. Указ. соч. С. 5.

³⁴⁰ См., например: Белов С.Д., Чекмачева Н.В. Уголовное преследование за посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 10. С. 41; Бугаевская Н.В., Головин А.Ю. Проблемные аспекты квалификации взяточничества // Уголовное право. 2013. № 5. С. 42; Егорова Н. А. «Острые углы» проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ о коррупционных преступлениях // Уголовное право. 2013. № 5. С. 65; Кибальник А.Г. «Призраки» понимания взяточничества и коммерческого подкупа // Уголовное право. 2013. № 5. С. 77; Любавина М.А. О некоторых проблемах квалификации преступлений коррупционного характера // Уголовное право. 2013. № 5. С. 90; Талан М.В., Тарханов И.А. Посредничество во взяточничестве в уголовном праве России // Уголовное право. 2013. № 5. С. 107; Хлустиков Н.Н., Лазарев А.В. Изменения уголовного законодательства в сфере борьбы с коррупцией: негативные последствия и проблемы правоприменения // Законность. 2017. № 2. С. 28.

³⁴¹ Любавина М.А. Указ. соч. С. 90.

привлечения к ответственности за посредничество во взяточничестве в незначительном размере прямое нарушение принципа законности³⁴². Так же и посредничество в коммерческом подкупе образует состав соответствующего преступления при размере предмета коммерческого подкупа не менее значительного. Данный тезис подтвержден Верховным Судом Российской Федерации³⁴³.

Посредничество во взяточничестве и получение либо дача взятки, а равно посредничество в коммерческом подкупе и коммерческий подкуп есть преступления взаимосвязанные. Посредник выступает как лицо, способствующее сторонам коррупционной сделки. Однако момент окончания преступлений, предусмотренных статьями 204, 290, 291 УК РФ, с одной стороны, и преступлений, предусмотренных статьями 204¹, 291¹ УК РФ, – с другой, может не совпадать. По этой причине мы бы хотели более детально остановиться на спорных моментах вопроса о стадиях развития преступной деятельности посредничества.

В п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 разъяснено, что получение и дача взятки, а равно незаконного вознаграждения при коммерческом подкупе, посредничество во взяточничестве в виде непосредственной передачи взятки считаются оконченными с момента принятия должностным лицом либо лицом, выполняющим управленческие функции в коммерческой или иной организации, хотя бы части передаваемых ему ценностей (например, с момента передачи их лично должностному лицу, зачисления с согласия должностного лица на счет, владельцем которого оно является). При этом не имеет значения, получили ли указанные лица реальную возможность пользоваться или распоряжаться переданными им ценностями по своему усмотрению³⁴⁴.

В пункте 12 указанного постановления Верховным Судом РФ отмечено, что, в случае, если должностное лицо или лицо, осуществляющее управленческие

³⁴² Кибальник А.Г. Указ. соч. С. 77.

³⁴³ Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ - 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016) / Президиум Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. Декабрь. № 12.

³⁴⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Сентябрь. № 9.

функции в коммерческой или иной организации, отказалось принять взятку или предмет коммерческого подкупа, действия лица, непосредственно направленные на их передачу, подлежат квалификации как покушение на преступление, предусмотренное статьей 291 или статьей 291¹ УК РФ, частью 1 или частью 2 статьи 204 УК РФ.

Если условленная передача ценностей не состоялась по обстоятельствам, не зависящим от воли лиц, действия которых были непосредственно направлены на их передачу или получение, содеянное следует квалифицировать как покушение на дачу либо получение взятки, на посредничество во взяточничестве или коммерческий подкуп³⁴⁵.

Приведенная позиция высшего судебного органа государства, на наш взгляд, адекватно отражает акцессорный характер преступления, предусмотренного ст. 291¹ УК РФ, и полностью соответствует принципу справедливости. Аналогично и с включением в УК РФ ст. 204¹ в случае отказа лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, принять от посредника предмет коммерческого подкупа, действия последнего подлежат квалификации как покушение на преступление, предусмотренное ст. 204¹ УК РФ.

Не соглашаясь с разъяснениями Пленума Верховного Суда РФ, отдельные авторы отмечают, что действия посредника представляют собой оконченное преступление и в тех случаях, когда предмет взятки был передан им другому посреднику³⁴⁶.

Веский аргумент в защиту позиции Верховного Суда РФ выдвинул проф. П.С. Яни, который акцентирует внимание на том, что в диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ объективная сторона состава посредничества во взяточничестве предусматривает непосредственную передачу взятки. Буквальное толкование указанной нормы приводит автора к правильному выводу, что посредничество во взяточни-

³⁴⁵ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Сентябрь. № 9.

³⁴⁶ См., например: Ткачев И.В. Указ. соч. С. 64.

честве является оконченным лишь при передаче предмета взятки посредником непосредственно взяткополучателю³⁴⁷.

Действительно, содержание диспозиции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ позволяет заключить, что посредничество следует считать оконченным именно в момент получения предмета взятки или коммерческого подкупа конечным адресатом при отсутствии иных посредников. По нашему мнению, в случае участия в коррупционной схеме нескольких посредников, если взяткополучатель или получатель предмета коммерческого подкупа не принял предмет взятки, действия всех посредников следует квалифицировать как покушение на соответствующий состав посредничества.

Приведенные выше доводы позволяют отчасти возразить тем, кто считает, что появление ст. 291¹ в УК РФ кардинально сдвинуло момент окончания посредничества во взяточничестве относительно дачи либо получения взятки³⁴⁸.

В то же время мы признаем, что момент окончания посредничества, выражающегося в таких формах как способствование достижению или реализации соглашения между взяткодателем и взяткополучателем либо сторонами коммерческого подкупа, не совпадает с моментом окончания преступлений, предусмотренных статьями 204, 290, 291 УК РФ. По данной проблеме учеными высказываются различные точки зрения. Так, И.В. Ткачев воспринимает анализируемое преступление как оконченное только в том случае, если действия посредника привели к результату в виде достижения соглашения между взяткодателем и (или) взяткополучателем³⁴⁹.

В свою очередь для признания посредничества во взяточничестве в рассматриваемой форме оконченным преступлением П.С. Яни считает достаточным совершение посредником действий, направленных на достижение соглашения между взяткодателем и (или) взяткополучателем. Результативность данных действий автор выносит за рамки состава преступления³⁵⁰. Данная позиция импони-

³⁴⁷ Яни П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве // Законность. 2013. № 2. С. 26.

³⁴⁸ См. например: Ображиев К.В., Чашин К.В. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели // Уголовное право. 2013. № 6. С. 33.

³⁴⁹ Ткачев И.В. Указ. соч. С. 64.

³⁵⁰ Яни П.С. Указ. соч. С. 26.

рует нам в большей мере. Составы преступлений, предусмотренные статьями 204¹ и 291¹ УК РФ, сконструированы как формальные и содержат в себе указание на конкретную совокупность действий, признаваемых преступными, в связи с чем выполнение этих действий в указанном объеме образует состав оконченного преступления независимо от достигнутого результата.

Насчет такой формы деятельности посредника как способствование взяткополучателю и взяткодателю реализации соглашения между ними исследователи единогласны во мнении: преступление считается оконченным с момента совершения посредником действий, направленных на реализацию достигнутого ранее соглашения³⁵¹. Данный тезис также справедлив и для определения момента окончания посредничества в коммерческом подкупе, совершенном указанным способом.

Следует отметить, что судебная практика по вопросам окончания посредничества в виде способствования сторонам получения и дачи взятки либо коммерческого подкупа в достижении либо реализации соглашения между ними достаточно неоднозначна.

Так, действия Е., выразившиеся в способствовании сторонам коммерческого подкупа в достижении и реализации соглашения между ними были расценены судом как приготовление к коммерческому подкупу, поскольку действия получателей коммерческого подкупа также квалифицированы как приготовление к совершению соответствующих преступлений. Нам также видится достаточно интересным вывод суда, согласно которому Е. является посредником, то есть соучастником преступления, поэтому квалификация ее действий как оконченного преступления в отсутствие оконченного состава преступления, предусмотренного ст. 204 УК РФ, является незаконной³⁵². По другому делу Постановлением Президиума Севастопольского городского суда от 27.12.2017 № 44у-41/2017 действия М., выразившиеся в ином способствовании в реализации соглашения о получении и передаче взятки, были переквалифицированы с ч. 4 ст. 291¹ УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 4

³⁵¹ См., например: Ткачев И.В. Указ. соч. С. 64; Яни П.С. Указ. соч. С. 26.

³⁵² Приговор Кировского районного суда г. Ярославля от 13.03.2017 по делу № 1-36/2017. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/УКОм2> (дата обращения: 27.08.2018)

ст. 291¹ УК РФ, поскольку передаваемое имущество не было получено взяточполучателем. При этом суд, ссылаясь на п. 10, 11 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 года № 24, указал, что «...получение и дача взятки, а равно посредничество во взяточничестве считаются окончанным преступлением с момента принятия должностным лицом хотя бы части передаваемых ему ценностей или с начала выполнения действий, непосредственно направленных на приобретение им имущественных выгод...», что и послужило отправной точкой мотивировочной части постановления³⁵³. При внимательном анализе указанного судебного акта можно обнаружить, что, цитируя разъяснение Верховного Суда РФ, Президиум Севастопольского городского суда допустил ошибку, поскольку не указал, что в указанных разъяснениях речь идет исключительно о посредничестве в виде непосредственной передаче предмета взятки, что в конечном итоге ставит под сомнение обоснованность данного судебного акта.

В свою очередь Калининградский областной суд, переqualифицировав действия П. с ч. 6 ст. 290 УК РФ на ч. 3 ст. 30, ч. 6 ст. 290 УК РФ, посчитал обоснованной квалификацию действий Д., выразившихся в ином способствовании в достижении и реализации соглашения о получении и даче взятки, по ч. 4 ст. 291¹ УК РФ³⁵⁴. По аналогичному делу Л. был осужден за иное способствование в достижении и реализации соглашения о получении и даче взятки по ч. 2 ст. 291¹ УК РФ, в то время как действия перспективного взяточполучателя были квалифицированы судом первой инстанции по ч. 3 ст. 30, ч. 2 ст. 290 УК РФ³⁵⁵.

Также приговором Тверского районного суда г. Москвы, П. и О. признаны виновными в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 291¹ УК РФ, при том, что К. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 3 ст. 290 УК РФ. Действия П. и О. расценены судом как иное способствование в достижении и реализации соглашения между взяточполу-

³⁵³ Постановление Президиума Севастопольского городского суда от 27.12.2017 № 44у-41/2017. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁵⁴ Апелляционное определение Калининградского областного суда от 27.10.2014 по делу № 22-1197/2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/6EBxv> (дата обращения: 27.08.2018).

³⁵⁵ Приговор Брасовского районного суда Брянской области от 04.04.2017 по делу № 1-18/2017. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/qKLO0> (дата обращения: 27.08.2018).

чателем и взяткодателем. При этом как следует из описательной части приговора способствование в реализации соглашения о получении и даче взятки оказывал лишь П. В частности, им был предоставлен счет электронного кошелька, на который были переведены денежные средства, составляющие предмет взятки. В свою очередь фактическое поведение О. не позволяет расценивать его действия иначе, как способствование лишь достижению соглашения о получении и даче взятки. Судом также отмечено, что объективная сторона преступления, совершенного П., была окончена в момент зачисления денежных средств на открытый им электронный кошелек³⁵⁶. Таким образом суд признал, что иное способствование в достижении и реализации соглашения между взяткополучателем и взяткодателем является окончанным с момента совершения соответствующих действий вне зависимости от получения предмета взятки взяткополучателем.

Имеются в судебной практике и обобщенные правовые мотивировки касательно момента окончания посредничества во взяточничестве в рассматриваемой форме. Так, Тушинский районный суд г. Москвы в приговоре от 19.05.2014 по делу № 1-44/2014 отметил, что «...При посредничестве во взяточничестве в виде иного способствования взяткодателю и (или) взяткополучателю окончанный состав преступления будет иметь место с момента совершения действий, образующих указанное способствование...»³⁵⁷. Московский городской суд в апелляционном определении от 26.04.2018 по делу № 10-5774/2018 указал, что «...Исходя из положений действующего законодательства, в частности диспозиции ст. 291.1 УК РФ, посредничество во взяточничестве может быть признано окончанным преступлением до момента непосредственной передачи взяткополучателю оговоренных ценностей лишь в том случае, если действия субъекта характеризовались иным способствованием в достижении и реализации соглашения о передаче взятки...»³⁵⁸.

³⁵⁶ Приговор Тверского районного суда г. Москвы от 21.10.2014 по делу № 1-273/2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/zC7E2> (дата обращения: 27.08.2018).

³⁵⁷ Приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 19.05.2014 по делу № 1-44/2014. [Электронный ресурс] // URL: <http://qps.ru/ZEsDk> (дата обращения: 27.08.2018)

³⁵⁸ Апелляционное определение Московского городского суда от 26.04.2018 по делу № 10-5774/2018. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Федеральным законом от 03.07.2016 № 324-ФЗ объективная сторона составов преступлений, предусмотренных статьями 204, 290, 291 УК РФ, была уточнена³⁵⁹. В частности, получение и дача взятки либо коммерческий подкуп теперь могут совершаться посредством передачи предмета взятки либо коммерческого подкупа физическому или юридическому лицу, указанному взяткополучателем либо получателем предмета коммерческого подкупа. Взаимосвязь данной новеллы с положениями норм об ответственности за посредничество, а также оценка момента окончания преступлений в случае совершения их в указанной форме требуют истолкования.

Крайне противоречивыми нам представляются рассуждения В.Н. Боркова по данному вопросу. Изначально автор утверждает, что рассматриваемый способ взятничества есть не что иное, как получение взятки самим должностным лицом³⁶⁰. В этой части мы солидарны с криминалистом. В п. 23 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 09.07.2013 № 24 отмечено, что, если за совершение должностным лицом действий (бездействие) по службе имущество передается, имущественные права предоставляются, услуги имущественного характера оказываются не лично ему либо его родным или близким, а заведомо другим лицам, в том числе юридическим, и должностное лицо, его родные или близкие не извлекают из этого имущественную выгоду, содеянное не может быть квалифицировано как получение взятки³⁶¹. Содержания данного разъяснения позволяет заключить, что получение взятки либо предмета коммерческого подкупа предполагает наличие корыстного мотива, выражающегося в возможности извлечения имущественной выгоды взяткополучателем либо получателем предмета коммерческого подкупа, а равно их родными и близкими. По этой причине если из передачи имущества или оказания услуг имущественного характера третьим лицам долж-

³⁵⁹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 324-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. 04 июля. № 27 (ч. II). ст. 4257.

³⁶⁰ Борков В.Н. Получение взятки путем указания о ее передаче другим лицам // Законность. 2016. № 11. С. 43; Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации "мелких" взяточников // Современное право. 2017. № 1. С. 82.

³⁶¹ О судебной практике по делам о взятничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Сентябрь. № 9.

ностное лицо либо лицо, выполняющее управленческие функции в коммерческой или иной организации, извлекает определенную имущественную выгоду, то его следует рассматривать в качестве взяткополучателя либо получателя предмета коммерческого подкупа даже если оно не является выгодоприобретателем в полном смысле этого слова. В частности, лицом может быть дано указание на передачу предмета взятки либо коммерческого подкупа одному из своих кредиторов в счет погашения долга. В данном случае следует говорить о том, что лицо получает услуги имущественного характера опосредованно, за счет освобождения от обязательств перед третьими лицами. Корыстная заинтересованность может быть воплощена и в любых других формах, что тем не менее не влияет на квалификацию действий взяткополучателя либо получателя предмета коммерческого подкупа.

Несмотря на это, впоследствии В.Н. Борков отмечает, что лицо, которому по указанию должностного лица передается предмет взятки и которое при этом осознает его преступное происхождение, подлежит ответственности за посредничество во взяточничестве³⁶². Мы согласны с данным тезисом лишь отчасти. Так, если взятка получена физическим лицом с целью ее дальнейшей передачи должностному лицу, иному физическому или юридическому лицу, то данное физическое лицо выполняет функции посредника. При этом, по нашему мнению, физическое лицо, являющееся конечным приобретателем имущества или услуг имущественного характера и осознающее преступный характер действий взяткополучателя и посредника, в качестве посредника рассматриваться не может. По своей природе посредник есть фигура, являющаяся промежуточным звеном между сторонами коррупционной сделки. На посреднике не может заканчиваться «движение» предмета взятки. В пользу несостоятельности критикуемого подхода можно привести и иные доводы. В новом способе получения взятки наряду с физическим лицом в качестве конечного адресата указано и юридическое лицо. При этом сам способ совершения преступления не ставится в зависимость от статуса лица, ко-

³⁶² Борков В.Н. Получение взятки путем указания о ее передаче другим лицам // Законность. 2016. № 11. С. 44; Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации "мелких" взяточников // Современное право. 2017. № 1. С. 83.

торое указано взятополучателем. Иными словами, он в равной мере приемлем как для физических, так и для юридических лиц. В то же время в качестве посредника (в смысле уголовного закона) юридическое лицо выступать не может.

Криминализованный формат взяточничества и коммерческого подкупа требует уточнения момента окончания преступления, совершенного новым способом. Спорную, на наш взгляд, позицию по данному вопросу занимает В.Н. Борков, который предлагает считать получение взятки в рассматриваемой форме оконченным с момента дачи должностным лицом указания взятодателю или посреднику о передачи предмета взятки конкретному физическому или юридическому лицу (лицам)³⁶³. Данная точка зрения вызывает возражения. Следуя логике автора, действия взятополучателя содержат в себе окончанный состав преступления даже на том этапе коррупционной сделки, когда взятодатель еще не приступил к выполнению объективной стороны состава дачи взятки. Иными словами, на стороне взятополучателя имеет место окончанный состав, в то время как действия взятодателя следует расценивать лишь как приговорительные. Полагаем, что критикуемый подход есть не что иное, как расширительное толкование уголовного закона, противоречащее принципам законности и справедливости. Диспозиция ст. 290 УК РФ прямо говорит о получении взятки. Данная формулировка, как было обосновано нами ранее, должна учитываться и при рассматриваемом способе взяточничества. До тех пор, пока конечный адресат не получил хотя бы часть предмета взятки, действия должностного лица не подлежат квалификации как окончанное преступление.

Несмотря на это, В.Н. Борков заостряет внимание на том, что «...преступление, предусмотренное ст. 290 УК РФ, состоит в получении взятки именно должностным лицом, а не иным физическим или юридическим лицом»³⁶⁴. Как было обосновано нами ранее, получение предмета взятки физическим или

³⁶³ Борков В.Н. Получение взятки путем указания о ее передаче другим лицам. Законность. 2016. № 11. С. 44; Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации "мелких" взяточников. Современное право. 2017. № 1. С. 83.

³⁶⁴ Борков В.Н. Получение взятки путем указания о ее передаче другим лицам // Законность. 2016. № 11. С. 44; Борков В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации "мелких" взяточников // Современное право. 2017. № 1. С. 83.

юридическим лицом в рассматриваемом способе взяточничества и есть получение взятки (в форме выгоды имущественного характера) самим взяткополучателем. Более того, автор придерживается этой точки зрения в своих работах, на что было указано выше. Помимо этого, мы полагаем, что подобная аргументация криминалиста в принципе должна исключать возможность получения взятки посредством указания о ее передаче физическому или юридическому лицу, ведь в конечном итоге должностное лицо не получает предмета взятки.

При этом в случае совершения коррупционной сделки при способствовании посредника на момент получения последним предмета взятки действия «сторон» и посредника будут образовывать приготовление к совершению соответствующих преступлений. Оконченным каждое из преступлений будет тогда, когда указанное взяткополучателем физическое или юридическое лицо получит хотя бы часть предмета взятки.

Включение в уголовный закон России статей 204¹, 291¹ также привело к несоответствию санкций, предусмотренных за преступное посредничество, степени общественной опасности совершаемых посредником действий, а также к неадекватной системе дифференциации его ответственности. Как было отмечено ранее, до включения в УК РФ статей 204¹, 291¹ действия посредника квалифицировались как соучастие в получении или дачи взятки либо как соучастие в коммерческом подкупе. Данное обстоятельство имело огромное значение для дифференциации уголовной ответственности посредника, который в качестве соучастника мог действовать как в интересах должностного лица либо лица, выполняющего управленческие функции в коммерческой или иной организации, так и в интересах взяткодателя либо лица, передающего предмет коммерческого подкупа. В связи с этим мы бы хотели наглядно сравнить степень ответственности соучастника получения и дачи взятки с одной стороны, и посредника во взяточничестве – с другой. При этом санкции статей 290, 291, 291¹ УК РФ будут учитываться в их актуальной редакции, а возможность квалификации деятельности посредника – в качестве альтернативы нынешнему положению дел.

На сегодняшний день за получение взятки в значительном размере предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до шести лет, за дачу взятки в значительном размере – до пяти лет, а за посредничество во взяточничестве без квалифицирующих обстоятельств – до четырех лет.

В свою очередь ответственность соучастника получения или дачи взятки строже, чем посредника во взяточничестве, поскольку действия первого квалифицируются так же, как и действия исполнителя. Подобная оценка преступной деятельности, по нашему мнению, в большей мере соответствует степени общественной опасности лица, способствующему взяточничеству, в отличие от ответственности посредника. Аргументом в пользу предлагаемого подхода служит то обстоятельство, что посредник, как правило, действует в интересах одной из сторон коррупционной сделки. Ввиду этого закономерно, что ответственность посредника должна носить акцессорный по отношению к получению или даче взятки характер. При этом в зависимости от того, в чьих интересах действует соучастник, его ответственность не остается неизменной, что, по нашему мнению, соответствует принципу справедливости в той же мере, в какой для взяткополучателя и взяткодателя предусмотрены различные пределы ответственности, а учесть характер и степень общественной опасности деяния соучастника можно посредством индивидуализации его наказания.

В то же время за получение и дачу взятки в крупном и особо крупном размерах законодателем предусмотрены одинаковые относительно друг друга размеры наказаний в виде лишения свободы, а именно: от семи до двенадцати лет за взятку в крупном размере и от восьми до пятнадцати за взятку в особо крупном размере. За посредничество во взяточничестве в крупном и особо крупном размерах предусмотрено лишение свободы от пяти до десяти и от семи до двенадцати лет соответственно. Учитывая, что посредник может иметь определяющее значение для возможности совершения преступлений, предусмотренных статьями 290, 291 УК РФ, существующее различие между размерами наказаний в виде лишения свободы за посредничество во взяточничестве с одной стороны, и за получение и дачу взятки – с другой, выглядит как искусственное занижение степени обще-

ственной опасности преступления, предусмотренного ст. 291¹ УК РФ, на законодательном уровне.

Точно такие же нарушения принципов пенализации и дифференциации ответственности выявляются и при сравнении санкций статей 204 и 204¹ УК РФ.

Нельзя не заострить внимание и на том, что редакцией ст. 291¹ УК РФ не учтены отдельные разновидности квалифицированных составов получения взятки, что не может быть признано справедливым. В частности, ст. 290 УК РФ предусматривает повышенную ответственность за получение взятки лицом, занимающим государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации, а равно главой органа местного самоуправления, а именно: такие деяния наказываются от пяти до десяти лет лишением свободы.

Помимо этого, в п. «б» ч. 5 ст. 290 УК РФ предусмотрен квалифицированный состав получения взятки – посредством ее вымогательства. Наказание в виде лишения свободы за это составляет от семи до двенадцати лет. В то же время при содействии посредника в получении взятки с ее вымогательством его ответственность будет определяться ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, предусматривающей наказание в виде лишения свободы на срок до четырех лет. На подобный недочет пенализационной политики обращает внимание П.С. Яни, который справедливо подметил, что соучастник взяткополучателя в данном случае несет гораздо более строгую ответственность³⁶⁵.

Также нельзя обойти стороной состав преступления, содержащийся в диспозициях ч. 4 ст. 204¹ УК РФ и ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, согласно которым уголовно наказуемым является обещание или предложение посредничества во взяточничестве либо в коммерческом подкупе. Указанные новеллы являются, на наш взгляд, крайне спорными. В литературе отсутствует единство мнений относительно размера подлежащего передаче предмета взятки либо коммерческого подкупа, достаточного для признания наличия составов указанных преступлений. К.В. Ображиев и К.В. Чашин полагают, что обещание или предложение посредничества во взя-

³⁶⁵ Яни П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве // Законность. 2013. № 11. С. 22.

точничестве является уголовно наказуемым независимо от размера взятки³⁶⁶. Иного мнения придерживаются Н.В. Бугаевская и А.Ю. Головин. Ученые совершенно оправданно считают значительный размер взятки конструктивным признаком рассматриваемого состава преступления³⁶⁷. П.С. Яни отмечает, что поскольку посредничество во взяточничестве образует состав преступления только при значительном размере взятки, то ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве также наступает при размере взятки не меньшем, чем значительный³⁶⁸.

В литературе справедливо высказывается мнение, что обещание или предложение посредничества во взяточничестве представляет собой приготовление к соответствующему преступлению, криминализированное в форме усеченного состава³⁶⁹. Приготовление направлено на создание условий для совершения конкретного деяния, содержащего состав преступления, предусмотренный Особенной частью УК РФ. По этой причине приготовление по своему уголовно-правовому содержанию не может выходить за пределы соответствующего состава преступления. Применительно к рассматриваемому вопросу это означает, что приготовление к посредничеству во взяточничестве либо в коммерческом подкупе является уголовно наказуемым, если действия лица направлены на создание условий для совершения посредничества в размере не меньшем, чем значительный. Расширительное толкование при рассмотрении данного вопроса противоречит принципу законности, которые запрещает применение уголовного закона по аналогии.

В свою очередь О.И. Ткачев критически относится к изложенной позиции. Автор отмечает, что «...само по себе высказывание намерения выступить посредником во взяточничестве никаких условий для последующего совершения обе-

³⁶⁶ Ображиев К.В., Чашин К.В. Указ. соч. С. 34.

³⁶⁷ Бугаевская Н.В., Головин А.Ю. С. 42.

³⁶⁸ Яни П.С. Посредничество во взяточничестве // Законность. 2011. № 9. С. 16.

³⁶⁹ См., например: Боровых Л.В., Степанов В.В., Шумихин В.Г., Чудин Н.М. Проблемы практики применения уголовного законодательства РФ об ответственности за взяточничество, коммерческий подкуп и иные коррупционные преступления // Уголовное право. 2013. № 5. С. 40; Бугаевская Н.В., Головин А.Ю. С. 42; Буранов Г.К. Наказуемость получения и дачи взятки, посредничества во взяточничестве // Российская юстиция. 2012. № 2. С. 32; Иванчин А.В., Зосиева М.В. Указ. соч. С. 136.

щанных или предложенных действий не создает и последующее совершение посреднических действий не облегчает, ведь посредник таким обещанием или предложением не связан»³⁷⁰. Высказанные аргументы заслуживают особого внимания. Действительно, посредник не связан высказанным обещанием или предложением. Однако нельзя не отметить, что большая часть приговорительных действий не связывают лицо, способное добровольно отказаться от совершения преступления. По этой причине мы не можем принять данный аргумент криминалиста.

О.И. Ткачевым также отмечено, что высказанное обещание или предложение посредничества во взяточничестве не облегчает перспективному посреднику дальнейшую преступную деятельность³⁷¹. Полагаем, что данный тезис приемлем лишь при сугубо формальном толковании нормы ч. 5 ст. 291¹ УК РФ. При таком подходе анализировать самостоятельный состав преступления с позиции учения о стадиях развития преступной деятельности в принципе неуместно. Однако исследование ст. 291¹ УК РФ с содержательной стороны показывает, что данное преступление является самостоятельным, акцессорным по отношению к получению и даче взятки. Проще говоря, без обращения взяткополучателем и (или) взяткодателем к помощи посредника, рассматриваемое преступление совершено быть не может. А поскольку возможность совершить посредничество во взяточничестве возникает в том числе посредством предложения одной из сторон коррупционной сделки своих услуг, таким образом перспективный посредник создает себе условия для совершения одного из преступлений, предусмотренных частями 1 - 4 ст. 291¹ УК РФ. Опираясь на приведенную аргументацию, мы полагаем возможным охарактеризовать обещание или предложение посредничества во взяточничестве либо в коммерческом подкупе как усеченные составы приготовления к посредничеству во взяточничестве либо в коммерческом подкупе, а с позиции института соучастия в преступлениях – приготовление к пособничеству (соисполнительству) даче или получению взятки либо коммерческому подкупу.

³⁷⁰ Ткачев О.И. Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве // Российская юстиция. 2012. № 3. С. 35.

³⁷¹ Ткачев О.И. Указ. соч. С. 35.

При этом занимаемую отдельными авторами позицию, согласно которой данный состав преступления представляет собой обнаружение умысла, мы не разделяем³⁷². Обнаружение умысла ограничивается проявлением намерения совершить преступление, в то время как приготовление предполагает совершение определенных действий, обеспечивающих или облегчающих дальнейшее развитие преступной деятельности. Главным критерием различия выступает создание условий для дальнейшего совершения преступления. Решая вопрос о правовой природе преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 204¹ УК РФ и ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, следует учитывать, что высказанное обещание или предложение быть посредником создает реальные условия для привлечения лица к содействию совершению коррупционной сделки, что, по нашему мнению, выходит за рамки простого обнаружения умысла.

В абз. 1 п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 также представлен подобный вывод, в соответствии с которым обещание или предложение передать либо принять незаконное вознаграждение за совершение действий (бездействия) по службе необходимо рассматривать как умышленное создание условий для совершения соответствующих коррупционных преступлений в случае, когда высказанное лицом намерение передать или получить взятку либо предмет коммерческого подкупа было направлено на доведение его до сведения других лиц в целях дачи им либо получения от них ценностей, а также в случае достижения договоренности между указанными лицами³⁷³. Данное толкование, по нашему мнению, также является аргументом в пользу признания обещания или предложения посредничества усеченным составом приготовления к преступлению.

Существует предложение рассматривать обещание или предложение посредничества во взяточничестве в качестве частного случая содействия достижению и реализации соглашения между взяточполучателем и взятодателем.

³⁷² См., например: Рагоз А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя // Lexrussia. 2016. № 11. С. 51; Ткачев О.И. Указ. соч. С. 35.

³⁷³ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Сентябрь. № 9.

лем³⁷⁴. Так, П.С. Яни приводит следующий пример: «Гражданин Иванов, действуя по поручению Петрова, обвиняемого по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя Сидорова, предложил этому следователю, с которым был знаком, за прекращение дела взятку в значительном размере. Они договорились, что взятку Сидорову от Петрова передаст также Иванов, как затем и произошло»³⁷⁵. Давая правовую оценку действиям гражданина Иванова, ученый делает вывод, что «...предложение взятки, сделанное посредником должностному лицу от имени будущего взяткодателя и по просьбе последнего, вполне можно рассматривать в качестве частного случая способствования взяткодателя и взяткополучателю в достижении и реализации соглашения между ними о получении и даче взятки»³⁷⁶. Не оспаривая верность квалификации, произведенной криминалистом, мы считаем важным сделать уточнение. В случаях, когда обещание или предложение посредничества во взяточничестве является способом способствования достижению или реализации соглашения между взяткополучателем и взяткодателям, действия лица должны квалифицироваться как посредничество во взяточничестве, ответственность за которое предусмотрено частями 1 - 4 ст. 291¹ УК РФ. Несмотря на то, что в приведенном примере действия Иванова криминалист верно предлагает квалифицировать по ч. 2 ст. 291¹ УК РФ, аргументы, положенные в основу произведенной квалификации, кажутся нам не совсем убедительными. Дело в том, что разрешая проблему конкуренции ч. 2 ст. 291¹ УК РФ и ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, ученый руководствуется максимальными пределами наказаний, предусмотренными за данные преступления³⁷⁷.

Схожим образом рассуждает и В.Н. Борков, однако в приведенном им примере лицо обещает посредничать при получении взятки в значительном размере. Ученый полагает, что, поскольку санкция ч. 5 ст. 291¹ УК РФ суровее санкции ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, квалификация действий посредника должна производиться по

³⁷⁴ См. например: Борков В.Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения // Уголовное право. 2011. № 4. С. 14; Яни П.С. Указ. соч. С. 18.

³⁷⁵ Яни П.С. Указ. соч. С. 18.

³⁷⁶ Там же.

³⁷⁷ Там же.

норме, предусматривающей более строгое наказание³⁷⁸. Ввиду того, что обещание или предложение посредничества по своей правовой природе является приготовлением к соответствующим преступлениям, наличие в действиях лица признаков состава, предусматривающего более позднюю стадию совершения преступления, исключает возможность квалификации по ч. 4 ст. 204¹ либо по ч. 5 ст. 291¹ УК РФ. При этом большая строгость санкции за обещание или предложение посредничества не может выступать аргументом.

По нашему мнению, против критикуемого понимания уголовного закона косвенно свидетельствует разъяснение, данное в абз. 2 п. 26 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24, согласно которому если лицо, обещавшее либо предложившее посредничество во взяточничестве, впоследствии совершило преступление, предусмотренное частями 1 - 4 статьи 291¹ УК РФ, содеянное им квалифицируется по соответствующей части этой статьи как посредничество во взяточничестве без совокупности с частью 5 статьи 291¹ УК РФ³⁷⁹. Понимание данного разъяснения как разрешающего конкуренцию между обещанием или предложением посредничества и собственно посредничеством в пользу последнего, по нашему мнению, не противоречит уголовному закону.

Таким образом, квалификация действий лица по ч. 4 ст. 204¹ УК РФ либо по ч. 5 ст. 291¹ УК РФ допустима лишь в том случае, если обещание или предложение посредничества не способствует достижению или реализации соглашения между сторонами коррупционной сделки о получении и даче взятки либо о получении и передаче предмета коммерческого подкупа.

Следует заострить внимание, что санкция ч. 5 ст. 291¹ УК РФ предусматривает наказание в виде лишения свободы сроком до семи лет, в то время как посредничество во взяточничестве наказывается лишением свободы на срок до четырех лет. Данное несоответствие санкций критически оценивается в литерату-

³⁷⁸ Борков В.Н. Указ. соч. С. 14.

³⁷⁹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. Сентябрь. № 9.

ре³⁸⁰. Действительно, крайне противоречивым выглядит установление наказания за приготовление, значительно превышающее размер наказания за оконченное преступление. Уголовный закон весьма детально описывает ответственность за приготовление и санкция нормы, закрепленной в ч. 5 ст. 291¹ УК РФ, едва ли соответствует данному описанию. Так, в соответствии с ч. 2 ст. 30 УК РФ, уголовная ответственность наступает за приготовление только к тяжкому или особо тяжкому преступлениям. Однако преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, с учетом предусмотренной за его совершение санкции является преступлением средней степени тяжести. Более того, согласно ч. 2 ст. 66 УК РФ, срок или размер наказания за приготовление к преступлению не может превышать половины максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ за оконченное преступление. Игнорирование данного правила становится очевидным при сопоставлении санкций частей 2 - 4 ст. 291¹ УК РФ и ч. 5 ст. 291¹ УК РФ. Во всех случаях максимальный размер наказания за обещание или предложение посредничества во взяточничестве превышает половину максимального размера наказания соответствующих составов. И санкция за обещание или предложение посредничества в коммерческом подкупе также представляется чрезмерной и не соответствует указанным принципам ответственности за приготовительную преступную деятельность.

Также О.И. Ткачев отмечает, что при подобном распределении ответственности институт добровольного отказа от преступления теряет всякий смысл, поскольку преступнику выгоднее довести задуманное до конца, выступив посредником коррупционной сделки³⁸¹. Данный тезис справедлив лишь для случаев посредничества в значительном размере. В остальных случаях наказание за посредничество будет более строгим, чем за обещание или предложение посредничества.

³⁸⁰ См., например: Буранов Г.К. Указ. соч. С. 32; Гладких В.И. Указ. соч. С. 46; Рарог А.И. Указ. соч. С. 51; Кауфман М.А. Указ. соч. С. 97; Руева Е.О. Нарушение принципа справедливости в результате несовершенства юридической техники уголовного закона // Российский следователь. 2016. № 4. С. 44; Сабитов Т.Р. Дифференциация ответственности за взяточничество и коммерческий подкуп: критический взгляд // Уголовное право. 2012. № 1. С. 73; Ткачев О.И. Указ. соч. С. 36.

³⁸¹ Ткачев О.И. Указ. соч. С. 36.

В то же время позиция О.И. Ткачева в целом не вызывает у нас сомнений, поскольку институт добровольного отказа предполагает возможность для лица, совершившего противоправное деяние, отказаться от преступного замысла и, в случае отсутствия в его действиях иного состава преступления, избежать уголовной ответственности. Несмотря на то обстоятельство, что обещание или предложение посредничества во взяточничестве является окончанным с момента получения соответствующим адресатом обещания или предложения посредничества, выглядит крайне спорным возложение на лицо ответственности в случае его отказа быть посредником, так как в подобных случаях его действия не причиняют вред объекту преступления.

Подводя итог изложенному заключим следующее:

– нормы, предусмотренные ч. 1 ст. 204¹ и ч. 1 ст. 291¹ УК РФ, отчасти дублируют нормы института соучастия в преступлениях. В зависимости от конкретного способа посреднические действия могут быть квалифицированы как пособничество или соисполнительство коммерческого подкупа либо дачи или получения взятки;

– криминализация посредничества в качестве самостоятельных составов преступлений не обоснована, поскольку уголовно-правовое регулирование посреднической деятельности в достаточной мере может осуществляться нормами института соучастия в преступлении;

– криминализация посредничества в качестве самостоятельных составов преступлений влечет ряд негативных последствий для правоприменения, противоречит принципу справедливости и не способствует достижению целей уголовного закона.

Следуя указанным выводам, нами предлагается исключить статьи 204¹ и 291¹ из уголовного закона России.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итоги исследования, основные выводы. Проведенное исследование показало наличие серьезных проблем в регламентации института соучастия в преступлении в российском уголовном законе. Основной целью настоящего исследования была оценка обоснованности включения в уголовный закон статей 204¹, 205¹, ч. 1 ст. 208, ч. 1¹ ст. 282¹, ч. 1¹ ст. 282², ст. 282³, ст. 291¹, ч. 1 ст. 359, ч. 3 ст. 361. В результате решения поставленных задач автору удалось сделать следующие выводы:

1. К признакам соучастия в преступлении действующий уголовный закон относит «совместность деяния», «участие в совершении преступления двух и более лиц», «умышленность участия» и «участие в совершении умышленного преступления».

«Совместность деяния» как объективный признак соучастия в преступлении образуют такие элементы, как наличие функциональных связей между действиями соучастников, единого для них преступного результата и причинно-следственной связи между действиями каждого из соучастников и наступившим преступным результатом;

Соучастие в преступлении образуют действия двух или более лиц, каждое из которых должно обладать признаками субъекта преступления. Указанное требование в равной мере распространяется на все виды совместной преступной деятельности.

«Умышленность участия» как признак соучастия в преступлении требует наличие двусторонней субъективной связи как минимум между исполнителем (соисполнителями) и иными соучастниками, которая проявляется во взаимной осведомленности между соучастниками об их действиях (бездействии), а также в наличии желания причинить преступный результат совместными усилиями.

Соучастие возможно лишь в умышленных преступлениях. При этом умысел может быть, как прямым, так и косвенным. В преступлениях со смешанной фор-

мой вины квалифицирующие последствия, причиненные по неосторожности, могут вменяться в вину лишь непосредственному причинителю вреда.

2. Соучастие в преступлении представляет собой сложноорганизованную систему, обладающую качественно иными свойствами и возможностями, нежели простая совокупность составляющих ее элементов – соучастников. Указанное понимание исследуемого явления обуславливает принципиально иное основание уголовной ответственности совместно действующих лиц, в качестве которого выступает совершение системой соучастия деяния, содержащего все признаки состава преступления. Фундамент основания уголовной ответственности соучастников составляют акцессорный принцип и принцип самостоятельной ответственности. При этом акцессорный принцип определяет квалификацию деяний соучастников, не являющихся исполнителем (соисполнителями) преступления, в то время как принцип самостоятельной ответственности обеспечивает индивидуализацию наказания. Эффективное противодействие преступлениям, совершаемым в соучастии, возможно лишь посредством норм, носящих универсальный характер, что предполагает необходимость закрепления исследуемого института исключительно в нормах Общей части УК РФ.

3. Подстрекательство представляет собой активную деятельность, направленную на возникновение у подстрекаемого лица намерения совершить преступление. Воздействие на психику подстрекаемого лица может осуществляться любыми по содержанию способами, однако их форма ограничена формами межличностной коммуникации: устная, письменная, посредством конклюдентных действий. Существенным является лишь факт возникновения у лица желания совершить преступление.

Подстрекательство следует считать состоявшимся не ранее начала выполнения склоненным лицом хотя бы приготовления к совершению преступления. При этом безрезультативные действия лица, направленные на склонение другого лица к совершению преступления, не являются подстрекательством, а представляют собой приготовление к совершению преступления.

Подстрекательская деятельность носит персонифицированный характер, что позволяет рассматривать в качестве подстрекательства склонение к совершению преступления строго определенного (-ых) лица (лиц). Список адресатов подстрекательской деятельности не ограничен, что допускает склонение к осуществлению преступной деятельности любого из будущих соучастников преступления.

Принципиально важным для признания склонения к совершению преступления подстрекательством является доведение до сознания подстрекаемого лица всех признаков, характеризующих состав перспективного преступления, а также индивидуализация подстрекателем непосредственного объекта посягательства в объективной действительности.

4. Пособническая деятельность представляет собой существенное содействие преступной деятельности, выступающее в качестве составляющей причинно-следственного комплекса совершаемого соучастниками преступления.

Временные рамки пособнической деятельности по общему правилу ограничены юридическим моментом окончания преступления. Однако содействие совершению преступлений, в которых юридический момент окончания наступает ранее фактического, возможно до момента фактического окончания преступления.

Дачу советов, указаний, предоставление информации, орудий, средств совершения преступления, а также устранение препятствий как способы пособничества следует понимать следующим образом.

Дача советов представляет собой сообщение лицу сведений о механизме совершения состава планируемого преступления в общих чертах безотносительно к конкретным обстоятельствам совершаемого в соучастии преступления.

Дача указаний заключается в сообщении лицу сведений о механизме совершения конкретного планируемого преступления, учитывающих обстоятельства его совершения (место, время, способ, орудия и средства), особенности предмета преступления или потерпевшего.

Предоставление информации является сообщением сведений, имеющих существенное значение для выполнения соучастником своей функциональной ро-

ли при отсутствии каких-либо рекомендаций пособника относительно способов распоряжения указанными сведениями.

Предоставление средств совершения преступления предполагает снабжение соучастника имуществом и программным обеспечением для осуществления преступной деятельности, не связанной с непосредственным причинением вреда объекту преступного посягательства.

Предоставлением орудий совершения преступления следует признавать снабжение исполнителя предметами и программным обеспечением для непосредственного причинения вреда объекту преступного посягательства.

Под *устранением препятствий* следует понимать действия (бездействие), направленные (-ое) на устранение факторов, делающих невозможным совершение преступления.

5. Составы преступлений, закрепленные в статьях 204¹ (посредничество в коммерческом подкупе), 205¹ (содействие террористической деятельности), ч. 1 ст. 208 (финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом), ч. 1.1 ст. 282¹ (склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистского сообщества), ч. 1.1 ст. 282² (склонение, вербовка или иное вовлечение лица в деятельность экстремистской организации), 282³ (финансирование экстремистской деятельности), 291¹ (посредничество во взяточничестве), ч. 1 ст. 359 (финансирование или иное материальное обеспечение наемника), ч. 3 ст. 361 (финансирование акта международного терроризма) УК РФ, представляют собой криминализацию отдельных видов деятельности соучастников.

Полагаем, что привлечение к уголовной ответственности за указанные преступления возможно посредством институтов приготовления к преступлению и соучастия в преступлении, в связи с чем криминализация общественно опасных деяний в указанных статьях Особенной части уголовного закона России не имеет под собой уголовно-политических оснований.

6. Вектор современной уголовно-правовой политики России, направленный на криминализацию общественно опасных деяний отдельных видов соучаст-

ников в качестве самостоятельных составов преступлений, влечет грубое нарушение принципов справедливости и пенализации преступлений, а также исключает возможность соблюдения принципа дифференциации уголовной ответственности.

7. В результате проведенного анализа признаков соучастия в преступлении предложена авторская редакция ст. 32 УК РФ:

«Соучастием в преступлении признается умышленное совместное участие двух или более вменяемых и достигших возраста уголовной ответственности лиц в совершении умышленного преступления».

По итогам проведенного исследования автором рекомендовано исключить из Особенной части УК РФ преступления, предусмотренные:

- ст. 204¹ (посредничество в коммерческом подкупе);
- ст. 205¹ (содействие террористической деятельности);
- ч. 1 ст. 208 (финансирование вооруженного формирования (объединения, отряда, дружины или иной группы), не предусмотренного федеральным законом);
- ст. 282³ (финансирование экстремистской деятельности);
- ст. 291¹ (посредничество во взяточничестве);
- ч. 1 ст. 359 (финансирование или иное материальное обеспечение наемника);
- ч. 3 ст. 361 (финансирование акта международного терроризма).

Перспективы дальнейшей разработки темы обусловлены набирающей обороты тенденцией закрепления норм института соучастия в преступлениях в Особенной части УК РФ. Любая законодательная инициатива, связанная с криминализацией общественно опасных деяний, нуждается в подробнейшем анализе всех норм уголовного закона, в том числе норм института соучастия в преступлении. Игнорирование данного требования влечет не только избыточность уголовно-правового регулирования, но и нарушение принципов уголовного права.

Мы допускаем возможность закрепления в Особенной части УК РФ новых уголовно-правовых норм, предусматривающих ответственность за отдельные проявления деятельности соучастников преступления. Именно для исключения указанной возможности исследованная нами тема нуждается в дальнейшей разра-

ботке. Очевидно, что рассмотреть все проблемные аспекты криминализации ответственности за соучастие в преступлении в Особенной части уголовного закона в рамках настоящего диссертационного исследования едва ли возможно. Тем не менее, по нашему мнению, результаты проведенной работы могут быть использованы в последующем не только при решении проблемы регламентации института соучастия в Особенной части УК РФ, но и для исследования всего института в целом. Сделанные по итогам диссертационного исследования выводы могут быть учтены в нормотворческой деятельности не только для приведения системы уголовного закона к более упорядоченному виду, но и для оценки обоснованности новых законодательных инициатив. Кроме того, разработка темы настоящего диссертационного исследования имеет значение для учебной и правоприменительной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК**Нормативные правовые акты**

1. Конституция Российской Федерации: [принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.] / Российская Федерация // Российская газета. – 1993. – 25 декабря. – № 237.
2. Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма (заключена в г. Нью-Йорке 09.12.1999) // Бюллетень международных договоров. – 2003. – № 5.
3. О защите конкуренции: Федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 04.06.2018) / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – 31 июля. – № 31 (1 ч.). – ст. 3434.
4. О внесении дополнений в законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 № 103-ФЗ / Российская Федерация // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – 29 июля. – № 30. – ст. 3020.
5. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации конвенции совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму»: Федеральный закон от 27.07.2006 № 153-ФЗ (ред. от 06.07.2016) / Российская Федерация // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – 31 июля. – № 31 (ч. 1). – Ст. 3452.
6. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 09.12.2010 № 352-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – 13 декабря. – № 50. – ст. 6610.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с совершенствованием государственного управления в области противодействия

коррупции: Федеральный закон от 04.05.2011 № 97-ФЗ (ред. от 04.06.2014) / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2011. – 09 мая. - № 19. – ст. 2714.

8. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 05.05.2014 № 130-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. – 12 мая. – № 19. – ст. 2335.

9. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 03 июля 2016 г. № 324-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2016. – 04 июля. – № 27 (ч. II). – ст. 4257.

10. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях совершенствования мер противодействия терроризму: Федеральный закон от 29 декабря 2017 г. № 445-ФЗ / Федеральный закон Российской Федерации // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2018. – 01 января. - № 1 (ч. I). – ст. 29.

11. Уголовный кодекс РСФСР: [утвержден Законом РСФСР от 27 октября 1960 г.] / РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. – 1960. – № 40. – Ст. 591; 1966. – № 32. – Ст. 769; 1967. – № 23. – Ст. 533; 1971. – № 42. – Ст. 881; 1974. – № 29. – Ст. 782; 1977. – № 12. – Ст. 255; 1982. – № 49. – Ст. 1821; Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. – 1992. – 26 ноября. – № 47. – Ст. 2664; 1993. – 11 марта. – № 10. – Ст. 360; 3 июня. – № 22. – Ст. 789; Собрание законодательства Российской Федерации. – 1994. – 4 июля. – № 10. – Ст. 1109; 1995. – 24 апреля. – № 17. – Ст. 1471.

12. Об утверждении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик: Законом СССР от 25 декабря 1958 г. / СССР // Ведомости Верховного Совета СССР. – 1959. – № 1. – Ст. 6.

13. Резолюция № 1373 (2001) Совета Безопасности Организации Объединенных Наций «Угрозы международному миру и безопасности, создаваемые террористическими актами» (Принята в г. Нью-Йорке 28.09.2001 на 4385-ом заседании Совета Безопасности ООН). [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 03.07.2018): [принят Государственной Думой 24 мая 1996 г.] / Российская Федерация // Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – 17 июня. – № 25. – Ст. 2954.

Материалы судебной практики

15. Апелляционное определение Верховного Суда Кабардино-Балкарской Республики от 04.03.2014 по делу № 22-118/2014. [Электронный ресурс] // Vs.kbr.sudrf.ru. – 29.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/kWvRf>.

16. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.04.2013 № 2-АПУ13-4. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

17. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 16.05.2013 № 16-АПУ13-3. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

18. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30.10.2013 по делу № 74-АПУ13-23СП. [Электронный ресурс] // Vsrf.ru. – 20.08.2018. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=564960.

19. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.11.2013 № 33-АПУ13-18сп. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

20. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 11.12.2013 № 56-АПУ13-38сп. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

21. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 02.02.2017 № 30-АПУ17-1СП. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

22. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 29.08.2017 № 201-АПУ17-30. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

23. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 30.01.2018 № 208-АПУ17-5. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

24. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 05.04.2018 № 205-АПУ18-4. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Апелляционное определение Калининградского областного суда от 27.10.2014 по делу № 22-1197/2014. [Электронный ресурс] // Oblsud.kln.sudrf.ru. – 27.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/6EBxv>.

26. Апелляционное определение Московского городского суда от 26.04.2018 по делу № 10-5774/2018. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

27. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 15.04.2004 № 66-003-245. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

28. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 17.12.2008 № 37-008-25. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

29. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 24.09.2009 по делу № 67-009-65. [Электронный ресурс] // Vsrfr.ru. – 20.08.2018. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=275050.

30. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 03.11.2011 № 81-011-93. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

31. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 11.09.2012 по делу № 55-012-15. [Электронный ресурс] // Vsrf.ru. – 20.08.2018. – Режим доступа: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=505962.

32. Кассационное определение Нижегородского областного суда от 20.02.2009 по делу № 22-675. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

33. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 06.10.2004 № 604п2004пр. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

34. Постановление Президиума Верховного Суда РФ от 29.03.2017 № 27П17 / Постановление Президиума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2017. № 8.

35. Постановление Президиума Севастопольского городского суда от 27.12.2017 № 44у-41/2017. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

36. Постановление Президиума Томского областного суда от 25.12.2013 по делу № 44у-285/2013. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

37. Об изменении и дополнении некоторых Постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2010 г. № 31 (ред. от 22.12.2015) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – Февраль. – № 2.

38. О внесении изменений в постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 года № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» и от 28 июня 2011 года № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 3 ноября 2016 г. № 41/ Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – Январь. – № 1.

39. О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 03.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2012. – Апрель. – № 4.
40. Определение Верховного суда РФ от 11.10.2007 по делу № 30-007-18. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
41. Определение Верховного Суда РФ от 01.06.2010 № 81-д10-11. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
42. Определение Верховного Суда РФ от 19.01.2016 № 5-УД15-82. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
43. О практике применения судами законодательства об ответственности за бандитизм: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17 января 1997 г. № 1 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 1997. – № 3.
44. О судебной практике по делам об изнасиловании: постановление Пленума Верховного Суда СССР от 25 марта 1964 г. № 2. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (ныне утратило силу).
45. О судебной практике по делам об изнасиловании: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 апреля 1992 г. № 4. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (ныне утратило силу).
46. О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09 июля 2013 г. № 24 (ред. от 03.12.2013) / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2013. – Сентябрь. – № 9.
47. О судебной практике по делам о взяточничестве и коммерческом подкупе: Постановление Пленума Верховного суда от 10 февраля 2000 г. / Пленум Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2000. – № 4 (ныне утратило силу).
48. О судебной практике по делам о грабеже и разбое: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22 марта 1966 г. № 31. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». (ныне утратило силу).

49. О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 (ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2003. – № 2.

50. О судебной практике по делам о преступлениях несовершеннолетних: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14 февраля 2000 г. // Российская газета. – 2000. – 14 марта. – № 50 (ныне утратило силу).

51. О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с наркотическими средствами, психотропными, сильнодействующими и ядовитыми веществами: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15 июня 2006 г. № 14 (ред. от 16.05.2017) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2006. – Август. – № 8.

52. О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28 июня 2011 г. № 11 (ред. от 03.11.2016) / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – Август. – № 8.

53. О судебной практике по уголовным делам о хулиганстве и иных преступлениях, совершенных из хулиганских побуждений: Постановление Пленума Верховного суда от 15 ноября 2007 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2008. – Январь. – № 1.

54. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29.11.2016) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2011. – Апрель. – № 4.

55. О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней): Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 июня 2010 г. № 12 / Постановление Пленума Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2010. – Август. – № 8.

56. Ответы на вопросы, поступившие из судов, по применению Федеральных законов от 3 июля 2016 года № 323-ФЗ - 326-ФЗ, направленных на совершенствование уголовной ответственности за коррупционные преступления и преступления экономической направленности, а также оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 28.09.2016) / Президиум Верховного Суда РФ // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2016. – Декабрь. – № 12.

57. Приговор Брасовского районного суда Брянской области от 04.04.2017 по делу № 1-18/2017. [Электронный ресурс] // Brasovsky.brj.sudrf.ru. – 27.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/qKLO0>.

58. Приговор Бурейского районного суда Амурской области от 21.06.2011 по делу № 1-139/11 [Электронный ресурс] // Bureiskiy.amr.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/Oc8fD>.

59. Приговор Ванинского районного суда Хабаровского края от 29.11.2010 по делу № 1-206/2010 [Электронный ресурс] // Vaninsky.hbr.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/IbY4u>.

60. Приговор Верховного Суда Карачаево-Черкесской республики от 18.12.2012 по делу № 2-38/2012. [Электронный ресурс] // Vs.kchr.sudrf.ru. – 28.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/Y6KPV>.

61. Приговор Верховного Суда Республики Саха (Якутия) от 06.08.2013 по делу № 2-25/2013. [Электронный ресурс] // Vs.jak.sudrf.ru. – 20.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/Z6QfU>.

62. Приговор Верховного Суда Республики Хакасия от 14.06.2012 по делу № 2-18/2012. [Электронный ресурс] // Vs.hak.sudrf.ru. – 20.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/dIaqs>.

63. Приговор Иркутского областного суда от 06.12.2010 по делу № 2-4/2010 [Электронный ресурс] // Oblsud.irk.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/aH8dn>.

64. Приговор Иркутского областного суда от 28.12.2017 по делу № 2-23/2017. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

65. Приговор Краснодарского краевого суда от 04.10.2013 по делу № 2-42/2013. [Электронный ресурс] // Sudact.ru. – 21.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/RXDOe>.

66. Приговор Кировского районного суда г. Ярославля от 13.03.2017 по делу № 1-36/2017. [Электронный ресурс] // Kirovsky.jrs.sudrf.ru. – 27.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/УКОм2>.

67. Приговор Ленинского районного суда г. Владивостока от 31.08.2011 по делу № 1-239/2011 [Электронный ресурс] // Leninsky.prm.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/ItFD3>.

68. Приговор Ленинского районного суда г. Нижний Тагил Свердловской области от 07.05.2013 по делу № 1-6/2013 [Электронный ресурс] // Leninskytag.svd.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/QzUoy>.

69. Приговор Омского областного суда от 29.09.2011 по делу № 2-32/2011 [Электронный ресурс] // Oblsud.oms.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/Pu2rW>.

70. Приговор Приморского краевого суда от 13.08.2010 по делу № 2-18/2010 [Электронный ресурс] // Kraevoy.prm.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/wLxyY>.

71. Приговор Приморского краевого суда от 29.11.2010 по делу № 2-21/2010 [Электронный ресурс] // Kraevoy.prm.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/1Nioz>.

72. Приговор Приморского краевого суда от 22.07.2011 по делу № 2-34/2011 [Электронный ресурс] // Kraevoy.prm.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/S9jdF>.

73. Приговор Приморского краевого суда от 30.08.2011 по делу № 2-52/2011 [Электронный ресурс] // Kraevoy.prm.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/HdiTI>.

74. Приговор Приморского краевого суда от 28.11.2012 по делу № 2-69/2012 [Электронный ресурс] // Kraevoy.prm.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/EsM0B>.

75. Приговор Пролетарского районного суда г. Саранска Республики Мордовия от 26.03.2010 по делу № 1-21/2010 [Электронный ресурс] // Proletarsky.mor.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/FubcU>.

76. Приговор Тверского районного суда г. Москвы от 21.10.2014 по делу № 1-273/2014. [Электронный ресурс] // Tverskoy.msk.sudrf.ru. – 27.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/zC7E2>.

77. Приговор Тушинского районного суда г. Москвы от 19.05.2014 по делу № 1-44/2014. [Электронный ресурс] // Tushinsky.msk.sudrf.ru. – 27.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/ZEsDk>.

78. Приговор Урванского районного суда Кабардино-Балкарской Республики от 15.01.2014 по делу № 1-7/2014. [Электронный ресурс] // Urvansky.kbr.sudrf.ru. – 29.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/9jYiF>.

79. Приговор Усть-Джегутинского районного суда Карачаево-Черкесской Республики от 29.04.2014 по делу № 1-8/2014. [Электронный ресурс] // Ust-djegutinsky.kchr.sudrf.ru. – 29.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/dUTDH>.

80. Приговор Шатурского городского суда Московской области от 15.11.2012 по делу № 1-263/2012 [Электронный ресурс] // Shatura.mo.sudrf.ru. – 05.08.2018. – Режим доступа: <http://qps.ru/fzv4q>.

81. Приговор Шкотовского районного суда Приморского края от 24.05.2013 по делу № 1-11/2013 [Электронный ресурс] // Shkotovsky.prm.sudrf.ru. – 05.08.2018. – режим доступа: <http://qps.ru/y3lhP>.

Теоретическая база исследования

1. Монографии, комментарии, учебники, учебные пособия, отчеты

82. Аветисян, С.С. Соучастие в преступлениях со специальным составом: монография / С.С. Аветисян. – М.: Закон и Право, ЮНИТИ-ДАНА, 2004. – 459 с.

83. Агапов, П.В., Михайлов, К.В. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: тенденции современной уголовной поли-

тики: Монография / П.В. Агапов, К.В. Михайлов. – Саратов: Саратовский юридический институт МВД России, 2007. – 144 с.

84. Арутюнов, А.А. Соучастие в преступлении / А.А. Арутюнов. – М.: Статут, 2013. – 408 с.

85. Бурчак, Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы / Ф.Г. Бурчак. – Киев: Вища школа, 1986. – 208 с.

86. Бурчак, Ф.Г. Учение о соучастии по советскому уголовному праву / Ф.Г. Бурчак; отв. ред. И.П. Лановенко. – Киев: Наук. думка, 1969. – 216 с.

87. Владимиров, В.А. Преступление совершено соучастниками / В.А. Владимиров. – М.: Госюриздат, 1961. – 87 с.

88. Волженкин, Б.В. Служебные преступления / Б.В. Волженкин. – М.: Юрист, 2000. – 368 с.

89. Галиакбаров, Р.Р. Квалификация групповых преступлений / Р.Р. Галиакбаров; отв. ред. В.И. Артемов. – М.: Юридическая литература, 1980. – 80 с.

90. Галиакбаров, Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия / Р.Р. Галиакбаров. – Хабаровск: Издательство Хабаровской Высшей Школы МВД СССР, 1987. – 96 с.

91. Гаухман, Л. Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика / Л.Д. Гаухман. – М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2001. – 316 с.

92. Гришаев, П.И., Кригер, Г.А. Соучастие по уголовному праву / П.И. Гришаев, Г.А. Кригер. – М.: Госюриздат, 1959. – 255 с.

93. Зацепин, А.М. Дополнительная квалификация преступления: общие и специальные вопросы: монография. / А.М. Зацепин. – М.: Проспект, 2016. – 286 с.

94. Зелинский, А.Ф. Соучастие в преступлении. Лекция / А.Ф. Зелинский. – Волгоград: Научно-исследовательский и редакционно-издательский отдел Высшей следственной школы МВД СССР, 1971. – 43 с.

95. Иванов, Н.Г. Понятие и формы соучастия в советском уголовном праве / Н.Г. Иванов. – Саратов: Издательство Саратовского университета, 1991. – 128 с.

96. Иногамова-Хегай, Л.В. Концептуальные основы конкуренции уголовно-правовых норм: монография / Л.В. Иногамова-Хегай – М.: НОРМА, ИНФРА-М, 2015. – 288 с.
97. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении: понятие соучастия. Ученые труды. Ч. 1 / М.И. Ковалев; под ред. М.А. Ефимова. – Свердловск, 1960. – 288 с.
98. Ковалев, М.И. Соучастие в преступлении: Виды соучастников и формы участия в преступной деятельности. Ученые труды. Ч. 2 / М.И. Ковалев; под ред. М.А. Ефимова. – Свердловск, 1962. – 276 с.
99. Козлов, А.П. Соучастие: традиции и реальность / А.П. Козлов. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 362 с.
100. Ожегов, С.И., Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. – 4-е изд., дополненное. М.: Азбуковник, 1997. 944 с.
101. Пионтковский, А.А. Учение о преступлении по советскому уголовному праву. Курс советского уголовного права: Общая часть / А.А. Пионтковский. – М.: Госюриздат, 1961. – 666 с.
102. Прокументов, Л.М. Групповое преступление: вопросы теории и практики / Л.М. Прокументов. – Томск: Издательство Томского университета, 2010. – 164 с.
103. Рарог, А.И. Настольная книга судьи по квалификации преступлений: практ. пособие / А.И. Рарог. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Проспект, 2009. – 224 с.
104. Тельнов, П.Ф. Ответственность за соучастие в преступлении / П.Ф. Тельнов. – М.: Юридическая литература, 1974. – 208 с.
105. Трайнин, А.Н. Избранные труды / А.Н. Трайнин. Составление, вступительная статья докт. юрид. наук, профессора Н.Ф. Кузнецовой. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2004. – 898 с.
106. Уголовное преследование терроризма: монография / В.А. Бурковская, Е.А. Маркина, В.В. Мельник и др. – М.: Юрайт, 2008. – 160 с.

107. Шаргородский, М.Д. Избранные труды / М.Д. Шаргородский; сост. и предисловие докт. юрид. наук, проф. Б.В. Волженкина. – СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс». 2004. – 684 с.
108. Церетели, Т.В. Причинная связь в уголовном праве / Т.В. Церетели. – М.: Госюриздат, 1963. – 382 с.
109. Шевченко, И.В. Уголовная ответственность за террористическую деятельность: монография / И.В. Шевченко. – М.: Юрлитинформ, 2011. – 176 с.
110. Шеслер, А.В. Соучастие в преступлении: монография / А.В. Шеслер. – Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2014. – 84 с.
111. Шеслер, А.В. Уголовно-правовые средства борьбы с групповой преступностью / А.В. Шеслер. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 1999. – 75 с.
112. Шнейдер, М.А. Соучастие в преступлении по советскому уголовному праву / М.А. Шнейдер; отв. ред. А.Н. Васильев – М., 1958. – 98 с.
113. Энциклопедия уголовного права. Т. 6. Соучастие в преступлении / С.С. Аветисян [и др.]. – СПб.: Изд. профессора Малинина, 2007. – 564 с.

2. *Статьи в периодических изданиях и сборниках*

114. Аветисян, С.С. К проблеме концепции «смешанной» теории ответственности соучастников преступления / С.С. Аветисян // Прокурорская и следственная практика. – 2004. – № 1-2. – С. 198-213.
115. Агапов, П.В. Ответственность за содействие террористической деятельности: уголовно-правовое регулирование и судебное толкование / П.В. Агапов // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2012. – № 4 (30). – С. 41-45.
116. Алексеев, С.В. Структура субъективных признаков группового преступления / С.В. Алексеев // Российский юридический журнал. – 2010. – № 6. – С. 106-113.

117. Аникин, А.А. Ответственность за взяточничество по новому УК / А.А. Аникин // Законность. – 1997. – № 6. – С. 32-35
118. Аникин, А.А. Посредничество во взяточничестве / А.А. Аникин // Законность. – 2009. – № 3. – С. 18-20.
119. Антонова, Е.Ю. Преступления террористического характера и экстремистской направленности: вопросы криминализации и пенализации / Е.Ю. Антонова // Российский следователь. – 2016. – № 13. – С. 21-25.
120. Арутюнов, А.А. Системный подход к общей теории соучастия в преступлении / А.А. Арутюнов // Право и политика. – 2001. – № 10. – С. 63-70.
121. Бабий, Н.А. Актуальные проблемы противодействия коррупционным преступлениям: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (19 апреля 2013 г., г. Хабаровск) / В.А. Авдеев [и др.]; под ред. Т.Б. Басовой, К.А. Волкова; Хабаровский краевой суд, Дальневосточный филиал Российской академии правосудия. – Хабаровск: ООО Издательство «Юрист», 2013. – 200 с.
122. Белов, С.Д., Чекмачева, Н.В. Уголовное преследование за посредничество во взяточничестве / С.Д. Белов, Н.В. Чекмачева // Законность. – 2011. – № 10. – С. 41-44.
123. Белокуров, О.В. К вопросу об уголовно-правовой оценке содеянного с участием лиц, не подлежащих привлечению к уголовной ответственности / О.В. Белокуров // Уголовное судопроизводство. – 2009. – № 2. – С. 40-41.
124. Благов, Е.В. О признаках соучастия в преступлении / Е.В. Благов // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. – 2017. – № 3. – С. 4-10.
125. Борисов, С.В., Чугунов, А.А. Новеллы уголовного законодательства в сфере противодействия экстремизму: критический анализ / С.В. Борисов, А.А. Чугунов // Современное право. – 2015. – № 4. – С. 101-105.
126. Борков, В.Н. Новая редакция норм об ответственности за взяточничество: проблемы применения / В.Н. Борков // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 9-14.

127. Борков, В.Н. Получение взятки путем указания о ее передаче другим лицам / В.Н. Борков // Законность. – 2016. – № 11. – С. 42-45.

128. Борков, В.Н. Новый способ получения взятки и реабилитации «мелких» взяточников / В.Н. Борков // Современное право. – 2017. – № 1. – С. 81-86.

129. Боровых, Л.В., Степанов, В.В., Шумихин, В.Г., Чудин, Н.М. Проблемы практики применения уголовного законодательства РФ об ответственности за взяточничество, коммерческий подкуп и иные коррупционные преступления / Л.В. Боровых, В.В. Степанов, В.Г. Шумихин, Н.М. Чудин // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 39-40.

130. Бохан, А.П. Вопросы квалификации изнасилований (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) / А.П. Бохан // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 32-35.

131. Бриллиантов, А.В. Уголовная ответственность за вовлечение в совершение преступлений террористического характера или иное содействие их совершению / А.В. Бриллиантов // Российский следователь. – 2006. – № 6. – С. 15-18.

132. Бриллиантов, А.В. Вопросы соучастия при квалификации содействия террористической деятельности / А.В. Бриллиантов // Уголовное право. – 2008. – № 3. – С. 25-30.

133. Бриллиантов, А.В., Димченко, Н.В. Квалификации преступлений по признаку их совершения группой лиц, из которых лишь одно обладает признаками субъекта преступления / А.В. Бриллиантов, Н.В. Димченко // Российский судья. – 2005. – № 3. – С. 17-19.

134. Бугаевская, Н.В., Головин, А.Ю. Проблемные аспекты квалификации взяточничества / Н.В. Бугаевская, А.Ю. Головин // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 41-43.

135. Буранов, Г.К. Наказуемость получения и дачи взятки, посредничества во взяточничестве / Г.К. Буранов // Российская юстиция. – 2012. – № 2. – С. 30-32.

136. Васюков, В.В. Понятие посредника и заказчика / В.В. Васюков // Законность. – 2006. – № 12. – С. 26-28.

137. Власов, Ю.А. Квалификация деяния, совершенного с лицом, не обладающим признаками субъекта / Ю.А. Власов // Уголовное право. – 2007. – № 2. – С. 32-36.
138. Галиакбаров, Р.Р. Как квалифицировать убийства и изнасилования, совершенные групповым способом / Р.Р. Галиакбаров // Российская юстиция. – 2000. – № 10. – С. 40.
139. Гарбатович, Д.А. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества / Д.А. Гарбатович // Уголовное право. – 2011. – № 5. – С. 4-8.
140. Гарбатович, Д.А. Зависимость уголовно-правовой оценки деяний соучастников от квалификации исполнителя / Д.А. Гарбатович // Уголовное право. – 2018. – № 1. – С. 33-38.
141. Гладких, В.И. Новые правовые механизмы противодействия терроризму: критический анализ / В.И. Гладких // Российский следователь. – 2014. – № 5. – С. 34-38.
142. Гладких, В.И. О соответствии наказаний степени общественной опасности преступлений / В.И. Гладких // Безопасность бизнеса. – 2017. – № 2. – С. 43-47.
143. Егорова, Н.А. «Острые углы» проекта Постановления Пленума Верховного Суда РФ о коррупционных преступлениях / Н.А. Егорова // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 64-67.
144. Есаков, Г.А. Квалификация совместного совершения преступления с лицом, не подлежащим уголовной ответственности: новый поворот в судебной практике / Г.А. Есаков // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 10-15.
145. Ершов, С.А. Пособничество - в Особенной части УК / С.А. Ершов // Законность. – 2012. – № 11. – С. 52-55.
146. Ершов, С.А. Перспективы развития понятия пособника / С.А. Ершов // Российский следователь. – 2013. – № 24. – С. 14-17.

147. Иванчин, А.В., Зосиева, М.В. Проблемы конструирования специальных составов преступлений / А.В. Иванчин, М.В. Зосиева // Юридическая наука. – 2017. – № 4. – С. 133-137.

148. Иванцов, С.В. Пособничество в террористическом акте как форма содействия террористической деятельности / С.В. Иванцов // Безопасность бизнеса. – 2017. – № 2. – С. 51-55.

149. Иногамова-Хегай, Л.В. Сложные вопросы квалификации служебных преступлений, требующие разрешения в Постановлении Пленума Верховного Суда / Л.В. Иногамова-Хегай // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 73-75.

150. Казакова, В.А. Вовлечение в совершение преступлений террористического характера / В.А. Казакова // Право в Вооруженных Силах. – 2004. – № 4. – С. 16-21.

151. Капинус, О.С. Изменения в законодательстве о должностных преступлениях: вопросы квалификации и освобождения взяткодателя от ответственности / О.С. Капинус // Уголовное право. – 2011. – № 2. – С. 21-26.

152. Кауфман, М.А. Правотворческие ошибки в уголовном праве / М.А. Кауфман // Журнал российского права. – 2016. – № 9. – С. 92-101.

153. Качалов, В.В. Соотношение принципов акцессорности и самостоятельности ответственности соучастников преступления по российскому уголовному праву / В.В. Качалов // Уголовное право. – 2005. – № 5. – С. 28-29.

154. Кибальник, А.Г. «Призраки» понимания взяточничества и коммерческого подкупа / А.Г. Кибальник // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 76-77.

155. Кибальник, А.Г. Судебные подходы к квалификации сексуальных преступлений / А.Г. Кибальник // Уголовно право. – 2014. – № 5. – С. 58-61.

156. Клебанов, М.И. К вопросу о возможности соучастия с двумя формами вины / М.И. Клебанов // Актуальные проблемы российского права. – 2008. – № 2(7). – С. 179-185.

157. Клименко, Ю.А. Квалификация посредничества в коммерческом подкупе и взяточничестве / Ю.А. Клименко // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2016. – № 4. – С. 96-105.

158. Клименко, Ю.А. О юридической природе соучастия в преступлении / Ю.А. Клименко // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 4 (17). – С. 137-146.
159. Клименко, Ю.А. Правила квалификации преступлений, совершенных в соучастии / Ю.А. Клименко // Журнал российского права. – 2017. – № 4. – С. 112-121.
160. Краснопеева, Е.К. Квалификация посредничества и соучастия во взяточничестве / Е.К. Краснопеева // Законность. – 2002. – № 2. – С. 35-37.
161. Кругликов, Л.Л. Исполнение преступления совместно с несовершеннолетними: вопросы квалификации / Л.Л. Кругликов // Вестник института: преступление, наказание, исправление. – 2011. – № 3 (15). – С. -8.
162. Кругликов, Л.Л. Объективные и субъективные признаки соучастия / Л.Л. Кругликов // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. – 2009. – № 1 (7). – С. 26-31.
163. Кудрявцев, В.Л. Склонение, вербовка или иное вовлечение лица как альтернативные действия объективной стороны содействия террористической деятельности / В.Л. Кудрявцев // Адвокат. – 2012. – № 5. – С. 21-25.
164. Любавина, М.А. О некоторых проблемах квалификации преступлений коррупционного характера / М.А. Любавина // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 89-91.
165. Мирзоян, В.Г. Понятие подстрекательства к совершению преступления в УК Российской Федерации и зарубежных стран / В.Г. Мирзоян // Общество и право. – 2009. – № 4. – С. 142-145.
166. Молчанов, Д.Н. Содействие террористической деятельности / Д.Н. Молчанов // Уголовное право. – 2011. – № 4. – С. 35-41.
167. Мондохонов, А.Г. Вопросы уголовной ответственности за организацию преступного сообщества (преступной организации) / А.Г. Мондохонов // Уголовное право. – 2010. – № 2. – С. 51-56.

168. Мурадян, С.В. Уголовно-правовое и административно-правовое регулирование борьбы с финансированием терроризма / С.В. Мурадян // Административное и муниципальное право. – 2011. – № 6. – С. 44-51.

169. Нагаева, Т.И. Применение терминов «вовлечение» и «склонение» в российском уголовном праве / Т.И. Нагаева // LexRussica. – 2011. – № 3. – С. 515-539.

170. Наумов, С.Н. Совместность участия как оценочный признак соучастия в преступлении / С.Н. Наумов // Общество и право. – 2009. – № 3. – С. 125-128.

171. Нуркаева, Т.Н. О судебной практике по делам о преступлениях против половой свободы и половой неприкосновенности личности / Т.Н. Нуркаева // Уголовное право. – 2014. – № 5. – С. 83-85.

172. Ображиев, К.В., Чашин, К.В. Криминализация посредничества во взяточничестве: поиск оптимальной модели / К.В. Ображиев, К.В. Чашин // Уголовное право. – 2013. – № 6. – С. 30-35.

173. Осипов, М.Ю. О некоторых проблемах квалификации преступлений террористической направленности / М.Ю. Осипов // Российская юстиция. – 2015. – № 3. – С. 28-30.

174. Плотников, А.И. Объективные и субъективные признаки соучастия в преступлении / А.И. Плотников // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2004. – № 3. – С. 85-90.

175. Плотников, А.И. Соучастие в преступлении: спорные вопросы / А.И. Плотников // LexRussica. Научные труды МГЮА. – 2007. – № 3. – С. 508-526.

176. Пушкин, А.А. Принципы акцессорной и самостоятельной ответственности соучастников преступления / А.А. Пушкин // Законность. – 2001. – № 3. – С. 27-30.

177. Рарог, А.И., Есаков, Г.А. Понимание Верховным Судом РФ «группы лиц» соответствует принципу справедливости / А.И. Рарог, Г.А. Есаков // Российская юстиция. – 2002. – № 1. – С. 51-53.

178. Парог, А.И. Уголовно-правовые позиции законодателя и правоприменителя / А.И. Парог // Lexrussia. – 2016. – № 11. – С. 46-60.

179. Парог, А.И. Уголовный кодекс России против терроризма / А.И. Парог // Lexrussia. – 2017. – № 4. – С. 155-178.

180. Руева, Е.О. Нарушение принципа справедливости в результате несовершенства юридической техники уголовного закона / Е.О. Руева // Российский следователь. – 2016. – № 4. – С. 42-46.

181. Сабитов, Т.Р. Дифференциация ответственности за взяточничество и коммерческий подкуп: критический взгляд / Т.Р. Сабитов // Уголовное право. – 2012. – № 1. – С. 70-75.

182. Серебряков, А.В. О соотношении вовлечения и подстрекательства к совершению террористического преступления / А.В. Серебряков // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 55-58.

183. Серебряков, А.В. К вопросу о квалификации содействия террористической деятельности / А.В. Серебряков // Общество и право. – 2010. – № 4. – С. 191-194.

184. Серебряков, А.В. К вопросу об обмане как способе вовлечения в совершение преступлений террористического характера / А.В. Серебряков // Общество и право. – 2010. – № 5. – С. 129-133.

185. Серебряков, А.В. Коллизионные аспекты криминализации пособничества в совершении террористического акта / А.В. Серебряков // Юридический вестник Кубанского государственного университета. – 2012. – № 1. – С. 12-13.

186. Талан, М.В., Тарханов, И.А. Посредничество во взяточничестве в уголовном праве России / М.В. Талан, И.А. Тарханов // Уголовное право. – 2013. – № 5. – С. 105-107.

187. Ткачев, И.В. Проблемы реализации уголовной ответственности за посредничество во взяточничестве / И.В. Ткачев // Уголовное право. – 2012. – № 2. – С. 64-70.

188. Ткачев, О.И. Ответственность за обещание или предложение посредничества во взяточничестве / О.И. Ткачев // Российская юстиция. – 2012. – № 3. – С. 35-37.

189. Трухин, А.М. Соучастник преступления / А.М. Трухин // Уголовное право. – 2006. – № 3. – С. 46-50.

190. Улицкий, С.Я. Институт соучастия в судебной практике / С.Я. Улицкий // Законность. – 2005. – № 11. – С. 25-27.

191. Хлебушкин, А.Г. Уголовная ответственность за финансирование экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ) / А.Г. Хлебушкин // Уголовное право. – 2015. – № 3. – С. 80 - 85.

192. Хлустиков, Н.Н., Лазарев А.В. Изменения уголовного законодательства в сфере борьбы с коррупцией: негативные последствия и проблемы правоприменения / Н.Н. Хлустиков, А.В. Лазарев // Законность. – 2017. – № 2. – С. 27-32.

193. Шарапов, Р.Д. Соучастие в неоконченном преступлении и «неудавшееся соучастие» / Р.Д. Шарапов // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2018. – № 1(43). – С. 7-16.

194. Шарапов, Р.Д. Соучастие в преступлении: закон, теория, практика / Р.Д. Шарапов // Lex Russica. – 2016. – № 10 (119). – С. 105-115.

195. Шарапов, Р.Д. Характер и степень соучастия в преступлении: закон, теория, практика / Р.Д. Шарапов // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2016. – № 14-2. – С. 88-90.

196. Шеслер, А.В. Исполнитель преступления / А.В. Шеслер // Lex russica. – 2016. – № 11. – С. 71-76.

197. Шеслер, А.В., Шеслер, С.С. Совместность совершаемого преступления как признак соучастия / А.В. Шеслер, С.С. Шеслер // Вестник Сургутского государственного университета. – 2018. – № 3 (21). – С. 59-65.

198. Яни, П.С. Посредничество во взяточничестве / П.С. Яни // Законность. – 2011. – № 9. – С. 12-18.

199. Яни, П.С. Проблемы квалификации посредничества во взяточничестве / П.С. Яни // Законность. – 2013. – № 2. – С. 24-29.

200. Яни, П.С. Новое Постановление Пленума Верховного Суда о взяточничестве / П.С. Яни // Законность. – 2013. – № 11. – С. 21-26.

3. *Диссертации и авторефераты диссертаций*

201. Абакаров, З.А. Ответственность за подстрекательство к совершению преступления по российскому уголовному праву: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Абакаров Зал им хан Абдулхакимович. – Саратов, 2006. – 205 с.

202. Алехин, В.П. Соучастие в террористической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Алехин Виталий Петрович. – Краснодар, 2008. – 223 с.

203. Аникин, А.А. Взятничество как коррупционное преступление и меры противодействия ему: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Аникин Александр Александрович. – Владивосток, 2009. – 236 с.

204. Арутюнов, А.А. Системный подход к общей теории соучастия в преступлении: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Арутюнов Александр Арташевич. – М., 2006. – 180 с.

205. Арутюнов, А.А. Соучастие в преступлении по уголовному праву Российской Федерации: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08 / Арутюнов Александр Арташевич. – М., 2006. – 49 с.

206. Богомолов, С.Ю. Ответственность за финансирование терроризма: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Богомолов Станислав Юрьевич. – Нижний Новгород, 2016. – 253 с.

207. Васюков, В.В. Виды соучастников в уголовном праве России: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Васюков Владимир Владимирович. – СПб., 2008. – 253 с.

208. Димченко, Н.В. Ответственность за преступления, совершенные в соучастии: теоретические и прикладные аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Димченко Наталия Вячеславовна. – М., 2007. – 188 с.

209. Дрепелев, А.С. Соучастник преступления: закон, теория, практика: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дрепелев Александр Станиславович. – Ярославль, 2017. – 239 с.

210. Дядькин, Д.С. Совершенствование уголовно-правового института соучастия в преступлении: дис. ...канд. юрид. наук: 12.00.08 / Дядькин Дмитрий Сергеевич. – М., 2002. – 231 с.

211. Ершов, С.А. Пособничество в общей и особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ершов Сергей Александрович, – Ярославль, 2014. – 226 с.

212. Ивлиев, С.М. Уголовно-правовые средства противодействия терроризму: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ивлиев Сергей Михайлович. – М., 2008. – 210 с.

213. Короткий, Ф.В. Наемничество: уголовно-правовые и криминологические аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Короткий Филипп Викторович. – Екатеринбург, 2009. – 180 с.

214. Косарева, Т.И. Пособничество совершению преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Косарева Татьяна Ивановна. – М., 2005. – 194 с.

215. Кошевой, И.О. Криминологические и уголовно-правовые проблемы борьбы с содействием террористической деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кошевой Иван Олегович. – Москва, 2011. – 182 с.

216. Кустова, В.В. Уголовная ответственность за финансирование преступной деятельности: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Кустова Виктория Викторовна. – Москва, 2016. – 206 с.

217. Наумов, С.Н. Оценочные признаки соучастия в преступлении: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Наумов Семен Николаевич. – Краснодар, 2009. – 195 с.

218. Осипов, К.Л. Ответственность за наемничество по российскому уголовному законодательству: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Осипов Карен Львович. – Москва, 2003. – 178 с.

219. Плужников, А.В. Соучастие в преступлении (проблемы общего и специального субъекта): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Плужников Андрей Викторович. – М., 2008. – 153 с.

220. Рыжов, Р.С. Уголовная ответственность соучастников преступления: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Рыжов Роман Сергеевич. – Рязань, 2003. – 236 с.

221. Серебряков, А.В. Содействие террористической деятельности: проблемы квалификации и соотношения со смежными составами преступлений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Серебряков Артур Владимирович. – Краснодар, 2012. – 169 с.

222. Ульянова, В.В. Противодействие финансированию терроризма: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Ульянова Вера Владимировна. – Екатеринбург, 2010. – 184 с.

223. Шубина, В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08 / Шубина Вероника Юрьевна. – Краснодар, 2012. – 182 с.